

© С.В. Соколовский, М.Л. Бутовская, Б.Е. Винер, Г.Д. Винокуров,
Н.С. Любимова, А.Р. Медведева, Е.В. Попова, Н.В. Ссорин-Чайков,
А.А. Филатова, А.Н. Ямсков

Парадигмы, подходы и теории в современной антропологии: дискуссия по статье С. В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

Соколовский Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН. e-mail: sokolovskiserg@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-0112-0739>

Бутовская Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН. e-mail: marina.butovskaya@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>

Винер Борис Ефимович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. e-mail: wienerras@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-9319-0250>

Винокуров Григорий Дмитриевич – магистрант, факультет антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, департамент истории Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в Санкт-Петербурге. e-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gvinokurov@edu.hse.ru <https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>

Любимова Наталия Сергеевна – младший научный сотрудник Этнографического научно-образовательного центра Института этнологии и антропологии РАН. e-mail: lyubimova@iea.ras.ru <https://orcid.org/0000-0002-1364-0280>

Медведева Арина Ринатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры теории медиа, Челябинский государственный университет. e-mail: arinamka@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-8911-5100>

Попова Евгения Владимировна – кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. e-mail: iam.e.popova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1716-8849>

Ссорин-Чайков Николай Владимирович – PhD, доцент Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Санкт-Петербург. e-mail: nssorinchaikov@hse.ru <https://orcid.org/0000-0001-7521-6912>

Филатова Ася Алексеевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Центра образовательных разработок на основе технологий искусственного интеллекта Школы перспективных исследований ТюмГУ, ассоциированный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. e-mail: asyafilatova82@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-0497-0018>

Ямсков Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии ИЭА РАН. e-mail: yamskov@iea.ras.ru <https://orcid.org/0000-0001-9995-5883>

Для цитирования: Соколовский С.В., Бутовская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Ссорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта» // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 1. С. 29-121, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/29-121>

Ключевые слова: антропологическое знание, антропологическая теория, парадигма, субдисциплина, когнитивная антропология, этнология, онтологический поворот, история антропологии, антропология техники, STS, антропология науки

Публикация является обсуждением статьи С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта», а также его доклада на Теоретическом семинаре ИЭА РАН, состоявшемся 4 марта 2025 г. Вступительное слово Соколовского излагает суть вопросов, предлагавшихся к обсуждению: наличие парадигм в современной антропологии и ее субдисциплинах, соотношение теории и эмпирики в антропологических исследованиях и др. Девять реплик дискуссантаов обсуждают те или иные аспекты заданной повестки: традиции отечественной антропологии (М.Л. Бутовская), наличие парадигм и обсуждение этого понятия в социологии (Б.Е. Винер), перспективность «таксономического» подхода к анализу антропологического знания (Г.Д. Винокуров), наличие парадигм в исследованиях по истории антропологии (Н.С. Любимова), теоретическое развитие исследования атмосфер (А.Р. Медведева), состояние исследований в антропологии технологий (Е.В. Попова), состояние исключения как теоретическая основа антропологических исследований (Н.В. Ссорин-Чайков), эпистемические модусы и эпистемические культуры (А.А. Филатова), парадигмы в этноэкологии (А.Н. Ямсков). Публикация включает ответы Соколовского дискуссантаов.

С.В. Соколовский.

Вступительное слово

В марте 2025 г. после долгого перерыва возобновилась работа Теоретического семинара Института этнологии и антропологии РАН, участникам которого предварительно была разослана статья, открывающая этот номер журнала, и небольшой список вопросов, который хотелось бы обсудить. Однако в ходе самого семинара, поскольку к нему присоединились многие слушатели, не ознакомленные с разосланной статьей, для экономии времени я предложил тезисы, отчасти развивающие некоторые положения статьи, отчасти акцентирующие уже имеющиеся в ней утверждения. После доклада выступили два официальных оппонента, комментировавшие только содержание статьи, а не выступление. В то же время другие участники дискуссии в своих репликах реагировали либо на мое устное выступление, либо и на него, и на статью. В силу этого было признано целесообразным привести здесь не только саму статью, но и сокращенный вариант вступительного слова, помогающий сориентироваться в комментариях дискуссантаов. Его текст и приводится ниже.

Предполагалось, что участники дискуссии станут обсуждать не содержание конкретных теорий или их соответствие реальности, но размышлять на материале *собственного опыта* над вопросами *метатеоретического характера*, например, такими как «что такое *парадигма* в конкретной сфере исследований, или специализации»; «что такое *теория*», «что такое *подход*», «как определяются и чем задаются *границы* конкретной исследовательской

области» и «что попадает, а что исключается из нее и на каких основаниях». В предваряющей семинар рассылке участникам предстоящего обсуждения предлагались следующие вопросы:

1. Можно ли в рамках Вашей области исследований (специализации, дисциплины) на каких-то этапах ее развития и истории говорить о наличии парадигм (в рамках приведенных в прилагаемой статье определений) или их смене? Если да, то как происходила эта смена, каков был характер дискуссий между представителями старой и новой парадигм?

2. Имеет ли с Вашей точки зрения и применительно к Вашей специализации смысл продолжать использовать старое деление наук на номотетические (естественные) и идеографические (социальные и гуманитарные, науки о материи и науки о духе, науки о природе и науки о культуре, науки аналитические и дескриптивные)? Если это так, то с какими особыми структурами знания мы сталкиваемся в науках о человеке? Если с Вашей точки зрения такая классификация устарела и должна быть изменена (например, в силу отмеченной Б. Латуром современной гибридной природы и культуры), то какие следствия это имеет для научного знания вообще и знания антропологического, или конкретнее — знания в рамках Вашей дисциплины (области исследований)?

3. Существуют ли в Вашей дисциплине (исследовательской области) такие конфигурации знания, которые Вы и Ваши коллеги обозначаете термином «теория»? Если да, то каковы отличительные признаки содержания понятия «теория» в этой области? Имеет ли она, например, прогностическую сторону; поведение какого класса объектов она стремится объяснить? Построена ли она на каузальных (детерминистских) моделях, опирается ли на так наз. идеальные (постулируемые, но не наблюдаемые) объекты? Выходят ли существующие в данной дисциплине обобщения за рамки классификации или типологии или ограничиваются ими как пределом «теоретизации»?

4. Используете ли Вы в Вашей дисциплине (исследовательской области) эксперименты (мысленные, лабораторные, полевые и т.д.)? Какие параметры в них контролируются и какие остаются за рамками контроля, то есть относятся к *ceteris paribus* (прочим равным)?

5. Что Вы можете сообщить о наличии консенсуса в Вашей дисциплине (исследовательской области) на определенных этапах ее развития, в том числе сегодня?

6. Что Вы можете сказать о ценностях, существующих в Вашей дисциплине (исследовательской области)? Являются ли они общенаучными, или есть уникальные, специфические (например, только для социальных наук или только для данной субдисциплины)?

7. Имеет ли для Вас смысл противопоставление научной идеологии — идеологии, идущей от власти (политической в узком смысле слова)? Если да, то в каких отношениях они сосуществуют в рамках планирования и реализации научных исследований в Вашей дисциплине?

Соколовский С.В., Бугорская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

В устном выступлении они были сгруппированы в четыре темы:

- Наличие *парадигм* и *теорий* в вашей специализации; столкновений между ними (дискуссий); как понимается теория в этой субдисциплине (направлении исследований)
- Разделяемые исследователями в рамках данного направления *нормы, ценности и идеалы* (напр., объективность, нейтральность, полезность, актуальность, ориентация на объяснение или понимание, на эксперимент или наблюдение и т.д.)
- Существует ли в рамках данного направления *консенсус*, и если есть разногласия, то какого они характера (идеологические, теоретические, методологические)?
- Смысл и содержание понятий *парадигма, теория, подход, направление, область исследований* в вашей сфере исследований; чем определяются ее границы?

Во время самого семинара общая дискуссия не состоялась, поскольку все отведенное на нее время было исчерпано оппонентами, поэтому было принято решение о письменном формате обсуждения на страницах журнала.

Избранная для дискуссии тема не была случайной. Дело в том, что предыдущее заседание этого семинара проходило более тридцати лет назад, что для любой науки — срок весьма значительный. Если говорить о последнем тридцатилетии российской антропологии, то можно констатировать радикальные изменения: за это время оформились новые субдисциплины и исследовательские центры, появилось множество новых направлений и журналов. Традиционные предметы исследования преобразились за счет новых подходов и методов, но также и благодаря переосмыслению базовых для нашей науки понятий — *человека, культуры, природы, материальности, времени и пространства*. Сам факт кардинальных трансформаций делает насущным осмысление этого периода, оценку произошедших изменений, ревизию знаний и инвентаризацию теоретического инструментария, а дискуссия по этим темам может стать хорошим инструментом для такой ревизии. Такая оценка необходима не столько для фиксирования достижений или промахов, сколько для стратегического планирования исследований.

Почему мы обращаемся к рефлексии на метатеоретическом уровне именно теперь? Я не стану сейчас рассуждать ни о кризисе легитимации т.н. больших нарративов, отказе от них, ни от возникших через пару десятилетий ностальгии по большой теории и попыток предложить альтернативу некогда доминировавшим марксизму, эволюционизму, структурализму, постструктурализму и т.д. Вместо этого я поделюсь с вами собственным ощущением, которое, впрочем, подтверждается и наблюдениями коллег-антропологов, как отечественных, так и зарубежных. Ощущение это можно обозначить как неудобство от *дисбаланса между теорией и эмпирикой*, примеры которого обнаруживаются буквально повсюду, во множестве направлений и национальных традиций антропологических исследований.

Чтобы пояснить, что я имею в виду под *балансом теории и эмпирики*, придется кратко напомнить о некоторых положениях, сформулированных еще в начале 1960-х годов Томасом Куном. Я имею в виду его представления относительно *фазы нормальной науки*, в которой и происходит накопление знания. Для тех, кто мало знаком с его книгой «Структура научных революций», написанной на материалах естественных наук, я приведу несколько необходимых для этого обсуждения положений, которые, впрочем, уже превратились (во всяком случае — в науковедении) в общее место. Кун писал, что кризис теории в результате столкновения с противоречащими ей фактами преодолевается либо за счет *модификации* самой теории, либо за счет *выдвижения новой*. Период соперничества между прежней и новой теориями или парадигмами Кун называет научной революцией, а для периодов между такими кризисами он использует выражение *нормальная фаза развития научного знания* — фаза, для которой характерны *консенсус* в данном научном сообществе и *кумулятивное накопление* фактов на основе доминирующей теории. Используемые в этой фазе теоретические модели удовлетворительным для членов сообщества образом объясняют и прежние, и новые факты, и такое состояние консенсуса и выражает *баланс теории и эмпирики*. Я упомянул, что Кун предлагал свою модель исторического развития научных знаний на материалах естественных наук, главным образом, физики. И как бы мы ни оспаривали кумулятивизм в этих науках, мы можем утверждать, что в случаях физики, химии и математики человечество знает сегодня больше, чем знали древние греки или ученые XVIII и XIX вв.

Все оказывается сложнее и запутаннее в случаях социальных наук и гуманитарных дисциплин (последние, как известно, в англо-американской традиции называют либеральными искусстваами). Кун сообщает, как он был поражен, столкнувшись с «числом и размахом» противоречий в сообществах социологов и психологов, — ситуацией и проблемой, которые, собственно, и подтолкнули его к разработке теории научных революций и заставили размышлять о роли в ней парадигм или парадигмальных норм и знаний.

Нельзя утверждать, что парадигматические структуры в наших дисциплинах отсутствуют: экономисты в содружестве с математиками сумели предложить ряд моделей развития мировой экономики с возможностями прогноза (пример — циклы Кондратьева). Социологи, политологи и антропологи оказались не столь успешными, и кумулятивизм здесь не развивается на собственной базе, а скорее следует за финансовым капиталом, поскольку устойчивое финансирование отдельных узких направлений здесь выполняет роль подпорки, заменяющей и восполняющей отсутствие консенсуса в дисциплинарном сообществе. Критерием здесь оказывается не столько *истина* или соответствие реальности, сколько *производство самой реальности* в виде требуемого результата. Эффективность здесь определяется результатами применения таких знаний: например, использования психологических знаний для манипуляции поведением *избирателя*, *покупателя* и *обывателя*. Для *избирателя* психологами и политологами разработаны такие технологии как имиджмейкерство и технологии выборов; для *покупателя* — технологии рекламы, брендинга и маркетинга; для управления поведением *обывателя* — технологии цветных революций и переворотов, опять же с применением медиа-технологий и знаний, полученных в социальной психологии. Однако в отличие от загадок, стоявших перед физиками, химиками и биологами,

многие из которых были разгаданы, усилия социальных исследователей пока не привели ни к искоренению насилия, вражды, пыток и войн, ни к решению проблем нищеты или несправедливого распределения ресурсов. У нас пока крайне мало достижений, которые можно было бы поставить вровень с достижениями естественных наук. Впрочем, например, в разработке LLM (*Large Language Models*) для искусственного интеллекта участвовали не только математики и программисты, но и лингвисты (в скобках замечу, что именно современная лингвистика является убедительным примером наличия парадигмального знания в гуманитарных дисциплинах).

Ситуация с балансом эмпирики и теории сильно варьирует от направления к направлению и от одного исследователя к другому. Баланс характерен для монопарадигмальных ситуаций нормальной фазы развития научных знаний, в то время как ситуацию в *антропологии в целом* никак нельзя квалифицировать как монопарадигмальную. «Мультипарадигмальность» в соответствии с позицией Куна свидетельствует скорее о незрелости дисциплины и, по сути, о до- или предпарадигмальном состоянии корпуса ее знаний. Мультипарадигмальность не может рассматриваться и как «нормальная фаза», поскольку необходимым элементом и сущностью последней является *консенсус* в сообществе относительно базового набора предписаний и образцов решения проблем.

Сосуществование в рамках одной дисциплины нескольких парадигм может объясняться либо ситуацией научной революции, когда старая парадигма вытесняется новой, либо наличием псевдопарадигматических структур, закамуфлированных под научное знание. Третья возможность — существование набора *слабо* между собой связанных и ставших *автономными* исследовательских областей, лишь формально и по исторической традиции или инерции объединяемых под общим названием с другими столь же независимыми областями исследований. Мне представляется, что антропология в целом и ее ведущие школы или национальные традиции — в частности как раз и представляют собой сегодня наборы таких слабо связанных направлений, объединяемых лишь общей генеалогией, но в прочих отношениях ставших вполне автономными, обладающими собственными нормативными культурами, то есть самостоятельными наборами предписаний, правил и ожиданий от членов таких сообществ, своими образцами исследовательских и публикационных практик и т. д. — всем тем, что Кун в обновленном издании «Структуры научных революций» обозначил понятием *дисциплинарной матрицы*, или парадигмы в широком смысле слова. Антропология в данном отношении не одинока — экономика, социология, история и философия находятся в такой же ситуации: у них нет ядра, объединяющего множество специализаций, точнее, такое ядро существовало в период их формирования как самостоятельных дисциплин, но было опустошено дифференциацией и фрагментацией дисциплинарного знания.

Теперь можно задать более осмысленный вопрос относительно состояния каждого из таких направлений, объединяемых под шапкой антропологических исследований. И здесь выясняется, что ситуации относительно парадигмального статуса среди них весьма различаются. Мы снова встречаем поли- или мультипарадигмальность уже на уровне отдельных специализаций, но также и явные отклонения от парадигмальных структур, которые я предлагаю назы-

вать квази- и псевдопарадигмами. При этом выясняется, что чем ближе такая область к естественным наукам, тем ближе структуры ее знания к классическим парадигмальным структурам.

Здесь уместен пример эволюционной антропологии — дисциплины, близкой к биологии и по типу знаний вполне соответствующей представлению Куна о парадигмах. Специалисты выделяют в ней сегодня до десятка самостоятельных направлений или специализированных областей, однако если говорить о доминирующих парадигмах, то их вполтину меньше. В их число входят:

- 1) поведенческая антропоэкология (*Human Behavioral Ecology*, HBE);
- 2) эволюционная психология (*Evolutionary Psychology*, EP);
- 3) теория культурной эволюции (*Cultural Evolution Theory*, CET);
- 4) теория генно-культурной коэволюции (*Gene-Culture Coevolution*, GCC);
- 5) теория расширенного эволюционного синтеза (*Extended Evolutionary Synthesis*, EES), пришедшая на смену синтетической теории эволюции, или стандартной эволюционной теории (*Standard Evolutionary Theory*, SET); и, наконец,
- 6) теория экологических ниш (*Niche Construction Theory*, NCT).

О парадигмальной структуре всех этих знаний свидетельствует то обстоятельство, что представители этих направлений, придерживающиеся разных теорий или их версий, могут вступать в *продуктивный диалог* на основе предлагаемых теориями утверждений и соответствующих им фактов, чего совсем не происходит в случаях псевдо- или квазипарадигмального знания, точнее — там эти дискуссии разворачиваются не на научных, а скорее на идеологических основаниях.

Я приведу лишь пару примеров продуктивных столкновений между представителями разных парадигм в рамках эволюционной антропологии: представители экологии поведения человека (такие, например, как Эрик Альден Смит, университет штата Вашингтон, Сиэтл) отстаивают т.н. *модулярность* адаптации — в соответствии с которой поведение человека не подчиняется единой и общей стратегии, но распадается на ряд специфических модулей, каждый из которых решает отдельную проблему адаптации — поиск пищи, партнеров, союзников, в то время как *эволюционные психологи* (например, Дэвид Басс, или Леда Космидес) придерживаются концепции *адаптационизма*, отстаивая наличие универсальной гибкости поведения под влиянием экологического давления. Еще пример: сторонники теории ниш спорят с защитниками стандартной теории эволюции, подчеркивая активную роль организмов (включая человека) в изменении среды и формируемых в результате их деятельности обратных связей, изменяющих направление эволюции (в стандартной эволюционной теории роль организмов более пассивна). Оба эти примера демонстрируют парадигмальный характер знаний по меньшей мере в отдельных ветвях эволюционной антропологии. В статье я привел и при-

Соколовский С.В., Бугонская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

мер дискуссии между носителями квазипарадигмы (теория этноса в версии Бромлея и его коллег) и псевдопарадигмы (теория этноса Гумилева). Возможно, кто-то вспомнит в этой связи о другом концепте науковедения — несоизмеримости, однако он применялся все-таки к научному знанию, к которому некоторые гипотезы Гумилева о пассионарности этносов вряд ли относятся.

Вернемся к тезису о балансе теории и эмпирики. Ситуация с этим балансом, как уже упоминалось, оказывается уникальной для каждого из направлений или субдисциплин, иными словами, мы не можем формулировать универсальных суждений типа «для всей антропологии характерно их конкретное и единственное соотношение». Ситуация в каждой из областей своя, но, оставаясь уникальной, она в большинстве из них одновременно остается неудовлетворительной.

Причину этому я усматриваю в методологической эклектике, которая формировалась как раз в течение последних 25–30 лет, когда большие нарративы потеряли легитимность, а с ними исчез и фундамент для консенсуса, то есть само основание, на котором формируется «нормальная фаза» в развитии научного знания. Мы оказались в положении, которое американский социолог Эндрю Эбботт, описывая ситуацию в социологии, назвал «хаосом дисциплин» (*Abbott 2001*). Антропология в этом отношении вполне подобна социологии — мы тоже не очень умеем исключать из предмета дисциплины все новые и постоянно множасьщиеся объекты, темы и сюжеты, которые имеют хотя бы косвенное отношение к человеку, культуре или обществу. Такая установка нам кажется вполне оправданной, однако она порождает фрагментацию и специализацию знания, за которой консервативная по своей природе классификация наук и университетское разделение преподавания по предметам явно не успевают. А поскольку у любой дисциплины есть и социальная сторона — то есть сообщества, индивидуумы и связи между ними, то само присутствие представителей уже вполне автономных специализаций в рамках одних и тех же отделов и кафедр, созданных на основе устаревшей классификации дисциплин, не может не подрывать консенсуса. Вместе с тем такое присутствие представителей разных направлений не создает и никаких революционных ситуаций, а просто содействует центробежным тенденциям в развитии знания. Как отметил в одном из своих интервью Джордж Маркус, центробежные силы таковы, что ядро дисциплины становится пустым (*Marcus, Pissarro 2008*).

Что же получается в данном случае с балансом эмпирики и теории? Самой распространенной практикой, как в ее высокопрофессиональных образцах, так и в ее эпигонском модусе оказывается то, что я называю *концептуальным бриколёрством*. Практика эта заключается в том, что подбирается несколько концептов, часто из не связанных между собой теорий, с помощью которых полученные наблюдения интерпретируются. Поскольку наблюдения уникальны, то общей площадки для дискуссий с коллегами зачастую не возникает. Сама идея консенсуса в сообществе начинает в таких случаях выглядеть абсурдной. И тут либо Кун не прав, говоря о согласии как основе постепенного продвижения вперед, либо сами такие практики имеют отношение, скорее, не к науке, а к тому, что Гирц определил как особую *манеру письма*, а наш коллега из Принстона Сергей Ушакин в недавно опубликованной реплике относительно роли теории в антропологии назвал *сюжетостроением* (Форум

2025: 128). Однако это, если говорить о конкретной практике использования научных концептов — светлая сторона. Темная сторона обнаруживается в чисто орнаментальном и искаженном относительно источника использовании фрагментов концепций, когда «актуальные» в сегодняшней повестке термины и понятия не слишком хорошо работают для интерпретации подручных материалов, особенно на фоне традиционно используемых для таких наблюдений интерпретаций, которые энтузиастам нового, но недостаточно освоенного, кажутся скучными. Такие фрагменты модных концепций привлекаются лишь в качестве виньеток, «украшающих» изложение материала, или для придания «веса» материалам, поскольку чисто описательные работы сегодня не котируются.

Обе стороны этого дисбаланса эмпирики и теории — это только один из его видов. Другие виды более традиционны и встречаются чаще. Наиболее распространенный среди них — бесконечное подтверждение отдельного и чем-то полубившегося автору, или, что еще типичнее — сообществу исследователей в рамках конкретного направления, уже не раз убедительного доказанного положения. В советской науке это называлось «введение в научный оборот новых материалов», а у наших зарубежных коллег все чаще обозначается фразой *paper mills* — *бумажные мельницы* — бизнесом по производству не новых положений, а рейтинговых публикаций. Модель всюду одна и та же — известное положение вещей рассматривается на (в кавычках) «новом объекте», новизна которого состоит не в модификации рассматриваемых утверждений, в их уточнении или опровержении, а строится на модификациях места, времени или объектов наблюдения. Например, утверждается, что нечто характерно для всего человечества (варианты: характерно для мужчин, женщин, горожан — подставьте излюбленную категорию), и это суждение воспринимается на данном этапе развития этой области знаний как доказанное. Далее коллектив или энтузиаст, не оспаривающий самого утверждения, демонстрирует его справедливость для региона А, или сообщества В, или гендера С, или любых их пересечений и объединений. Прирост знаний здесь остается номинальным — все члены сообщества и без этой публикации знали, что данные утверждения справедливы либо для всего человечества, либо для одной из его половин, либо для рассматриваемой эпохи, но магия фразы «введение в научный оборот новых материалов» и публикационный бизнес делают свое дело. Это происходит у нас, но еще в значительно больших масштабах во всем мире (мне уже приходилось писать о таких практиках в Вестнике РАН (Соколовский 2022). Аналитикам публикационной политики эта ситуация давно известна, но за ее воспроизводством лежит что-то вроде аналога глубинного государства — коррумпированная рейтингами либерально-капиталистическая модель науки, подчинившая и здешнюю бюрократию, я имею в виду прежде всего навязываемую истеблишментом от науки (прежде всего, профильным министерством, а теперь уже и отделением РАН) отчетность, изымающую пару месяцев исследовательского времени и льющую воду на эти самые бумажные мельницы.

Почему я рассматриваю этот вид соотношения эмпирики и теории как дисбаланс? Причина ясна: теории в таких избыточно повторяющихся подтверждениях некогда обнаруженной закономерности — на грош, а эмпирики — с явным переизбытком. Оба вида дисбаланса являются реальными препятствиями на пути нормального развития научного знания.

Соколовский С.В., Бугоевская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

Существует и еще один вид дисбаланса — с избытком теоретических утверждений и недостатком или полным отсутствием подтверждающих их наблюдений и материалов. Он легко распознается как «голая схоластика», «пустое теоретизирование» и даже (с пренебрежительной интонацией) как «философия». С последней квалификацией, иногда используемой моими коллегами, я не согласен, поскольку в данном случае это *misnomer* — откровенно неудачное и неверное обозначение, обнаруживающее скорее агрессивный обскурантизм говорящего, который стремится избежать углубления в основания собственных воззрений — этих все еще встречающихся мольтеровских журде-нов, фонвизинских недорослей, грибоедовских фамусовых и их наследников, из разряда тех, кто «не читал, но осуждает».

По моим наблюдениям, проблема баланса теории и эмпирики явно обострилась с падением больших нарративов или объемлющей трансдисциплинарной теории. Возникает подозрение, что все эти виды дисбаланса сами являются симптомами отсутствия такой теории. Я говорю «подозрение», потому что это утверждение нуждается в доказательстве, а пока остается в статусе гипотезы.

Вернемся, однако, к теме трансформации российской антропологии за последние четверть века. Я многократно представлял свои взгляды относительно состояния нашей дисциплины (кажется, даже чересчур часто, поскольку опубликовал уже что-то около 50 работ на эту тему). В результате у меня накопилась серия срезов в мониторинге происходящего в дисциплине, из которых для экономии времени я представляю лишь пару иллюстраций, демонстрирующих масштаб перемен только за последнее десятилетие.

Еще в 2015 г., всего десять лет назад, число антропологов, специализирующихся в визуальной, цифровой антропологии или антропологии туризма или спорта колебалось в диапазоне от единиц до максимум полусотни. Сегодня часть существовавших всего десятилетие назад антропологических направлений либо исчезла, либо существенно потеряла в количестве своих последователей, а другая часть — значительно трансформировалась и отбросила прежние наименования как устаревшие. На их месте сформировалось множество новых, которые я для удобства называю «объектно-ориентированными», поскольку в их наименованиях обычно присутствует наименование их основных объектов — антропология катастроф, антропология государства, антропология времени, антропология движения, антропология аффекта, антропология телесности, антропология техники и т. п.

Примерно такие же процессы трансформации и дифференциации происходили и в других национальных традициях. В данном случае интерес представляют перечни направлений, сгенерированные AI — приложением DeepSeek, реализованном на платформе DeepThink-R1. На вопрос о влиятельных парадигмах в современной антропологии это приложение выдало десять подходов или, скорее, научных идеологий (их перечень приведен в открывающей этот номер журнала статье), проигнорировав, впрочем, фрейдизм и психоанализ, как известно, довольно существенно повлиявшие на психологическую антропологию.

Сравнение моих собственных оценок известных мне направлений с аналогичными оценками их текущего состояния с помощью систем искусственного

интеллекта дает лишь частные совпадения, и эти совпадения касаются, как правило, лишь тех сведений, которые я считаю банальными. Мы понимаем, что конфигурация знаний, то есть наличие в конкретном направлении конкурирующих подходов, теорий, парадигм или консенсуса, зависит от конкретной национальной исследовательской традиции и от исторического периода, и не может обобщаться на всю субдисциплину, или тем более — на антропологию в целом. Такого рода диагнозы должны оставаться всегда сугубо конкретными. К примеру, я не могу рассуждать о состоянии такой антропологической субдисциплины как медицинская антропология, но у меня появляются некоторые основания для оценки, если я рассматриваю конкретную национальную традицию таких исследований — например, американскую. Разумеется, оставаясь сегодня ведущей, она не может не влиять на другие национальные традиции, и вступая с ними в диалог, создает прецеденты для обобщений на уровне всей этой дисциплины и для общих в ее рамках дискуссий. Например, европейская (или уже — нидерландская) традиция, благодаря исследованиям Аннмари Мол и ее коллег, в целом представляет альтернативу американской критической медантропологии, поскольку строится на иных принципах и основана на иной парадигме. Таким образом, обобщения на уровне целых дисциплин с вопросом о доминирующих теориях или подходах обычно оказываются поверхностными.

Предпринятое здесь предварительное рассмотрение отдельных направлений в рамках антропологических исследований в целом свидетельствует о том, что *разделение научного труда в дисциплине далеко от оптимального*, и что наравне с прорывными направлениями, интегрирующими антропологическое знание с передовыми исследованиями в области нейрокогнитивных и медико-биологических наук или STS, в нашей дисциплине продолжают пережиточно существовать явно *устаревшие исследовательские программы*, построенные на давно утративших свою актуальность представлениях о человеке и культуре. Говорить о балансе теории и эмпирики в этих случаях не имеет смысла, поскольку сама история дисциплины демонстрирует, что такие устаревшие подходы сохраняются за счет вненаучных факторов — идеологических, карьерных и проч. На более позитивной ноте можно утверждать, что оценка состояния знаний в границах отдельных направлений помогает корректировать исследовательские программы, поскольку она остается хорошим инструментом ориентации дисциплины как относительно ее истории, так и ее места в постоянно меняющемся разделении научного труда. Большинство социальных наук, как уже отмечалось многими исследователями после Куна, осуществляют свой прогресс не за счет парадигмальных сдвигов, но в результате конкуренции между теориями, функционирующими не на уровне дисциплины в целом, но в рамках конкретных исследовательских областей, специализаций и направлений. Это обусловлено самим характером социального знания, которое не универсально (история, как известно не повторяется), но зависит от исторического и политического контекстов, и прогресс знаний здесь состоит в обнаружении регулярностей и аномалий, а не законов, как в естественных науках, в силу чего место эксперимента здесь занимает сравнительный метод. Несовместимость подходов (несоизмеримость у Куна) в социальных науках замещается взаимным игнорированием, например, Вебер и Дюркгейм, зная работы друг друга, не ссылались на них, и таких примеров — легион (Dogan 2001: 11024).

Соколовский С.В., Буговская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Скорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

М.Л. Бутовская

Антропология будущего в нашей стране не должна отвергать наследие российской/советской антропологической школы (комментарии к докладу С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»)

Статья Сергея Валерьевича затрагивает важные для всех антропологов вопросы теории нашей науки в современных реалиях и, вне всяких сомнений, является актуальной и своевременной. Напоминаю, что автор (далее для краткости С.В.С.) обращается к вопросу «роли дисциплинарной матрицы и консенсуса для развития антропологических дисциплин», а также сравнивает «оценки тематической подразделенности нескольких антропологических субдисциплин, полученные при запросах DeepSeek, с авторскими оценками состояния этих областей знания».

Логичной выглядит и постановка задачи, направленной на выявление и оценку недостатков «действующих поисковых систем, использующих искусственный интеллект». На фоне реального бума в развитии систем искусственного интеллекта, призванных существенно облегчить работу с большими данными в одних областях науки и заменить человека в других областях деятельности, в том числе и интеллектуальной, мнение и голос антрополога о будущем человечества, путях его дальнейшей эволюции, к примеру, возможной интеграции с искусственным интеллектом в единое целое, подобно мыслящему океану Станислава Лема, или лучистому человечеству Константина Эдуардовича Циолковского, конечно же, является исключительно значимым.

Сразу же хочу сказать, что сам по себе вопрос о структурах антропологического знания уместен и адекватен в антропологической аудитории, но именно потому, что мы сейчас находимся в этой аудитории (то есть среди антропологов), а не среди коллег-философов, целый ряд положений, рассмотренных в статье, мне представляется несколько проблематичным и не вполне адресным (применительно к антропологам). Ниже я постараюсь пояснить почему.

Далее я буду обращаться к конкретным разделам текста статьи С.В.С. и предлагать свои комментарии и размышления, которые ни в коей мере не претендуют на истину в последней инстанции, но продиктованы профессиональным опытом и знаниями в рамках моей и смежных дисциплин (биологическая антропология, этология, генетика, кросс-культурная и эволюционная психология).

Раздел «Черный ящик». Размышления о черном ящике, предложенные философом Джоном Сёрлем, вероятно, воспринимаются с восторгом среди его коллег, но не вполне устраивают (прошу прощения, что беру на себя ответственность за такое утверждение), скажем, антропологов (биологов), как, впрочем, и современных социологов, генетиков, вирусологов, эпидемиологов. Они не вполне состоятельны в плане логики, поскольку сегодня каждая наука имеет свой корпус понятий, и специалисты в этой области знакомы с ними. В противном случае они не могут понимать коллег и не могут работать с литературой. Если речь идет о случайном подборе работ на исключительно широкую тему, то обычно, исследователи учитывают, кто автор написанного

и с каким бэкграундом. В специальный высокорейтинговый тематический журнал невозможно писать статьи, закликаясь на базовых понятиях, потому что тогда на реальное представление собственных материалов и их анализ просто не останется места. То есть, иными словами, на таких пояснениях может настаивать (и их же приводить в своих работах) только тот, кто сам реальные данные не собирает и их не анализирует, а обсуждает нечто абстрактное и аморфное. Для чего антропологи должны постоянно апеллировать к философским знаниям и расценивать их как приоритетные и высшие по отношению к их собственным? У них есть свой предмет и объект, огромное количество нерешенных вопросов для исследований фундаментальных и прикладных.

В разделе «Черный ящик», дискутируя о рамочных понятиях и категориях, С.В.С. апеллирует к Латуру. Привожу дословно: «Латур бы сказал, что они помещаются в черный ящик, начиная функционировать как машина для производства объяснений, чей механизм остается для рядовых пользователей скрытым (*Латур* 2013, 2014)». Мне представляется, при всем уважении к Латуру, что ситуация с трансформацией от современных верифицируемых и тестируемых научным образом данных на уровень расплывчатых понятий — это сползание из современности в средневековый схоластический спор, возникающий в силу вынужденного отсутствия понимания природы конкретных вещей в то время. Однако в конкретном варианте обсуждение идет вокруг природы ковида, и ситуация совершенно иная. Зачем обращаться к образу черного ящика, если исходные данные известны, более того, сама структура вируса расшифрована на генетическом уровне?

С.В.С. совершенно справедливо указывает на сохраняющееся противостояние между точными и естественными науками, с одной стороны, и социогуманитарными — с другой, уходящее корнями в философские представления XIX в. И приводит пример такой точки зрения в лице Джерома Брунера, настаивающего на наличии двух способов мышления: логико-научного (требующего объяснительной составляющей) и нарративного (в рамках которого упор делается на понимание и интерпретацию, а не на выявление сущностной стороны рассматриваемого феномена) (*Bruner* 1996). В рамках подобной дихотомии с очевидностью вскрывается специфическое видение социальных наук, куда включена также антропология (социальная), и отстается необходимость анализа изучаемого материала исключительно с позиций нарратива. Последним отводится роль обобщений высшего уровня, но не ясны основания такого утверждения, равно как и не доказано научно наличие нарративного мышления как альтернативы логическому. Позволю себе напомнить, что современные исследования в области нейробиологии, осуществляемые современным оборудованием, позволяющим проводить сканирование мозга в процессе мыслительной деятельности, служат хорошим базисом для опровержения таких представлений. Наблюдения в любой науке являются основой для формирования выводов о природе конкретного явления. В противном случае будем иметь социальный сговор по вопросу: стоит ли земля на трех или четырех китах. Без разума — нет рассудка. Он формирует заключение на базе фактов и знаний о природе явления. Брунер практически отрицает значение эмпирических данных для социальных наук, тогда как развитие науки последних десятилетий (в том числе и разработки в области искусственного интеллекта) говорит с точностью об обратном.

Соколовский С.В., Бугоевская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Скорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

С.В.С. пишет (раздел «Методы и парадигмы»): «Сегодня мы уже нечасто вспоминаем, что антропология задумывалась и рождалась как наука *естественная*, основанная на наблюдениях за «примитивными племенами» в не затронутых цивилизацией местах» — отметим, однако, что это утверждение уместно для описания истории западной (прежде всего английской) антропологической школы. Но не очень приемлемо в отношении российской школы. Нужно не забывать, что понятие «антропология» в российской традиции было всегда четко закреплено именно за физической (биологической) антропологией. Для науки, занятой изучением «примитивных племен», имелось другое название — этнография. У истоков антропологии и этнографии стояли А.П. Богданов и его ученик Д.Н. Анучин. Основателем антропологической школы в Московском университете, оказавшей огромное влияние на развитие антропологии в России, являлся Анатолий Петрович Богданов — профессор зоологии по своему исходному образованию. В 1864 г. при Обществе любителей естествознания был основан Антропологический отдел. Именно он в дальнейшем стал центром антропологических исследований, в том числе и расоведения. В 1879 г. усилиями Богданова в Москве была организована антропологическая выставка, экспонаты которой положили начало коллекции Музея антропологии МГУ. Преемник Богданова, Дмитрий Николаевич Анучин, четко обозначил в своих трудах необходимость интеграции научных знаний в области антропологии (биологической), этнографии и археологии. Впоследствии методологический принцип комплексного изучения человека и общества, получивший известность как анучинская триада, стал основополагающим в российской науке. В 1919 г. Анучин при активной помощи другого выдающегося российского антрополога В.В. Бунака основал кафедру антропологии, а в 1922 г. институт антропологии МГУ. Имя еще одного антрополога, Н.Н. Миклухо-Маклая, носит наш институт, чем я лично очень горжусь. В отличие от многих западных коллег того времени Миклухо-Маклай отстаивал единую природу современного человечества и равенство всех человеческих рас.

Таким образом, в российских реалиях с самого начала своего развития в качестве научного направления антропология была тесно сопряжена с этнографией, археологией и географией. В сущности, антропология, этнография и археология были неразделимы и постулировались как науки, синтез которых позволяет понять феномен человека. С начала своего становления российская антропология являлась естественной наукой, использовала те же инструменты, что и коллеги-зоологи или палеонтологи: наблюдение и эксперимент.

Мы и сегодня отдаем должное биогеографическому подходу Ч. Дарвина и натуралистов. Метод включенного наблюдения и подробного описания действий в конкретных условиях действительно натуралистичен. Попутно нужно отметить, что при наблюдении за животными в зоопарках он также используется, причем до настоящего времени. Его никто не отрицал. В этом смысле антропологи работали с самого начала развития российской антропологии на самом современном уровне синтеза наук, т.е. человек совершенно правильно воспринимался как биосоциальное явление. Кстати, современные антропологи, работающие в парадигме эволюционной психологии и эволюционной антропологии, следуют тем же принципам.

В статье С.В.С. ссылается на мнение ряда западных антропологов (Marcus, Pizarro 2008), сетовавших (с моей точки зрения, вполне справедливо при-

менительно к сложившейся ситуации), что междисциплинарная повестка (в виде феминизма, исследования медиа STS, пост-колониальных исследований) практически вытеснила традиционные антропологические направления, и все это произошло в значительной мере под давлением таких дисциплин как литкрит и критика культуры. В сущности, специалисты из этих разделов науки стали вытеснять антропологов из их собственной области, получая основные гранты и пропагандируя собственные научные подходы, ссылаясь на их большую информативность для антропологической тематики.

Однако междисциплинарность сама по себе не есть зло. Более того, современная система знаний такова, что изоляция отдельной отрасли науки невозможна. Это особенно важно понимать, когда речь идет о феномене человека. Антропология как синтез биологической и этнографической составляющих исходно являлась краеугольным камнем понимания человека. Здесь все неприятности видятся в лево-либеральных политических течениях, которые не просто проникли в эту дисциплину, а вытеснили из нее саму суть ее, подменив исходные цели и задачи своими собственными. Но это не проблема дисциплины как таковой или внутреннего кризиса дисциплины. Здесь мы имеем дело с влиянием (давлением) на дисциплину извне, прежде всего политическим влиянием, которое определяло гранты, специализацию, рабочие места и карьерные перспективы ученых.

К сожалению, в силу роста популярности идей постмодернизма в западной антропологии все большее влияние приобретает стиль глубокого журнализма, причем журнализма с определенным политическим заказом. Подмена серьезных научных исследований субъективными эссе на темы собственных ощущений по вопросу о... приобрело катастрофические масштабы и продолжает оставаться в ранге основных.

Важное место, по мнению ряда исследователей (*Marcus, Pizarro 2008*), сегодня в условиях кризиса следует отвести «переизобретению этнографии» как метода, «ключом к достижению этих целей являются изменение профессиональных норм и методов подготовки будущих антропологов, а также поиск новых стилей антропологического письма» (цит. по статье С.В.С.).

Что же, кризис в западной антропологии пока не разрушил полностью традиции российской школы. О том, хорошо это или плохо, можно много и продуктивно спорить. Но спорить на равных, когда полярные точки зрения равноценно представлены в печати, а не в условиях, когда российские авторы сознательно игнорируются, а их мнение (и материалы) либо упоминаются без должного цитирования, либо выдаются за собственные выводы коллегами из дальнего зарубежья. А относительно стилей антропологического письма — это отдельная тема. Существует вполне устоявшийся стиль, который пытаются «пополнить» новомодными понятиями, за которыми мало что принципиальное стоит (за исключением символической причастности к западным течениям).

Прошу понять правильно мои высказывания. Я много и плодотворно трудничаю с большим количеством зарубежных коллег из разных стран мира, я уважаю их творческую мысль и смелые оригинальные идеи. Но откровенное навязывание венаучных политических идеологий не имеет ничего обще-

Соколовский С.В., Бутовская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

го с наукой. Политические идеологии не только внедрились и вжились в западную социальную антропологию, практически вытеснив из нее не только традиционные направления исследований, но и поставили эти классические (важнейшие) направления вне закона. На протяжении последних нескольких лет мои коллеги просили меня избегать обсуждения вопросов полового диморфизма, не употреблять термин «расовые различия» и много другое. Но мне как антропологу совершенно удивительной представляется ситуация, когда специалисты в области биологической антропологии не видят различий между мужским и женским организмом, а специалисты в области антропологии спорта говорят, что возможности в физической силе и скорости не связаны с полом. Еще удивительнее выглядит факт, когда лектору в одном из уважаемых британских университетов после лекции по эволюции человека ректорат спускает предупреждение о профнепригодности, поскольку в лекции рассматривались вопросы о формировании половых различий и роли естественного и полового отбора в этом процессе. Очень хочется верить, что подобное массовое «умопомешательство» все же будет остановлено, и постепенно наука получит возможность заниматься своим делом, а не следовать на поводу у западной либеральной политической общественности.

В статье С.В.С. обсуждается вопрос о поиске общей парадигмы в нашей науке. Возможно, это совершенно справедливо. Но должны ли антропологи обсуждать вопрос о том, что для них является парадигмой, в качестве основного теоретического вопроса своей науки? И это при наличии колоссального объема новых знаний и постоянно развивающихся и обновляющихся технологий и инструментов для их анализа в наши дни? Кстати, и сам С.В.С. отдельно выделяет в статье раздел о значимости искусственного интеллекта как инструмента оценки дисциплинарных знаний.

Итак, DeepSeek сообщил, что «парадигма в антропологии отсылает к набору концепций, теорий и методов, которые определяют то, как антропологи понимают и изучают культуры, общества и поведение людей» и перечислил десять парадигм с их лидерами и главными темами исследований, а в отдельных случаях — и критикой в их адрес. При анализе обобщающей оценки AI по авторам, в контексте онтологического поворота, совершенно справедливо упоминается специфика принципов анализа представленности авторов по конкретной тематике. Конечно же, важно, какие источники были обучающими для нейросети, какие ей доступны, как кодировался запрос, в какой мере смысл статей был сопряжен со словосочетанием «онтологический поворот». Сводится ли (и ограничивается ли) новое знание в области антропологии к контексту онтологического поворота? В какой мере новые открытия в области палеоДНК, приведшие к реальной революции наших знаний о происхождении человека и новым возможностям в понимании облика, особенностей поведения и культуры наших предшественников отражен в понятиях онтологического поворота? Вошли ли в пул данных, загруженных как источники при обучении нейросети, новые работы по эволюции мимики человека, генетике поведения, эволюции кооперации и альтруизма, новаторские работы по ольфакторному поведению человека и его нейрофизиологическим основам? Хотя сама программа стремится к объективной подаче информации, но действует с учетом банка загруженных в нее данных. Как принимались решения по отбору материалов? В каком виде загружались данные об авторах? На русском или на английском? Выверены ли сами загруженные данные, наконец?

К примеру (ошибки случаются, и дальнейший пример хорошо иллюстрирует мою мысль), в случае моей персоны в ссылке приведены неверные инициалы (в ответах DeepSeek на запросы С.В.С. фигурирует некая Н.Л. Бутовская). Как должен идти поиск, и что обнаружит AI при таких условиях? Существует масса способов намеренной субъективизации и намеренного искажения общего пула доступных знаний. Один из них — ограничение поиска кругом конкретных высокопрофессиональных журналов с отсечением нежелательных (например, издающихся конкретным издательством, или в конкретной стране, или на конкретном языке). Наконец, в какой мере онтологический поворот вообще определяет прогресс научных знаний в современной антропологии?

И еще раз задаюсь вопросом: в какой мере те или иные направления в науке (в нашем случае, в антропологии) определяются развитием самого научного знания, а не являются плодом политической конъюнктуры? Какова роль технического прогресса и новых технологий? Выше я уже упоминала о революции в палеоантропологии в результате развития технологий секвенирования палеодНК, новых способов экстракции микроэлементов из костного материала, анализа строения кости в 3-D проекции, реконструкции диеты по анализу зубного налета. Список может быть продолжен, и я уверена, что он будет интенсивно пополняться с развитием новых методов анализа. А это значит, что те характеристики внешности (например, цвет кожи, волос и глаз), пол, степень родства, информация о врожденных заболеваниях наших предков, о которых мы могли лишь гадать еще несколько десятилетий назад, сегодня могут быть восстановлены с высокой степенью достоверности. Анализ микробиома кишечника и зубного налета также может для специалистов много сказать о профиле и культуре питания, особенностях социального расслоения конкретного, ныне не существующего общества. В свете новых источников информации новый импульс получает также изучение истории первобытного общества и более поздних периодов исторического развития человечества в разных регионах мира, изучение миграционных процессов и многие другие разделы наук о человеке, его культуре и обществе. В последние годы широкое распространение получили широкомасштабные кросс-культурные проекты по разным аспектам человеческого поведения и культурным характеристикам, при этом круг стран и культур, охваченных такими исследованиями, расширился далеко за пределы западного мира. Новые данные по африканским, азиатским и латиноамериканским обществам ставят под вопрос целый ряд выводов о функционировании обществ и роли отдельного индивида, полученные ранее на американских и европейских выборах, и заставляют антропологов по-новому взглянуть на роль культурного фактора в поддержании социальной стабильности, семейных ценностей, родительского поведения, мужских и женских занятий, личной свободы и неотвратимости всеобщей глобализации. Это огромное поле деятельности для антропологов нашего времени требует объективности, непредвзятости в оценках и включенности в жизнь конкретной культуры. Без поля нет антропологии, без эмпирических данных трудно создать работающую теорию; новые методы и технические приспособления позволяют сделать работу антрополога более качественной и полноценной. Такой путь представляется мне не только приемлемым, но и максимально плодотворным. Разумеется, это мое личное мнение, и оно субъективно. Каким путем пойдет в будущем наша антропологическая наука — покажет время.

Соколовский С.В., Бутовская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

Б.Е. Винер

Когнитивные структуры в социальных науках: рассуждения по поводу статьи Сергея Соколовского

К сожалению, я не принимал участие в семинаре, но с большим интересом прочел предлагаемую для обсуждения статью. Описание эксперимента по использованию приложения DeepSeek для поиска парадигм в антропологической дисциплине и ряде ее подразделений выглядит весьма впечатляюще, и я могу только позавидовать Сергею Валерьевичу, который смог изучить возможности данной программы и отважился на ее использование для достижения нестандартных целей. К сожалению, пока у меня нет навыков работы с подобными инструментами. Однако полученные автором результаты меня совсем не удивили, скорее, именно их я бы и ожидал.

Исследователям, практикующим метод массовых опросов, известны его недостатки: «Главный из них — формализованная анкета задает жесткие рамки исследованию. Можно выстроить иерархию социальных проблем, выявить факторы, на них влияющие, но среди проблем будут только те, которые перечислил в анкете исследователь. Для того чтобы устранить этот недостаток, необходимы предварительные исследования, использующие, по возможности, другие методы исследований» (Дроздова 2014). Примерно это же произошло в описанном Соколовским эксперименте. Пока искусственный интеллект не умеет принимать во внимание существование в языке полисемии, синонимии, метафор и т.п., пока он плохо справляется с поиском смыслов (смыслов в веберовском понимании), скрытых в тексте¹. ИИ не догадывается, что ученые могут не только иметь разное понимание того, что является парадигмой, но и просто ошибаться в использовании этого понятия. С другой стороны, возможно обозначение того типа когнитивных объектов знания, который обозначается термином «парадигма», с помощью иных терминов. ИИ пока не может это выявить.

При чтении статьи Соколовского у меня сложилось впечатление, что для его описания опыта использования DeepSeek вполне можно было оставить два последних параграфа статьи, обойдясь без предшествующих теоретических рассуждений. На полученные результаты это не повлияло бы. Во многом это связано с тем, что автор статьи опирается на знания, которые в социологии были поставлены под сомнение еще несколько десятков лет назад. Далее я попытаюсь разъяснить свою позицию по этой проблематике в ходе ответов на вопросы, предложенные редакцией журнала.

1. Начиная свои рассуждения, я хотел бы обратить внимание читателей на то, что Кун до перехода к занятиям историей и философией науки защитил диссертацию по теоретической физике. Проблема парадигм интересовала его в первую очередь применительно к естественным наукам. По поводу присутствия парадигм в социальных науках он испытывал сомнения: «остается полностью открытым вопрос, имеются ли такие парадигмы в каких-либо разделах социологии» (Кун 2009: 38).

¹ О сложностях, с которыми сталкиваются разработчики программ, анализирующих нарративы (а социально-научный научный текст обычно имеет форму нарратива), можно получить представление из статьи моего институтского коллеги (Каныгин 2024).

К началу 1970-х годов социология наряду с другими научными дисциплинами становится объектом изучения для социологов науки, и в 1973 г. Никлас Маллинз публикует свое исследование о работающих в США социологах-теоретиках. В частности, он демонстрирует, что с помощью формальных методов, а именно выявления связей разного типа между учеными (серьезное участие в обсуждении исследуемой проблемы, связь между учителем и учеником, соавторство, работа в одной лаборатории), удастся выявить, что в недавнем прошлом в американской социологии было три теоретические группы (структурные функционалисты, символические интеракционисты и исследования малых групп), а во время работы Маллинза над его проектом к ним добавились еще пять теоретических групп (прогнозисты, этнометодологи, новые каузальные теоретики, структуралисты и радикально-критические теоретики) (Mullins 1973: 19: 31–32). В конце 1970-х годов американские социологи подчеркивали, что в парадигмах у Куна присутствуют два центральных аспекта: 1) их когнитивная природа и 2) структура принявшего парадигму сообщества ученых. Причем Маллинз описывал только второй аспект, уделяя лишь незначительное внимание теоретическому содержанию парадигмы (Eckberg, Hill 1979: 926).

Что касается когнитивного содержания обобщений, поднимающихся над уровнем чисто эмпирических наблюдений, то в американской социологии, особенно с конца 1960-х годов, когда наступило разочарование в теории Парсонса, прочно утвердилось мнение, что в социологии могут сосуществовать несколько гранд-теорий и теорий среднего ранга². Поэтому в целом не возникает вопрос о смене одной парадигмы на другую. Да и сам термин «парадигма» не является ни общеупотребительным, ни понимаемым единообразно. Так, основоположник социологии науки Роберт Мертон говорит, что его понимание парадигмы уже, чем у Куна (Мертон 2009: 101, прим. 52).

Мертонианка Дайана Крейн полагает, что парадигмы могут быть уместными не для дисциплин в целом, а для исследовательских областей, в которых группа ученых может выработать некоторый консенсус, содержание которого будет передаваться другим исследователям (Crane 1972: 67). Это совпадает с оценкой позиции Куна британским социологом Дэвидом Морганом, отметившим, что Кун допускал применение понятия «парадигма» к целым дисциплинам, но предпочитал использовать его по отношению к группам ученых, объединенных научной специальностью, насчитывающим примерно сотню человек (Morgan 2008: 35).

² Под гранд-теориями принято понимать теории, претендующие на объяснение общества в целом и его основных институтов, например, такие как марксизм и структурно-функциональная теория Парсонса. Теории среднего ранга ограничиваются описанием и объяснением более узких явлений, и «они достаточно тесно связаны с наблюдаемыми данными, чтобы их можно было ввести в утверждения, допускающие эмпирическую проверку» (Мертон 2006: 65). Роберт Мертон к среднему рангу относит, например, дюркгеймовскую теорию самоубийства (Там же: 89). Следует иметь в виду, что на русский язык предложенный Мертоном еще в 1947 г. (Там же: 64, прим. 2) термин «middle range theory», как правило, неверно переводится как «теория среднего уровня», а не «теория среднего ранга». На самом деле этот перевод является изобретением советских обществоведов (См.: Ядов 1998: 38, прим. 9; Добренков: 2013: 29).

Однако в англоязычной социологии также существует и тенденция распространять обсуждаемое понятие не на социологические специальности³, или субдисциплины, а на макротейоретические ориентации на уровне дисциплины в целом. В таком качестве данное понятие используют, например, американский социолог Джордж Ритцер (*Ritzer* 2002: 570–571), британский социолог Гибсон Баррелл и канадский организационный теоретик Гаррет Морган (*Burrell* 2019). Другие социологи предпочитают обозначать рамочные понятия на уровне макротейорий с помощью иных терминов⁴. Ситуацию с парадигмами в социологии еще в 1970-е годы неплохо обобщили американские социологи Дуглас Экберг и Лестер Хилл-младший: когда этот термин используется социологами, он чаще всего означает не более чем общетеоретическую перспективу или даже, как мы увидим, набор элементов с нескольких более или менее различных перспектив. Как таковые парадигмы, о которых говорят социологи, являются туманными, изменчивыми сущностями, указывающими на то, на что хотят, чтобы они указывали, и ограниченные только воображением теоретика (*Eckberg, Hill* 1979: 929). Как видим, с тех пор ситуация в англоязычной социологии не изменилась⁵.

Что касается субдисциплинарного уровня, то и здесь трудно себе представить ситуацию полного замещения одной теории другой. С появлением новых теорий, лучше объясняющих какие-то вещи, отсутствующие в старых теориях, старые теории могут модифицироваться с учетом новых обстоятельств. В тех случаях, когда старая теоретическая модель теряет способность продуцировать новое знание, она обычно не забывается полностью, и к каким-то ее элементам время от времени возвращаются в попытке использовать в новых условиях. Например, время от времени американские социологи обращаются к идеям профессора Гарварда Питирима Сорокина.

Нельзя также недоучитывать фактор, который можно назвать модой. В США грантообразующие фонды могут отдать предпочтение сторонникам новой теории, даже если она не является достаточно обоснованной. Подобная ситуация может стимулировать разработку как очень перспективных новых теорий, так и теорий, которые не выдерживают проверку временем.

Наконец, мой последний комментарий к этому вопросу. Французский политолог Доган утверждает, что в социальных науках «прогресс происходит в основном через кумулятивное знание», благодаря его межпоколенной передаче (*Dogan* 2001: 11025). И действительно, если мы обратимся к истории

³ Под социологической специальностью американские социологи понимают секции внутри Американской социологической ассоциации. Они появляются благодаря самоорганизации социологов на низовом уровне с последующей формализацией своего статуса по процедуре, принятой в АСА. Число таких секций непостоянно, и в последние годы их насчитывается около 50–60. По-видимому, секции, представленные на сайтах Американской антропологической ассоциации и Американской ассоциации политических наук, также с точки зрения социологов могут считаться специальностями в названных дисциплинах.

⁴ Британо-австралийский социолог Малькольм Уотерс использует для обозначения социологических макротейорий термин «общая теория» (*Waters* 1994: 3), а авторы очень популярного в американских университетах пособия для студентов постбакалаврского уровня Рут Уоллес и Аллисон Вулф — термин «перспектива» (*Wallace* 1994). Последний, по моему мнению, наиболее пригоден для этих целей.

⁵ Библиографические данные двух десятков работ об отношении социологов к куновским парадигмам можно найти в списке литературы к книге Ритцера (*Ritzer* 2002: 582–670).

самой древней социальной науки, а именно истории⁶, то обнаружим в ней последовательную смену основных переменных, объясняющих ход истории: сначала это была воля богов, затем воля правителей, климатические катаклизмы, географические условия, технологические и социальные изменения (например, появление новых видов техники и рост классовой борьбы), социальные реформы, особенности ментальностей народов, влияние языка на поведение людей и т. д., и т. п. Интересно, что современные историки не отказываются от учета ни одной из этих переменных, пожалуй, за исключением воли богов. Например, появление третьего поколения школы «Анналов» с его интересом к микроистории не привело к отказу от анализа макроисторических процессов большой длительности, пропагандируемого представителями второго поколения этой школы.

2. Эмпирическая социология начиналась с использования качественных методов. На них основывалась Чикагская школа. После второй мировой войны начинается быстрое развитие количественных методов. В результате возникло противостояние между социологическими департаментами некоторых американских университетов. Со временем это противостояние на институциональном уровне прекратилось, и студентов на департаментах стали обучать и количественным, и качественным методам. В то же время заметная часть представителей некоторых теоретических подходов (феминизм, постструктурализм, процессуальный символический интеракционизм, этнометодология) продолжают критиковать количественников, а некоторые количественники пренебрежительно относятся к качественникам, не считая их настоящими учеными (scientists). К сожалению, это противостояние было пересажено и на российскую почву. Так, Центр независимых социологических исследований подчеркивал свою приверженность исключительно количественным методам⁷.

На фоне этого противостояния как-то забывается, что в социологии используется еще одна большая группа методов — сравнительно-исторические, или историко-сравнительные. С их использования начиналась социология Маркса, Дюркгейма, Вебера и других классиков социологии. Сравнительно-историческая социология и сегодня дает интереснейшие объяснения явлений на макросоциальном уровне. К сожалению, в российской социологии она пока занимает далеко не надлежащее место.

3. Здесь я просто отсылаю читателя к названной мною литературе. Из российских авторов для первого ознакомления с проблемой назову лишь одно из учебных пособий (Ядов 2009).

⁶ Мне уже приходилось выслушивать упреки за отнесение истории к общественным наукам, а не к гуманитарным. Здесь я следую за чикагским социологом Эндрю Эбботом, который дает следующий перечень социальных наук: экономика, политология, социология, антропология, история (Abbott 2001: 123). И действительно, объектом этих дисциплин, в отличие от литературоведения, правоведения, языкознания является общество. Правда, я добавил бы к перечню Эббота некоторые субдисциплины из других дисциплин — психологическую социальную психологию, гуманитарную географию, религиоведение, возможно, еще что-нибудь.

⁷ В 2015 г. Министерство юстиции внесло ЦНСИ в реестр иноагентов за получение зарубежных грантов на исследования, и центр фактически прекратил работу, которая приносила довольно интересные результаты.

4. По этому вопросу тоже лучше всего для начала познакомиться с учебной литературой. Мне лично нравится учебник Рассела Шатта (*Schutt 1996*). Учебник выдержал множество изданий. Легко читается, и объяснения очень понятные.

5. В социологии консенсус был только при жизни Огюста Конта, когда не было других социологов. Какой консенсус во взглядах на общество мог быть между последователями диалектического и исторического материалиста Маркса, позитивиста Дюркгейма и неокантианца Вебера? Позже эти подходы были разбавлены американскими социологами — последователями прагматистской философии. Затем добавились и сторонники иных философских ориентаций. Стоит принять во внимание высказывание Баррелла и Моргана: «Синтез [«парадигм»] невозможен, так как в их чистой форме они противоречивы, основываясь, по крайней мере, на одном наборе противоположных метатеоретических допущений» (*Burrell, Morgan 2019: 25*).

Это не исключает возможностей для адаптации элементов из одних теорий в другие. Например, неомарксисты заимствуют какие-то темы у неовеберянцев для включения в свою концепцию классов, так же могут поступать неовеберянцы с неомарксистскими идеями (*Paym 2019, 49–50*).

6. Ценности у разных социологов разные. Ориентирующиеся на Маркса могут руководствоваться одиннадцатым тезисом из его работы о Фейербахе и стремиться к изменению мира; ориентирующиеся на Вебера могут, согласно его призыву, воздерживаться от ценностных суждений. Андрей Николаевич Алексеев, работавший в Ленинградском филиале ИС РАН, пытался создавать в коллективе определенные напряжения и наблюдать, что при этом происходит, а потом писал об этом в своих художественно-научных произведениях. Тогдашний директор филиала Сергей Исаевич Голод за это называл его провокатором.

7. Здесь я могу говорить только о том, что происходит в моем институте. Сотрудники, скорее, приспособливают предписания госзаданий к своим интересам, чем подстраиваются под госзадания. Впрочем, по-моему, министерскому начальству все равно, что мы изучаем, лишь бы в наших публикациях не было того, что оно считает прямой крамолой, и институт выполнял требования по формальным показателям публикационной активности. Лишь очень небольшому числу сотрудников, имеющему дело с политически чувствительными темами, приходится следить за своими высказываниями. Но в подавляющем большинстве случаев они все же находят возможность представить свою научную позицию, не подвергаясь каким-либо санкциям.

Г.Д. Винокуров

За пределами таксономии: что (не) говорят парадигмы?

В своей статье Сергей Соколовский задается вопросом о том, возможно ли сегодня говорить о состоянии антропологического знания в терминах парадигм? И если да, то какие формы и роли эти парадигмы или «парадигмальные

структуры», как их называет автор, принимают в условиях, когда антропология все менее напоминает дисциплину в ее классическом — иерархическом и институционально упорядоченном смысле, оказываясь, как выразился Джон Комарофф, «недисциплинированной дисциплиной», переживающей радикальные трансформации (Comaroff 2010)? В этой реплике я выскажу несколько размышлений, спровоцированных чтением статьи Сергея, и попробую дать ответ на вопрос о том, возможно ли общее высказывание о состоянии дел в антропологии и почему понятие парадигмы не лучший инструмент для этой цели.

Обосновывая возможность разговора о парадигмах, Соколовский пишет следующее: *«если исходный контекст производства антропологического знания продолжает оказывать влияние на сегодняшние дисциплинарные практики, а это так, поскольку наблюдение продолжает занимать центральное место среди антропологических методов, то из этого следует, что антропология в целом не слишком кардинально отделилась от методов естественных наук и, стало быть, ее развитие может рассматриваться в предложенной Куном логике научных революций с их сменой доминирующих парадигм»* (Соколовский 2025: 5). Выдвигая этот тезис, Сергей затем оговаривается и указывает на то, что эта связь с натуралистическим прошлым не обязательно может приводить к существованию парадигм, но некоторых «структур подобных им», обсуждению статуса которых и посвящена его статья.

Однако, читая этот фрагмент рассуждений автора, я невольно задаюсь вопросом: не рискует ли подобный ход аргументации представить наблюдение (и связанные с ним установки этнографической объективности) в качестве чего-то неизменного? Того, что сохранилось со времен Хэддона, Риверса, Малиновского и других, продолжая оказывать свое влияние сегодня? Не является ли такой «переход» от натуралистического прошлого антропологии в ее настоящее (с предполагаемым существованием парадигм) слишком смелым и «прямым» шагом? Безусловно, в ряде отношений антропология сохраняет в себе следы более ранних эпистемологических установок и исследовательских практик⁸, но это лишь следы, стерты поколениями антропологов и пережившие несчетное количество трансформаций, так что до конца нельзя распутать их клубок. Выстраивание линий преемственности в этом случае и последующая аргументация о парадигмах по аналогии с естественными науками — рискованное занятие.

Как напоминает Анна Гримшоу (Grimshaw 2002), антропология всегда содержала и продолжает содержать в себе различные «способы видения» (ways of seeing): никогда не существовало одного единственного «наблюдения», способов его реализации и связанных с ними идей, техник, инструментов, политик и эпистемологий. Ресурсами для возникновения тех или иных способов «смотреть» были не только естественные науки, но также, например, визуальные медиа, кинематограф, техники монтажа и т. п. Когда Сергей в своей

⁸ Например, Энанд Пандиан отмечает связь между воплощением антропологической эпистемологии в лице Малиновского и проектами эмпиризма в области естественных наук и математики. Классик антропологии находился под влиянием философии австрийского физика и психолога Эрнста Маха (Pandian 2021: 30–32), чьи позиции были важны для Малиновского при написании им диссертации «О принципе экономии мышления» (1906), но были развиты и изменены в ходе полевой работы на Тробрианских островах.

статье обосновывает возможность разговора о парадигмах через обращение к естественнонаучному прошлому антропологии, кажется, невольно происходит повторение хода Йоханеса Фабиана, которого своей книгой критиковала Гримшоу. Фабиан в «Время и Другой» (*Fabian* 1983) подверг жесткой атаке окуляроцентризм, вшитый в антропологическую эпистемологию. Для него видение и акцент антропологов на визуализации (например, через использование диаграмм родства в текстах этнографий) связывались с опространствлением изучаемых культур, приводящим к «отказу в современности» (*denial of coevalness*) между антропологом и изучаемыми людьми. Генеалогические упражнения Фабиана приводят его к тезису о том, что антропологическая эпистемология тесно связана с древнегреческими мнемотехниками, и именно из этого далекого прошлого проистекают ее современные отрицательные черты. Не отменяя любопытности размышлений Фабиана и в чем-то схожих размышлений Соколовского, который акцентирует внимание на потенциально сохраняющейся общности между естественными науками и антропологией, кажется, что обращение с дисциплинарным прошлым требует большей осторожности в высказываниях о том, как это самое прошлое влияет на настоящее и какие суждения позволяет выносить. Скорее представляется важным следование логике Гримшоу с ее историческими зарисовками, своего рода «монтажными склейками», в которых дисциплинарное прошлое оказывается сложным внутри себя. Понятие парадигмы в этом смысле слишком упрощает картину. Кажется, что для того, чтобы разобраться со связями прошлого с настоящим, нам «необходимо приостановить инвестиции в идеализированные методологические кланы и вместо этого искать локальные детали того, как отношения между методами создаются, разрушаются и регулируются», как напоминает Ник Сивер, прослеживающий «бастардные» союзы между различными методами и концептуализациями в антропологии (*Seaver* 2015: 7). «Таксономиям» из учебника следует противопоставить неочевидные связи и разрывы, которые смогут сказать что-то новое о положении дел в дисциплине.

С другой стороны, логику поиска парадигм в антропологии можно (и нужно) критиковать не только за упрощение взгляда на дисциплину и ее прошлое. Вшитый в эту логику интеллектуализм, упускающий из внимания реальную практику и материальные условия производства антропологического знания в академии сегодня, также нуждается в критическом осмыслении. Таксономический подход не чувствителен к тому, что обсуждаемая в статье «структура знания» существует в рамках определенной инфраструктуры его производства и более широкого социального контекста академического труда. «Парадигмы», «школы», «направления» — не формируются в мыслительном вакууме идей, чистом от реалий академической работы, условий неолиберальной академии и устоявшихся в дисциплине карьерных траекторий, захваченных «призраками рынка» (*Platzer, Allison* 2018). Они — часть академической машины, в которой происходит борьба за капитализацию своего интеллектуального труда посредством создания школ и направлений, объединенных общими концептуальными представлениями, издания книг в лучших академических издательствах, стремления заполучить заветную теньор-позицию и т. п. Справедливости ради, Соколовский и сам отмечает влияние политики на парадигмальные структуры, но скорее указывает на их содержание, нежели чем на сам факт их производства и постулирования (*Соколовский* 2025: 12–13).

Мне представляется, что вместо того, чтобы помочь понять теоретическую ситуацию в антропологии, таксономия парадигм рискует превратить теорию

в своеобразный фетиш, раскладывая по полкам и спискам направления и связанные с ними имена, вместо того, чтобы видеть в них результат труда и его прагматики, живые инструменты, которые можно и нужно задействовать в своей работе с материалом для создания текстов (продуктов этнографического труда), сочетающих в себе связку теории, полевого материала и сильного нарратива. После прочтения статьи для меня так и осталось не проясненным, что именно, с точки зрения автора, дает ход теоретической классификации и в частности, обращение к инструментам искусственного интеллекта для его реализации? Как это связывается с «деланием» антропологии?

Последовав за Роем Вагнером, можно утверждать, что антропология — это искусство «рассказывания историй» (storytelling). Задача антрополога в этом случае — не простое «применение» теории к материалу или встраивание в ту или иную «школу» (парадигму), а производство этнографического текста, в котором теория, материал и сама форма повествования существуют в сложной, иногда конфликтной, но всегда продуктивной связи. Хороший этнографический текст — это не просто результат накладки концептов, а произведение, где теория и материал взаимно порождают и трансформируют друг друга. Гоббс в Сибири, Маркс в Карелии или Беньямин в Бурятии сталкиваются с этнографической реальностью и изменяются в ходе этого столкновения. В этом смысле логика парадигм просто не учитывает этот «пересборный» характер реальной производственной практики антропологов. Именно поэтому, на мой взгляд, важно отказаться от попыток таксономии, составления списков, и вместо этого принять сложность дисциплинарного архива и условий реальной практики этнографического письма. Производить тексты и высказываться о состоянии знания — не то же, что повторять учебники и содержащиеся в них классификации или заниматься их созданием. Кажется, что актуальная задача состоит не в том, чтобы выстроить ещё одну теоретическую карту антропологии, а в том, чтобы обнаружить линии напряжения, пронизывающие самые разнообразные попытки теоретизирования.

Способны ли мы сегодня выносить суждения о состоянии антропологии в целом? Аргумент Соколовского состоит в том, что мы способны делать это только на уровне отдельных субдисциплин (если мы остаемся в рамках аналитики парадигм) (Соколовский 2025: 6). Кажется, что эта игра с масштабами (дисциплина в целом/отдельные направления) лишь уведит внимание в сторону. Несмотря на ставшие уже привычными высказывания о «конце антропологии», ее фрагментации и уязвимости, анализ общего состояния дел все еще возможен при условии отказа от различных форм эпистемологической ипохондрии (Geertz 1988: 71), таксономического желания и жесткой логики парадигм и избрания «монтажной» формы теоретического мышления, прослеживая «захваты» дисциплины теми или иными (часто глубоко зависящими от широкого социального контекста) способами письма и теоретического воображения, как это делали многие авторы: Дэвид Гребер, отмечавший уход антропологии в сторону разговора о «потоках», «скейпах» и других элементах «неолиберальной космологии», основанных на менеджериализме и наивном видении власти как ключевого (и по сути единственного) механизма и измерения социальной жизни (Graeber 2014), Маршалл Салинз, критиковавший засилье Фуко и превратно понятого релятивизма в работах антропологов (Sahlins 2000), Альберто Хименес, писавший об «алгебраическом воображении» антропологии (Jiménez 2014) или Пурнима Пайдипати с ее размышле-

ниями об «информационной онтологии», пронизывающей многие попытки теоретизирования сегодня (*Paidipaty* 2020). Кажется, что, избежав соблазнов классификации и структуралистских симпатий, мышление о теории, как минимум, может стать более захватывающим.

Н.С. Любимова

История антропологии как субдисциплина: между историей и антропологией

Мои основные исследовательские интересы лежат в области, которая достаточно уверенно осознает себя как антропологическая субдисциплина — в области истории антропологии. При этом основной мой предмет исследования своеобразен: я исследую роль антропологических подходов в японистике, фокусируясь на немецкоязычном пространстве. Это заставило меня погрузиться как в историю антропологии, так и историю японистики в Германии и Австрии, и в таком сопоставлении кажется поразительным, насколько для антропологов важна рефлексия о прошлом своей дисциплины — настолько, что статус субдисциплины для истории антропологии становится сложно отрицать, а ее влияние распространяется и на смежные области; в японистике подобного не наблюдается.

В работах по истории антропологии практически обязательна ссылка на Дж. Стокинга, вне зависимости от того, собирается ли автор следовать ему или предлагает какой-то иной подход. Стокинговское противопоставление историзма и презентизма можно считать парадигмальным подходом, в том смысле, что оно формирует большинство рассуждений об истории антропологии. В качестве примера можно привести недавно состоявшуюся в «Этнографическом обозрении» дискуссию (*Дарнелл и др.* 2023), которая начинается со статьи Р. Дарнелл, призывающей к новой критической парадигме в истории антропологии и одновременно критикующей Стокинга. Дискуссия, несмотря на эту попытку в некотором роде уйти от Стокинга, во многом сосредоточилась вокруг обсуждения его подхода и велась в его терминологии.

В сущности, Стокинг предложил относиться к истории науки так же, как к собственно исторической науке, и применять схожие принципы: рассматривать сюжеты из прошлого дисциплины в связи с их предпосылками и последствиями (хотя сам он и называл это элементами презентизма) (*Stocking* 1987), а также в связи с общим контекстом эпохи, и оценивать их, исходя из этого контекста, а не из вопросов современности. Одновременно его отказ ограничиваться выстраиванием актуальных для современной науки «генеалогий» научного знания в чем-то напоминает революцию в истории, произведенную школой Анналов в конце 1920-х годов: поворот от политической истории к истории социальной, от истории великих деятелей к истории всего общества. Его принцип изучения истории науки ради нее самой, оправдывающий интерес к прошлому антропологии безотносительно пользы для современных исследований, открыл дорогу к изучению в том числе тупиковых направлений и отвергнутых школ, причем не с целью их реактуализации, а для более полного понимания истории антропологической мысли.

Влияние оптики Стокинга на исследования истории антропологии выражается и в том, что даже исследователи, отказывающиеся по тем или иным причинам следовать предлагаемому им историзму, нередко используют его терминологию и вынуждены объяснять, почему предпочитают иной подход. Так, например, австрийский антрополог и историк науки А. Гингрих считал важным обосновать свой намеренно презентистский подход к истории немецкой этнологии, когда писал о тех достижениях немецкой науки, которые оказали влияние на формирование сегодняшней социокультурной антропологии (Gingrich 2004).

Если для Стокинга в словосочетании «история антропологии» главным словом становится «история», то существует множество исследователей, для которых ведущим является понятие «антропология». В сущности, большинство исследователей-антропологов прибегают к ревизии истории собственной дисциплины в результате попыток переосмысления самой сущности и целей антропологии как науки. Они же привносят в историю науки те подходы и теории, которые разрабатываются в современной дисциплине, опрокидывают их на прошлое науки, действуя, в стокинговском смысле, по-презентистски. Так, «Литературный поворот» в антропологии стал и литературным поворотом в исследовании ее прошлого. Связанная с ним оптика ориентализма Эдварда Саида (1978) рассматривает дискурсы о «другом», бытующие на Западе, не исключая и научные, и анализ работ предшественников в таком ключе стал заметной научной модой на несколько десятилетий в ряде исторических и культурологических дисциплин. Например, книга С. Маршанд (2009) демонстрирует как распространение ориенталистского подхода на материал, который сам Саид считал не подходящим, так и трансформацию этого подхода: Маршанд отказывается от идеи единого ориенталистского дискурса, утверждая множественность «ориентализмов» у немецких исследователей Востока, понимает ориентализм как практику исследований и обращается к творческим судьбам и работам специалистов по Востоку. Заметно здесь и влияние стокинговского подхода — в том внимании, которое автор уделяет историческому контексту, в котором действовали ее герои (Marchand 2009). При этом сама Маршанд, надо отметить, историк, а не антрополог.

В последние десятилетия, когда постколониальный дискурс стал сменяться деколониальным, история антропологии отразила и этот поворот. Тут можно вспомнить попытки не столько пересмотреть историю антропологии, сколько диверсифицировать ее за счет освещения разных локальных академических традиций, которые по ряду причин остаются на периферии и не пополняют собой фонд знаний и теорий международной антропологии. Так, вдохновляясь идеями В. Миньоло и Д. Чакрабарты и привлекая концепцию мир-системы Валлерштайна, Г. Л. Рибейро, С. Ямасита и вместе с ними целый ряд ученых обратились к истории различных национальных традиций антропологии, традиции, которые по большей части остаются замкнутыми сами на себя, не имея выхода в международную «большую» науку (Yamashita et al. 2004, Ribeiro, Escobar 2006). Их подход к истории науки отмечен презентизмом уже в том смысле, что эти истории антропологий должны были способствовать созданию более эгалитарной среды обмена антропологическим знанием между учеными по всему миру, то есть служить решению актуальной задачи переустройства академического мира. С другой стороны, смысл их создания заключается в том, чтобы продемонстрировать, как антропология функционирует в разных локальных культурных и политических контекстах.

Эти три взгляда на историю антропологии вряд ли можно описать как конкурирующие парадигмы, скорее как параллельные подходы, которые неизбежно начинают оказывать влияние друг на друга; причем старейший — стокингский — почти неизбежно в том или ином виде проникает в любое историко-научное рассуждение. Нельзя не видеть, что источники этих подходов зачастую вне-антропологические. Помимо исторического и литературного взгляда на историю антропологии, существуют, безусловно, социологический и философский. Тем не менее, именно в антропологии сформировалось представление об истории дисциплины как о собственной значимой субдисциплине.

Остается вопрос, насколько перечисленные разные подходы к истории антропологии можно назвать теориями. Я обычно избегаю этого термина, поскольку понимаю теорию как модель, предлагающую одновременно собственные классификации, дающую объяснения фактам и процессам и способную породить прогнозы. Историографические подходы все же (как и в целом наука история) обычно не ставят себе прогностические задачи. Мне удобнее называть их оптиками или подходами, подчеркивая, что в рамках конкретного исследования прожектор направлен так, что выхватывает определенные стороны процесса производства антропологического знания, помогает проследить определенные сюжеты, которые кажутся важными и интересными исследователю. При этом я отдаю себе отчет в том, что тем самым, возможно, вношу свою лепту в хаотическое употребление этих терминов, которое уже становится объектом критики ученых (см.: Форум 2025); по крайней мере, я стремлюсь избежать необоснованного использования термина «теория».

Опять же, хотя на развитие историографии как антропологической субдисциплины часто оказывают влияние концепции, получившие статус теории в тех (суб)дисциплинах, где зародились (например, деколонизальная теория или политологическая теория мир-системы Валлерштайна), и эти концепции способны значительно повлиять на выбор тем и стиль письма, сложно с уверенностью сказать, насколько они переворачивают сам подход к истории науки, а насколько инструментализируют ее.

Вопрос о разделении наук на естественные и социогуманитарные в истории антропологии особенно актуален. Сама история, разумеется, относится к гуманитарным дисциплинам, однако перед историком антропологии регулярно встает вопрос о продуктивности этой классификации. Это объясняется природой самой антропологии, которую антропологи осознают как междисциплинарную. Стокинг (1995) сформулировал это как синтез нескольких дисциплин, который происходил по-разному в разных странах, что и определило разницу национальных исследовательских традиций в антропологии; тем не менее, везде в формировании антропологии участвовали и естественные, и социогуманитарные науки. Таким образом, это классическое разделение наук далеко не всегда продуктивно для историка антропологии, особенно если речь идет о ранних периодах развития науки, периодах того самого «синтеза» дисциплин. Так, например, известно, что немецкая этнология формировалась в тесной связке с физической антропологией и изучением рас. Более того, ряд вопросов и проблем, которые были ключевыми для антропологии на протяжении десятилетий, такие как история расселения человечества по планете, формирование разных антропологических типов, расовый состав населения

тех или иных территорий, теперь исследуются совершенно иначе. Например, генетика взяла на себя многие из этих вопросов, при этом радикально переформулировав их. При этом ученому, специализирующемуся на социальных или историко-культурных вопросах, непросто порой даже правильно прочесть выводы этих исследований, не говоря уже о том, чтобы вступить в дискуссию. Для историка науки это означает, что многие линии исследований в антропологии обрываются и более не возобновляются в рамках этой дисциплины.

Таким образом, историк антропологии может как игнорировать различие на номотетические и идеографические науки, поскольку многими ранними авторами переход от изучения физического к изучению социального выполнялся легко, нередко в пределах одной работы, так и ориентироваться на него, конкретизируя свое исследовательское поле.

Так, например, А. Циммерман выстроил свое исследование ранней немецкой этнологии на этом различии, концентрируясь на естественнонаучном аспекте этой дисциплины и противопоставляя его немецкой гуманитарной традиции (Zimmerman 2001). Лично мне, впрочем, подобным образом на эту классификацию наук опереться не удалось: хотя японистика чаще всего понимается как исключительно гуманитарная дисциплина, в первый период ее становления этнология, а вместе с ней и физическая антропология, играли значительную роль в европейских попытках научного познания Японии. Представляется, что различные классификации наук оставались в европейских университетах и теряли свое значение применительно к новому сложному «полю».

Исходя из вышесказанного, кажется, очевидно, что достаточно сложно говорить о консенсусе в рамках этой субдисциплины. Взгляды на историю антропологии и ее задачи существуют в широком спектре — от чисто исторического до (в некотором смысле) активистского. В этом наша субдисциплина отражает спектр мнений о самой антропологии, в котором находится место и позитивизму, и искусству, и политическому активизму. Часто говорят о беспокойстве за будущее антропологии как дисциплины, которая с 1970–80-х годов переживает кризис за кризисом, постоянно порождает новые субдисциплины и все меньше напоминает целостную науку. Тем не менее, именно эти обстоятельства сделали важным для многих антропологов обращение к истории своей дисциплины, а также дают исследователям свободу постоянно пересобирать и переосмысливать подходы к этой истории.

А.Р. Медведева

Атмосфера как совокупность субъективностей: эмпирика и избыточность теории

Учитывая характер поставленных С.В. Соколовским вопросов о возможности парадигмального измерения текущего состояния социогуманитарных дисциплин, мне бы хотелось в большей степени скорее дополнить некоторые из положений и предложить рассмотреть их на примере области исследова-

ний атмосферы, которая хотя и концептуализировалась по научным меркам относительно недавно, но представляет собой интересный пример активного становления научной парадигмы. Кроме того, мне бы также хотелось сделать два небольших вступительных комментария, которые могут прояснить мою дальнейшую логику.

Первое — относительно современных технологий. Мне глубоко симпатичен *data driven* подход с последующим применением машинного обучения, так как он открывает возможности масштабного анализа большого массива данных. Поскольку в социогуманитарных науках в разных формах встречается метод «фрагментации» объекта исследования на множество характеристик, то именно в этой технологии я вижу возможное решение таких задач. Однако такой подход подразумевает унификацию разметки данных, что при текущих условиях становится настоящим вызовом, учитывая большое разнообразие подходов. Существование парадигмы в таком контексте становится критическим важным, так как позволяет заранее задать исследовательской группе параметры, по которым следует размечать данные.

Второе — относительно роли философии в формировании научных парадигм. Философию можно назвать метанаучной дисциплиной в том плане, что она производит способы организации научного знания: обозначает предмет исследования или данные, которые необходимо получить, а также предлагает их первичную разметку. Впоследствии же наука адаптирует философские концепции и трансформирует их в методологию. Рассматривая подход А.А. Крушанова (Крушанов 2020), можно сказать, что философия продуктивно производит *протопарадигмы* — чертежи будущих парадигм, которые требуют адаптации для прикладного применения. Такие абстрактные чертежи, генерируемые философией, позволяют преодолеть то, что я называю «привязчивостью к форме»: когда в силу разнообразия предметов исследования для социогуманитарных дисциплин возникает тенденция к герметичному закреплению определенного подхода за конкретным терминологическим аппаратом, исключаяющим «из зоны видимости» иные подходы к тому же предмету исследования.

Если сосредоточиться на парадигме как наборе предписаний и образце исследования, то теория атмосферы будет крайне неоднозначным примером. Г. Бёме, один из главных теоретиков атмосферы, сам дает характеристику такого «протопарадигмального» спора, отмечая два подхода:

— эстетически-рецептивный (Г. Шмиц): анализ опыта как продукта физического присутствия человека в определенном пространстве,

— эстетически-производственный (Г. Бёме): анализ создания атмосферы с точки зрения организации «генераторов» (Böhme 2021).

В рамках своего комментария я не буду останавливаться на иных расширениях и дополнениях теории атмосферы — они, безусловно, есть, и, если обобщать, преимущественно связаны с тем, каким образом проводить исследование, в каком аспекте анализировать атмосферы. В этом плане мы можем обнаружить активную дискуссию о *разметке данных*. Подобная дискуссия подтверждает предположение о том, что теория атмосферы остается в статусе

«протопарадигмы», главная особенность которой — неустойчивость, «многоликость», сопротивляющаяся генерации «твердой парадигмы».

Сам Г. Бёме связывает анализ атмосферы с восприятием окружающей среды (тем самым ограничивает объект исследования, что способствует развитию классификации генераторов атмосферы), а также ищет консенсус между подходами, заключая, что реальность атмосфер предполагает телесное присутствие субъекта. Это положение, с одной стороны, способствует ограничению исследуемых контекстов атмосферы, с другой стороны, создает определенные затруднения для установления метода — в таком случае необходима обработка совокупности субъективных ощущений. В то же время атмосфера как понятие близка и схемам эстетического восприятия, и анализу паттернов социального поведения. Эта сложность «перевода» теории на язык метода особенно хорошо заметна в работе М. Вальд-Фурман и соавторов (*Wald-Fuhrmann et al.* 2021). Предлагая схему анализа классического концерта, исследователи сосредоточились на выделении трех пересекающихся кластеров: фрейм концерта, слушатель и играемое музыкальное произведение. Внутри этих кластеров обнаруживаются еще 18 компонентов для анализа. И хотя обработка такого числа характеристик все еще возможна, уточнение сущности этих компонентов выглядит непростой задачей. Например, встречаются такие параметры, как эстетика концерта, архитектурный стиль, ожидания слушателя, акустическая реализация играемого музыкального произведения и пр. Впрочем, авторы предлагают идею эксперимента, что выглядит продуктивным подходом, позволяющим найти ограничивающие факторы и впоследствии сузить поле исследуемых характеристик. Учитывая многокомпонентность атмосфер и присутствие субъективного фактора, абсолютная предиктивность таких моделей скорее недостижима на данный момент, но в какой-то степени можно говорить о вероятностном поле интерпретаций.

Протопарадигмальность теории атмосферы хорошо просматривается в (дис)балансе теоретических и эмпирических исследований в этой области. Для нашего примера в системе Google.Scholar были отобраны 978 библиографических описаний научных статей, цитировавших программную статью Г. Бёме «Атмосфера как фундаментальное понятие новой эстетики» (*Böhme* 1993). В данном случае правильнее говорить о выборке, которая может скорее описать ориентир или некоторые тенденции внутри атмосферного поворота в определенном ракурсе — на базе теории Г. Бёме, что, впрочем, не исключает внутреннего цитирования других теоретиков атмосферы (но, безусловно, требует дальнейшего исследования и уточнения).

С применением языковой модели для анализа научных текстов SciBERT (модель была дообучена в соответствии с поставленной задачей) статьи были размечены как теоретические или эмпирические (присутствует ли в них конкретный предмет исследования, т. н. «кейсы»). Общая статистика показывает примерно одинаковое распределение с небольшим перевесом эмпирических исследований: 540 против 438. Теоретические исследования условно можно разделить на те, что сосредоточены на уточнении атмосферы как сущностного понятия (то есть вовлекаются в дискуссию о предпосылках исследования), и те, что сосредоточены на сближении теории атмосферы со смежными дисциплинами и поиске ее характеристик.

Соколовский С. В., Бугоевская М. Л., Винокуров Г. Д., Любимова Н. С., Медведева А. Р., Попова Е. В., Скорин-Чайков Н. В., Филатова А. А., Ямсков А. Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С. В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

Если смотреть на динамику теоретических и эмпирических статей по годам, то вплоть до 2020 г. особенного разрыва не видно, однако после этого наблюдается тенденция к доминированию эмпирических статей: 2021–60 эмпирических, 40 теоретических; 2022–55 эмпирических, 31 теоретическая; 2023–69 эмпирических, 48 теоретических; 2024–65 эмпирических, 38 теоретических. При этом рост публикаций с 2014 г. наблюдается стабильный.

Эти данные, как мне представляется, говорят о реактуализации концепции в научной сфере. Источником такой реактуализации может быть появление новых теоретиков, добившихся сближения теории с практикой. К тому же в 2021 г. вышла энциклопедическая статья об атмосфере в понимании Г. Бёме (кратко суммирующая и два основных подхода, упомянутых выше, и представление о том, какие характеристики пространства могут выступать «генераторами» атмосферы), которая с тех пор цитировалась 1970 раз (по данным Google.Scholar).

Если же мы обратимся к тематическому разнообразию статей, то наиболее продуктивными окажутся следующие 10 направлений: urban studies (91), affect researches (76), sound and music (54), visual arts (46), spatial (44), media (43), health (42), social (40), architecture (37), politics (33). Существенных разрывов эмпирических и теоретических исследований в данных группах не замечено, кроме urban studies, где есть 62 эмпирические статьи и 29 теоретических.

Тем не менее, стоит отметить специфику эмпирических исследований в сфере изучения атмосфер. Поскольку окончательно утвержденной теории на данный момент нет, то возникает эффект избыточности теории, который можно наблюдать и в эмпирических исследованиях. К тому же большое предметное разнообразие атмосфер (которые рассматриваются применительно к различным эстетическим объектам, городским пространствам, медиа и пр.) создает условия для взаимопроникновения концепции атмосферы и иных дисциплинарных подходов, что только усиливает процесс интерпретации теории. Впрочем, такое сближение с собственно предметной областью способствует адаптации абстрактных категорий к конкретным прикладным возможностям, идентификации характеристик атмосферы.

И мне кажется важным отметить, что парадигма рождается там, где предложена «чистая теория» и первичная разметка предмета исследования (данных), впоследствии постоянно обновляющаяся за счет эмпирических результатов. В моем конкретном примере проблема заключается в том, что суждения, требующие проверки, как мне представляется, либо не декларируются должным образом, либо представлены в большом объеме. Создается ощущение множества предпосылок, что затрудняет прикладные исследования, не дает им достаточных оснований стать вкладом именно в эту область научного знания (а значит, способствовать формированию парадигмы). Безусловно, есть и попытки объединения различных подходов (Bille, Simonsen 2021).

Впрочем, существуют отдельные попытки целенаправленно расширить эмпирикой теорию. В исследовании К. Чепмен явно указывается, что одной из целей статьи было «показать важность рассмотрения аффективного измерения атмосферы в аспекте репрезентации» (Chapman 2025: 17), при этом хочется отметить, что теоретическая реплика по поводу статуса атмосфер

в контексте статьи довольно объемна (что подчеркивает неопределенность атмосферы как объекта исследования). Встречаются и указания на конкретные теории, которые таким образом «эмпирически обогащаются» (*Resch, Rozas 2025*).

С другой стороны, существуют и примеры исследований, демонстрирующих связь с другими исследованиями при анализе данных, что способствует «ускорению» обновления результатов обработки эмпирического материала, в данном контексте — анализа архитектуры как генератора атмосферы (*Gregorians et al. 2022*).

С этой точки зрения эмпирические исследования атмосферы все равно вынуждены дополнять теорию, переосмысливать ее, особенно учитывая различность сфер, где атмосфера так или иначе обсуждается и «проверяется». В то же время это порождает цикл интерпретаций, затрудняющих развитие сегмента, которое могло бы привести к переходу от протопарадигмы к парадигме.

Можно ли в сфере исследований атмосферы говорить о методологическом сближении социогуманитарных наук с естественными? В рамках эмпирических исследований атмосферы оно определенно присутствует. Например, эмпирическое исследование А.Б. Вайнбергера и соавторов, в котором участники эксперимента оценили 16 случайно выбранных изображений (природный ландшафт/внешняя архитектура) для оценки трех психологических измерений: очарование (богатство и интерес «сцены»), согласованность (аналитические суждения об организации и конструкции сцены) и уют (чувство тепла или уюта) (*Weinberger et al. 2021*). Однако основная сложность извлечения данных и характеристик атмосферы заключается в использовании интерпретативного метода, который так или иначе имеет риск вовлечения субъективности исследователя (особенно значительным этот риск может стать при анализе генераторов атмосферы). В таких условиях важной становится задача «проверки» субъективного и «социальной разметки» объективного, поэтому сближение методов из различных наук представляется неизбежным. Поскольку в случае исследований атмосферы мы имеем дело с тем, что извлекается из совокупности субъективностей, то важным становится преодоление разметки каждой уникальной интерпретации атмосферы и выход к результатам, которые можно рассматривать как надежные и достоверные закономерности феноменов.

Ключевые параметры атмосферы могут быть достоверно «рабочими» при условии сохранения отстраненности со стороны исследователя. С этой точки зрения, методология для такого предмета должна работать через дистанцирование — исследователь не может самостоятельно описать атмосферу в полном объеме (хотя его субъективные ощущения могут стать ориентиром для дальнейшего уточнения), но может сделать это через анализ впечатлений совокупности людей о конкретном пространстве.

Если же возвращаться к эстетически-рецептивному подходу, то сбор данных затрудняется, опять же, разными подходами к разметке. Получается сбор субъективных контекстов, но между ними не строится обобщенная модель. Если унификация не состоится, то могут быть утеряны паттерны реакции

Соколовский С.В., Бугоевская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

на атмосферу, которые, вполне возможно, можно увидеть уже сейчас, исходя из эмпирических данных.

Как мне представляется, на данный момент мы не можем говорить о консенсусе в рамках развития исследований атмосферы, так как существующие теории все еще требуют адаптации (чем и занимаются представители разных дисциплин). Тем не менее, стоит отметить коллективные усилия по развитию этой концепции. Понятно, что консенсус сформируется «потом», путем «естественного отбора» цитат, ссылок на работы в последующих исследовательских трудах.

В логике Т. Куна в текущий момент мы находимся в ожидании фазы «нормальной науки» — фрагментация социогуманитарных дисциплин и их взаимовлияния являются следствием утраты парадигмы, которая продлится до момента глобального обобщения, которое и породит новую парадигму. Этому может препятствовать различность терминологического аппарата при существенной схожести различных теорий, нередко из совсем разных областей (то есть между ними даже на институциональном уровне затруднительны дискуссии). Также этому способствует отсутствие декларирования гипотез, требующих подтверждения или опровержения как глобальной задачи отдельных дисциплин. Также стоит отметить индивидуализацию научного развития — в науке существуют свои исследовательские очаги, которые скорее объединяются по принципу отдельной доминирующей теории (в логике Т. Куна «группа прорыва»).

Но в то же время подходы, которые могут нам казаться протопарадигмами, на деле вовсе не обязательно должны сталкиваться в конкурентной борьбе — скорее, дополнять друг друга. В уже упомянутых двух подходах, выделенных Г. Бёме, — эстетически-рецептивном и эстетически-производственном — мне видится перспектива не спора, а сотрудничества. Сторонники каждого из этих подходов могли бы обращаться к работам друг друга: первые — для уточнения аффективных реакций реципиентов, вторые — за уточнением востребованности тех или иных генераторов атмосферы у посетителей. Но такой «идеальный», по моему мнению, контакт возможен только при общих скоординированных действиях.

Е.В. Попова

Антропология технологий в контексте исследований науки и техники

До ответов на поставленные вопросы важно сделать два замечания. Первое: обозначить то, что любая история науки, а здесь мы оказываемся в раздле истории такого научного направления, как антропология техники⁹, множественна, и мое описание является одним из множества возможных. Второе: рассказываемая история встроена в контекст моей научной биографии: я пришла в антропологические исследования через междисциплинарные исследо-

⁹ В данном тексте слова «техника» и «технология» применяются как синонимы.

вания науки и технологий (далее — STS), которые являются родовым понятием по отношению к возникающей субдисциплине — антропологии техники. STS уже более 60 лет, в то время как антропология значительно медленнее реагировала на беспрецедентные изменения, происходящие в современном мире, связанные с развитием науки и технологий. Если в 1960–1970-е годы в междисциплинарной области исследований науки и техники доминировали история, философия и социология науки, то антропологи подключаются к ней лишь к концу 1970-х и на протяжении 1980-х годов вносят значительный вклад в STS¹⁰. Серия этнографических исследований в лабораториях (*Knorr-Cetina* 1979; *Latour, Woolgar* 1979; *Traweek* 1988) познакомила STS с антропологическими методами, которые значительно поменяли ландшафт исследований науки и технологий. Но, несмотря на весомый вклад антропологов в STS, эти исследования долгое время оставались малоизвестными широкой аудитории антропологов. Одним из первых, кто стремился познакомить профессиональное сообщество с исследованиями технологий, был Б. Пфaffenбергер, который в своей программной статье 1992 г. в *Annual Review of Anthropology* подчеркнул, что социально-технические системы глубоко укоренены в культуре, ритуалах и мифических нарративах (*Pfaffenberger* 1992). Нельзя сказать, что это стимулировало рост исследований по антропологии техники в этот период. Хотя, казалось бы, в отличие от других социогуманитарных наук, антропологи проявляют интерес к повседневным и обыденным вещам, рассматривая их как технологии или элементы материальной культуры традиционных обществ (корзины, горшки, мотыги и другие инструменты), а также современные артефакты (телефоны, автомобили, умный дом), это не формирует теоретическое осмысление техники: технологии для антропологии являются, скорее, контекстом исследуемых явлений, обществ и культур. Это приводит к обособлению технологий от социальной сферы и человеческого опыта.

Возможно, причина кроется в недостатке работ, позволяющих интегрировать технологии и социальные отношения в единое целое, что потребовало бы пересмотра современного дуализма «технология vs. общество» (*Latour* 1993). Этот дуализм для классической антропологии оказывается продолжением противопоставления номотетических и идеографических наук. Однако для антропологии техники, в силу ее относительной молодости и появления из STS, рассматривающей науку и технику как культуру в связке разных типов знаний, технологий и общества, дуализм природы и культуры представляется неактуальным. Хрестоматийным примером, демонстрирующим несостоятельность подобного разделения, служит книга Донны Харауэй «Видения приматов» (*Haraway* 1989), ставшая одним из первых образцов взаимодействия антропологии и STS. Автор анализирует различия в исследованиях евроамериканских и японских приматологов, указывая на то, что благодаря автономной истории японские ученые разработали собственные методы, теории и исследовательские вопросы, отличные от западных, и эти различия сохранялись даже в условиях последующего сотрудничества. Обусловлено это безразличием японских исследователей к западному противопоставлению природы и культуры. Это наблюдение Харауэй позднее стимулировало обсуждение источников и распространенности дихотомии «природа и культура» в разных национальных школах общественных и биологических наук (см.,

¹⁰ Важно отметить, что для обеих дисциплин первичными были исследования науки как формы знания, к технологиям исследователи обратились значительно позднее.

напр.: Morita 2015). Итог этих обсуждений состоял в выводе, что природа и культура — это не аналитические категории, а средства классификации, присущие именно западной культуре в определенный исторический период, поэтому их нельзя брать в работу при анализе науки и техники.

В рамках данной логики осмысление результатов исследования в антропологии техники сложно представить как привычные для социогуманитарных наук формы: объяснение, понимание или интерпретация в широком смысле. Речь на нынешнем этапе развития субдисциплины идет о конструировании, но не в смысле создания связного нарратива, отражающего различные представления участников о ситуации (Гурц 2004), а, скорее, о конструировании самого исследовательского объекта (Karasti, Blomberg 2018). Это обусловлено тем, что онтология участников исследования возникает лишь во взаимодействии. Таким образом, мы говорим не только о конструируемом знании, но и о конструируемом поле. Вместо вопросов о восприятии природы или техники или о процессе открытия знания о ней, мы задаемся вопросом о том, как они «создаются» (Law, Lien 2013; Stengers 2008).

В то время как новая субдисциплина, работающая с различными антропологическими исследованиями технологий, в равной степени привержена как антропологии, так и STS, и многие дискуссии и исследовательские среды здесь пересекаются, часто антропологи технологий, как показывают обсуждения данного направления, оказываются за рамками ключевых дискуссий ядра антропологии или исследований культуры (Cadena et al. 2015). Редкие примеры взаимного обогащения научных направлений дают значимый содержательный и теоретический результат. Например, «в Калифорнийском университете в Беркли «исследования культур» никогда не были специализацией; скорее, это устоявшаяся практика собираться по средам, чтобы послушать общую лекцию, а затем ответить на нее. Дискуссии и споры во время этих встреч формируют каждого в аудитории, оказывая значительное научное влияние. Ключевые тексты по антропологии и STS, такие как «Маршруты» Клиффорда (1997), «Видения приматов» Харауэй (1989), «Когда виды встречаются» Харауэй (2008), «Трение» Цинг (2005), «Встреча с вселенной на полпути» Барад (2007) и многие другие, были разработаны на таких научных семинарах» (Swanson 2015: 445).

Современное развитие технологий меняет не только предметное поле антропологии, включая новые области, но и ставит методические и методологические вопросы в отношении развития антропологии как науки. Как пишет один из рецензентов «Руководства по антропологии технологий»: «... как много вещей, которые мы ранее рассматривали лишь как контекст для изучения технологий, сами по себе являются технологиями. С этой точки зрения мы начинаем понимать, как технологии способствуют созданию моральных норм, социальных порядков, инфраструктуры и власти. Примеры варьируют от сбора данных и энергетики до комитетов, знаний, гендера, аутентичности, продуктов питания и многих форм классификаций. Такое целостное восприятие, несомненно, подходит для такой дисциплины, как антропология, которая продолжает традицию, признающую, что технологии в равной степени связаны как с созданием людей, так и с созданием вещей» (Miller 2022). Рефлексия изменений предметного, теоретического и методического поля антропологии в настоящее время происходит повсеместно. Например, в России последний

номер журнала «Антропологический форум» посвящен обсуждению изменения роли теории в современной антропологии (Форум 2025), заявлена специальная секция на КАЭР-2025 по теме «Теоретические знания в современной этнологии и антропологии», опубликованы научные работы, обсуждающие изменения связи полевой работы и теоретических концептов (см., напр., Звонарева и др. 2021; Куренной 2021). Эта деятельность отражает тренды, происходящие в российской и международной антропологии.

Антропология технологий является относительно новым полем и для российской, и для зарубежной антропологии и, хотя в зарубежных вузах это направление развивается беспрецедентными темпами, в России оно все еще маргинально. В англоязычном сегменте, например, раздел по антропологии технологий появляется в «Руководстве по социальной антропологии» за 2012 г. (Harvey et al. 2012), а в 2022 г. вышло первое «Руководство по антропологии технологий» (Bruun et al. 2022). В период с 2010 г. по настоящее время в зарубежной академии публикуются статьи и проводятся конференции и круглые столы, посвященные вопросам взаимодействия STS и антропологии техники, так же как и национальным спецификам таких взаимодействий (см. например, круглый стол «Антропология и STS: генеративные взаимодействия и практика множественной дисциплины» (Cadena et al. 2015), обсуждающие новое для антропологии направление.

В российском контексте в новом паспорте специальности 5.6.4. «Этнология, антропология и этнография» антропологические исследования технологий обозначены в качестве одного из исследовательских направлений. Но ни один из опрошенных мною членов диссертационных советов, включающих одновременно направления по истории науки и техники и антропологии науки и техники, не смог мне сказать, в чем отличие этих двух направлений, а защищенных диссертаций по антропологическим исследованиям техники в рамках нашей специальности мы не нашли. Все работы, которые были обнаружены среди авторефератов в Российской национальной библиотеке по поисковому запросу «антропология техники/технологий», защищены по философской антропологии, которая не предполагает применения этнографических методов и выполнения полевой работы. До появления отдельного направления в паспорте специальностей весьма редкие диссертации по антропологии техники были вынуждены теоретически встраиваться в тезаурус классической антропологии (см., напр., Богатырь 2011).

В сфере российских антропологических исследований мы видим вкрапления отдельных концептов, выросших из исследований технологий — скрипты, инфраструктуры, институты знаний, гетерогенные коллективы и другие, однако говорить о появлении этого дисциплинарного поля в структуре социальной антропологии России, кажется, преждевременно.

Дисциплинарное поле антропологии техники имеет множество концептуальных рамок, поэтому сложно говорить о наличии разделяемых всем профессиональным сообществом теорий, единых практик и правил. Более того, в силу профессиональной работы с вопросами появления и проявления знания в работах сквозит представление о том, что любые теоретические обобщения и аналитические термины, будучи неотъемлемой частью конкретных языковых и культурных общностей, всегда формируются на специфических онто-

Соколовский С.В., Бугоевская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

логических основаниях. Соответственно, концептуальные понятия и классификационные схемы, успешно функционирующие в одних языках, могут оказаться чуждыми другим, что ставит под сомнение идею универсальности аналитических концепций. Но, несомненно, можно говорить о консенсусе в отношении некоторых принципов и методов, прежде всего, эмпирической работы, которые STS дают современному антропологическому знанию, с некоторыми оговорками их можно назвать ценностями. Исследования технологий, фокусируясь на технологиях как наборе социальных, культурных и материальных практик, стремятся понять их функционирование, что определяет и методологию, ориентированную на выявление отношений, различий и эффектов практик производства и распространения знаний и конкретных технических проектов. Опора на кейс-стади способствует тесному переплетению теории, метода и эмпирической работы. Эта взаимосвязь привела к важным представлениям, разделяемым профессиональным сообществом (Звонарева и др. 2021). Во-первых, это консенсус о перформативности исследовательских методов, то есть их способности не только отражать, но и формировать общество. Во-вторых, представления о множественности реальностей, конструируемых в исследовательских практиках и практиках разработки. И, как следствие из первых двух пунктов, утверждения о необходимости демократизации исследовательских практик и актуализации этических вопросов исследований знаний, науки и технологий.

В отношении применяемых теоретических концептов субдисциплина антропология технологий, несомненно, является разнонаправленной. При этом теории и концепции, которые в докладе С.В. Соколовского обозначаются термином «категории», являются кроссдисциплинарными. Исследователи, работающие в этом поле, говорят о теоретической множественности и о мультиперспективизме. Например, структура «Руководства по антропологии технологий», состоящего из 39 глав, включает четыре раздела, посвященные: «1) разнообразным практикам в области знаний, которые связаны с технологиями и от которых они зависят; 2) сообществам, коллективам и категориям, которые возникают вокруг технологий; 3) вкладу антропологии в расширение дискуссий об этике, ценностях и морали в отношении технологий; и 4) инфраструктурам, которые показывают, как все технологии интегрированы в более широкие политические экономические и социально-исторические процессы» (Bruhn et al. 2022). Таким образом, «научные идеологии» (Соколовский 2025), подобные другим научным направлениям антропологии или философии (функционализм, структурализм, постгуманизм и т.д.), маркируют различные направления антропологии техники в соответствии с их концептуальной рамкой. При этом, поскольку антропология техники входит в состав более широкого междисциплинарного поля STS, которое выросло из теоретических исканий относительно социальной и культурной природы знаний — научных, экспертных, обыденных, — теоретическим изысканиям в этой субдисциплине отводится значительное место. Сложно представить полевую работу, не связанную с теоретической концептуализацией/категоризацией. Если говорить о том, что такое теория здесь и что она делает в исследовательском процессе, то она рефлексруется исследователями и задает рамки прочтения полевых данных (Звонарева и др. 2021). Здесь не работает логика нереплексивных социогуманитарных наук, о которой пишет С.В. Соколовский. Среди разделяемых теоретических представлений лежат положения о том, что технологии неразрывно связаны с процессом создания знаний, с коллективами людей,

с существующими противоречиями и с инфраструктурой, которая их поддерживает и наделяет смыслом. Эти социально-материальные отношения, оформленные как «технологии», встроены в исторический и политико-экономический контекст, часто мыслимый в форме научно-технического прогресса. Однако, рассматривая технику как один из способов объединения материального и культурного миров, можно создавать принципиально новые представления и транслировать их для изменения управленческих подходов.

Таким образом, для антропологии техники можно утверждать консенсус в отношении, во-первых, предмета исследования: фокус на том, как технологии пере/формируют политическую экономику, общество, культуру и идентичность в разных частях мира, а также связываются с имеющимися в разных национальных и мировых контекстах социальными проблемами. Во-вторых, консенсус в отношении методологии антропологии техники: «неумолимость множественности, которая делает сингуляризацию эфемерной и практически бесполезной на практике» (Cadena et al. 2015). Но едва ли можно создать целостную и непротиворечивую картину того, что такое антропология техники и как она соотносится, например, с STS или классическими направлениями антропологии, поскольку национальные научные традиции здесь значительно различаются.

Н.В. Скорин-Чайков

Ойкономия и состояние исключения: к вопросу об антропологическом знании как естественной или исторической науке

В статье, предлагаемой для обсуждения, С.В. Соколовский указывает на возникновение классической антропологии XX в. как моделирующей себя по аналогии с естественными науками. Длительное поле должно было стать эквивалентом лабораторного эксперимента. Классификация наук в основе этой научной идентичности восходит к знаменитой речи «История и естествознание» Вильгельма Виндельбанда, которую он произнес при вступлении в должность ректора Страсбургского университета в 1894 г. и которая стала классическим философским обоснованием научного знания. Виндельбанд говорил о различиях в изучении повторяющихся явлений, открытых экспериментальному методу естественных (*номотетических*) наук, и в понимании уникального, не повторяющегося, исследуемого методами наук *идеографических* — исторических или «гуманитарных», как мы сказали бы сейчас. Мой тезис в том, что эти различия сохраняют актуальность сегодня в том, как определяют себя представители разных наук, в том числе антропологи, но эти различия актуальны как вопрос, а не как ответ. Здесь недостаточно просто идентифицировать себя «ближе» к наукам гуманитарным — как стали определять свое место и свою научную идентичность многие антропологи после эпохи постмодерна 1980-х. Моя цель — привлечь внимание к «состоянию исключения» как этнографической методологии, которая повторяет сами различия — как исключения, подтверждающие правила. Я предлагаю этот методологический ход в исследовании домохозяйства (Скорин-Чайков 2024) и поясню его ниже в данной реплике. Но начну с того, что С.В. Соколовский и в своей статье, и в вопросах для обсуждения справедливо упоминает Б. Ла-

Соколовский С.В., Буговская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Скорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

тура как важного собеседника в этой дискуссии. Действительно, Латур отмечал гибридизацию природы и культуры и в западной модерности, и в науках о природе и культуре, примером чего он видит свою собственную антропологию научного знания и как следствие, и как инструмент этой гибридизации (Latour 1993). Но в своих относительно недавних лекциях (Latour 2017) он еще более радикален. Он призывает повернуться «лицом к Гее» (от Gaia — богини земли в древнегреческой мифологии) в эпоху климатических изменений, которая касается не только западного общества, но всего населения планеты. Задача сохранения жизни сегодня ставит под вопрос естественные, экспериментальные науки, где неудачный эксперимент возможен, а отрицательный результат тоже результат. Можем ли мы себе позволить неудачный эксперимент, утверждая, что климатические изменения — просто естественный ритм планеты, и за глобальным потеплением последует похолодание — и исходя из этого не бить тревогу? Отрицательный результат тоже результат? Или задача сохранения жизни является нашей ценностью, которая пронизывает естественные, экспериментальные науки «духом» наук об уникальном, которое мы не можем позволить себе риск потерять?

Это следует из размышлений Латура, которые пронизывают его последние публикации (Latour 2018; Latour, Chakrabarty 2020; Latour, Weibel 2020). Но не менее интересен здесь мост, соединяющий их с более ранним временем. Он ведет, во первых, к акторно-сетевой теории того же Бруно Латура, Мишеля Каллона и Джона Лоу, принципы которой были сформулированы в 1980-е, где природные («естественно-исторические») и исторические явления имеют «точки сборки» в междисциплинарном и многовидовом сообществе ученых и их объектов исследования. Ставший классическим пример этого вида анализа — «социология перевода» гребешков на побережье Франции в структуры знания о них — научного, но также знания рыбаков как альтернативных агентов взаимодействия с гребешками. В статье М. Каллона, где исследуются эти сети взаимоотношений, «точки сборки» называются также «точками перевода», как в литературном, так и в банковском смысле (Callon 1986). Точки сборки разных контекстов реальности и изучающих их ученых — это одновременно точки перевода — трансфера знания из одного контекста в другой, с языка одной науки на язык другой.

Указывают ли эти «точки сборки» на историю и антропологию науки как на явление повторяющееся, открытое языку *номотетических* (естественных) наук или они представляют собой уникальные исторические конфигурации, предполагающие *идеографические* описания гуманитарных наук? Как мне представляется, скорее последнее. Более того, метод акторно-сетевой теории ближе «идеальному типу» и «избирательной близости» Макса Вебера. Мост от акторно-сетевой теории к Веберу опирается на ставшее знаменитым «насыщенное описание» (Geertz 1973). К. Гирц вводит это понятие в антропологию, заимствуя его у философа Гилберта Райла, но также из субъективистской «понимающей» методологии Вебера. «Насыщенное описание» предполагает не просто пересечение нескольких точек зрения на одно и то же, как в примере Каллона, где сети строятся с трех их концов: гребешков, рыбаков и ученых, или, как в примере Гирца — в пересечении трех разных перспектив на ограбление дома еврейского торговца в Центральном Марокко: французских колониальных властей, берберов и самого торговца. Впрочем, то, что делает это описание «насыщенным», не составляет сколько-нибудь подробной

этнографии каждой из этих трех перспектив. (Отмечу, что М. Каллон также в основном пишет об ученых и с точки зрения ученого). К. Гирц рассматривает всего один эпизод воспоминаний 1968 г., когда он проводил свое исследование и записал нарратив еврейского торговца о том, что происходило с ним в 1912 г. (Geertz 1973: 7, 9). Но этот один-единственный нарратив достаточен для логики рассуждений К. Гирца. Она заключается в следующем: торговец потребовал компенсации за ограбление, хотя мог и не настаивать на этом; берберы, которые вызвались ему помочь, могли этого не делать; те, кто напал и ограбил дом торговца, могли решить не выплачивать компенсацию, а сражаться с берберами, предложившими помощь торговцу; наконец, французские власти могли позволить торговцу оставить компенсацию себе, а не отбирать овец, которыми она была выплачена — и не сажать торговца в тюрьму за запряченную ими же практику таких выплат.

Иными словами, идеально-типический анализ — что и делает описание «насыщенным» — работает не через этнографически насыщенный контекст с глубокой этнографией разных точек зрения, а через указание на то, что произошедшее могло случиться по-другому. «Антропологическая интерпретация» прослеживает «кривую социального дискурса, фиксируя его в форме, доступной инспекции», и в этом антрополог стоит за плечом информанта, который также интерпретирует происходящее (Geertz 1973: 19). Логика инспекции инспекции здесь повторяет логику точки перевода как интерпретации интерпретации того, что могло случиться по-другому и что требует понимания единожды произошедшего, а не повторяющегося много раз. Говоря точнее, здесь повторяются интерпретации одного и того же события, а не ограбления дома торговца.

Время — назад, еще раз. Гирц заимствует эту «понимающую методологию» (the *Verstehen* approach) у Вебера (Geertz 1973: 14, курсив оригинала. — Н. С.-Ч.). Этим Гирц вносит вклад в обсуждение в англоязычной социальной и культурной антропологии важного вопроса о том, к каким наукам отнести антропологию — к социальным или гуманитарным. Ближе ли антропология к социологии или к истории? Это различие рекурсивно повторяет различие «история и естествознание» Виндельбанда, но внутри того, что Виндельбанд определяет как «история» или «науки о духе». В рамках этих «наук о духе» многие социологи настаивают, что их статистические методы сродни экспериментальному методу естественных наук — подобно тому как антрополог Уильям Риверс и его коллеги полагали, что длительное поле делает их исследования сродни тому, что делают естествоиспытатели (см. статью С.В. Соколового). Но социология Вебера совсем другая. Она тесно связана с историей. В традиции историзма Вебер связал капитализм как технологию накопления финансовых ресурсов через инвестиции с отношением ко времени как к деньгам (мысль, которую он заимствует у Бенджамина Франклина) и с культурой предпринимательства в европейском протестантизме. Его социологическая книга «Протестантская этика и дух капитализма» — это одновременно и историческое повествование о периоде с XVI по начало XIX в., и теоретическая инновация в социологии. К примеру, взаимосвязь религии и экономики Вебер анализирует не по Марксу, у которого религия и, шире, идеология — «надстройка» над экономическим «базисом» капиталистической общественной формации. Вебер рассматривает религию и экономику как исторически уникальный «идеальный тип» взаимоотношений с точки зрения того, что он

Соколовский С.В., Буговская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Скорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

называет «избирательной близостью» («избирательным сродством») протестантской религиозной этики и капиталистического предпринимательства.

Если проверять теорию Вебера по критериям социологической и, в этом смысле, естественнонаучной повторяемости, то она не выдерживает этого теста: успешный бизнес совершенно не обязательно протестантский даже в то время, о котором он пишет. Но у Вебера историческая репрезентативность совсем другая. Идеальный тип связи экономики и религии, согласно Веберу, стал возможным благодаря другим идеальным типам. Например, Вебер рассматривает идеальный тип труда для накопления денег, который, в отличие от морально и религиозно порицаемого средневекового ростовщичества, становится этически приемлемым образом жизни благодаря протестантизму, но затем работает независимо от того, все ли успешные капиталистические предприниматели — протестанты. Другой пример идеального типа Вебера — социальная технология «двойной записи» в бухгалтерии, не тождественная знакомой всем нам «двойной бухгалтерии», а относящаяся к распространенной в банковском деле практике записи учетного счета, состоящей из двух частей: дебета и кредита. По Веберу, эта формула из банковского дела перекочевывает в государственную бюрократию, объединяя их в единую систему взаимоотношений (еще один идеальный тип избирательного сродства капитализма и бюрократии), где используются двойной учет и сопутствующие ему формальные способы записи: «слушали» — «решили», «было» — «стало». Эта формальная рациональность постулируется Вебером как связанная с рациональностью банковского дела, но является (также по Веберу) культурной ценностью европейского Нового времени. В это же самое время, в начале XX в. антропологам приходится доказывать, что культурные традиции одаривать гостей подарками во время застолья — таков «потлач» индейцев Британской Колумбии в Канаде — не менее рациональны с точки зрения их культуры, чем банковский кредит для европейцев, хотя этим европейцам он видится нерациональной расточительностью. Аналогия с банковским кредитом формулируется Ф. Боасом, которого потом цитирует М. Мосс.

Впрочем, эти антропологические интервенции не помогли. Из-за понимаемой таким образом расточительности колониальные власти Канады запрядают потлач в 1885 г., хотя в это же время, как показывает Т. Веблен, расточительная экономика потребления расцветает пышным цветом у буржуазного «праздного класса» в Нью-Йорке и Чикаго (*Veblen* 1899), и в ней, как он полагает, видны следы архаики в «этнологической линии происхождения» (там же: 130). С одной стороны, эта линия происхождения различает «старые» деньги, полученные в наследство, от «новых», заработанных. Но с другой — и это более важно — мы видим различие между Вебленом и Вебером не столько в самой реальности старых и новых денег (Вебер цитирует книгу Веблена «Теория делового предпринимательства» 1904 г.) и «архаического» отношения к богатству и праздности, а в методе исследования. Суть социологии Вебера в том, что это исследование исторических частных случаев, которые и сами могли произойти по-другому (по Гирцу), и которые (вместе с Гирцем) гораздо ближе к исследовательской практике этнографии, не оперирующей выборками и статистической репрезентативностью как основой доказательства и не помещающей эти данные в рамки эволюционной шкалы происхождения. Идеальные типы Вебера, например, традиционный, харизматический и рациональный авторитет — это не стадии эволюции, ведущие от «этнологической линии происхождения» к капитализму.

Действительно, мы как этнографы постоянно имеем дело с исключительным, единичным, нетипичным. Но здесь состояние исключения интересно именно как методология. Обладает ли эта методология парадигмальным статусом в том смысле, в котором об этом пишет С. В. Соколовский? Согласно его статье, предложенной для обсуждения, науки об обществе — социальные науки на языке этой статьи, или науки исторические по Веберу и Виндельбанду — не характеризуются «отсутствием парадигмальных структур», то есть темпорально стабильного консенсуса, который «в течение определенного времени дает научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун 1977: 11, цит. по статье С. В. Соколовского), а обладают своими собственными парадигмами. Среди них можно выделить эволюционную или структурно-функциональную школы — или, если говорить об отечественной этнографии, школу «теории этноса». Парадигмой в рамках структурно-функциональной школы можно считать классическую политическую антропологию, которая возникла из сборника «Африканские политические системы» (Fortes, Evans-Pritchard 1940), и которая потом модифицировалась школой Манчестерской, в свою очередь все более открытой марксистской парадигме. В начале 2000-х годов возникла новая этнография политического, парадигматическим тезисом которой стало исследование «состояния исключения» как инструмента антропологии глобализации и суверенной власти после окончания Холодной войны.

«Состояние исключения» стало важным понятием благодаря работам Дж. Агамбена, который в свою очередь сделал популярным в антропологии концептуальное наследие К. Шмитта. Однако, если последовать за Агамбеном, легко заметить, что он в свою очередь следует за суждением о состоянии исключения в этике Аристотеля. Это применимо не просто к фигуре созерцателя, будь то выборный глава полиса, правитель империи или хозяин дома, а к любому суждению на основании того, что понимается как благо. Но если мы перекинем еще один мост от тех суждений, которые мы можем этнографически исследовать, к тому, как мы их исследуем, а от «блага» как основы этих исследуемых суждений к «благу» самого исследования, то мы можем увидеть, как состояние исключения работает как обоснование важности уникального, не повторяющегося, исследуемого методами наук *идеографических* по Виндельбанду. «Состояние исключения» как методология позволяет увидеть, как исключение подтверждает правило. Именно так этот метод был апробирован в статьях недавнего спецвыпуска «Этнографического обозрения», посвященного экономической антропологии домохозяйства. Остановлюсь кратко на этом.

В подобной идеально-типической логике анализирует смыслы труда П. Р. Яровая в отдельном случае восстанавливаемого крестьянского дома и как части, и как метафоры восстанавливаемого монастыря в Вологодской области, в котором экономически-ориентированная «работа» сочетается с «трудом» как служением Богу. Сломать дом и выстроить новый было бы и дешевле, и быстрее. Но именно в медленной и далекой от практичности его экономического результата реставрации проявляется теологический смысл труда (Яровая 2024). Здесь не просто предпочтение одного действия другому. Работа состоит из подобных действий, которые можно делать или нет, или делать по-другому. Что делать в данном случае — это вопрос интерпретации действия его участником; действовать или нет и как это действие назвать — решение настоятеля,

который таким образом здесь хозяин, то есть сюзерен, определяющий и правило, и исключение. Восстановление дома — «ойкономия» (Ссорин-Чайков 2024) и хозяйственных действий, и суждений. И теологический смысл «труда», и светский смысл «работы» здесь суть идеальные типы по Веберу. Религиозный и мирской экономической смысл этого хозяйства не размывают друг друга и не превращаются друг в друга — например, религиозное становится просто экономическим, или наоборот, экономика сакрализуется. Эти логики работают вместе, опираясь друг на друга как взаимодополнительные состояния исключения (идеальные типы) по отношению друг к другу.

Как показывает А.К. Касаткина, подобная логика различения касается мужских и женских ролей в подходах к садоводству в нарративах жителей Санкт-Петербурга о своих дачах — например, о выращивании женщинами «почти бесполозных, но таких красивых баклажанов» в противоположность «более утилитарной позиции, делегированной мужу» в труде на огороде (Касаткина 2024). Идеально-типические различия касаются и места и роли женщины в семейном бизнесе как домострое (Терешина 2024). С одной стороны, эти предприятия «дают возможность постсоветским мужчинам утвердить свое место в семье на правах кормильца и хозяина», а «женщинам переопределить себя через успешное материнство и отказа от *части* ответственности за судьбу предприятия/домохозяйства» (там же, курсив мой. — Н. С.-Ч.). С другой стороны, строй этого дома в его патриархальности — это труд женщин не просто потому, что они берут бизнес в свои руки в силу «необходимости, обычно одинокими матерями, которые вынуждены заниматься бизнесом в силу сложных жизненных обстоятельств», как полагает один из информантов Д.В. Терешиной, но также и поскольку именно они «поддерживают бизнес на плаву». Мужчины чаще выступают в роли «творца» — спонсора семейного бизнеса, но потом отступают на второй план, оставляя женщинам роль хозяина. В формировании пространства в тайге на Обском севере различия между мужскими и женскими ролями «не складываются в мужскую и женскую базовую, индивидуальную «природу» и идентичность, а, напротив распределены по разным «базам» (избушка, займка, поселок)» (Рахманова 2024). Гендерные обязанности и роли здесь также идеальные типы. Таяжная универсальность охотника и в охоте, и в домашних обязанностях в таяжной избушке указывает на гендерное «распределение» пространства (курсив Л.Я. Рахмановой) и отношений обмена («дележа») между частями личности в континууме взаимоотношений, которые одновременно и меньше, и больше «индивида». Но состояние исключения в этом контексте прежде всего касается не просто понимающей, идеально-типической методологии этнографического описания, а гендера самого антропологического исследования, где этнограф мужского таяжного пространства — женщина, которой было не так просто оказаться и в чисто мужском таяжном пространстве охоты и охотничьей избушки, и на не менее мужской рыбалке (см. также Рахманова 2019). Помимо обоснования «ойкономического» метода состояния исключения как общего введения в данную серию статей (Ссорин-Чайков 2024), я рассматриваю с точки зрения этой методологии отдельный случай приусадебного хозяйства в Подмосковье. Но это тема для отдельной статьи, а не для реплики в данной дискуссии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов», <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>

А.А. Филатова

Нестабильное знание: дисциплинарные границы, эпистемические модусы и эпистемические культуры

Введение

Вопросы эпистемологии и философии науки, поднятые Сергеем Валерьевичем Соколовским на примере антропологии, безусловно значимы не только в контексте развития конкретной дисциплины, они фокусируют внимание на наиболее острых проблемах современной науки как таковой. Свою рефлексию я планирую развернуть в двух пересекающихся плоскостях — нормативной и эмпирической. Первая прорастает из моего устойчивого интереса к философии и социологии науки, а именно к вопросам об устройстве научного знания, его производстве, институционализации и функционировании в рамках разных дисциплинарных режимов и социальных контекстов. Вторая вырастает из автобиографического опыта исследовательской работы, который был и остается весьма неконсистентным, даже в каком-то смысле пограничным.

В этом смысле моя реплика на предложенную статью не будет критическим разбором аргументов или аналитическим пересмотром предложенных проблематизаций. Скорее, это попытка отозваться на поставленные автором вопросы изнутри собственной эпистемической и социальной позиции, которая сама по себе субъективна. Один из центральных вопросов о соотношении концептуального и эмпирического, о том, как теория соотносится с данными, а дисциплинарная рамка — с реальной исследовательской практикой, я принимаю как методологическое приглашение к самоанализу в этой реплике.

Первое затруднение, с которым приходится столкнуться — это определение дисциплины, с позиции которой я вправе говорить, поскольку моя профессиональная идентификация достаточно размыта. Указание на «культурологию» как базовую дисциплину, обозначенную в дипломе о высшем образовании, не снижает этой неопределенности. Версия культурологии, с которой я столкнулась в конце 1990-х — начале 2000-х годов, представляла собой скорее не очень удачный эксперимент по созданию междисциплинарного гибрида в отечественном академическом поле, чем устоявшуюся дисциплину с четкими методами, теориями и ценностями. Моя траектория — это череда как эпистемических и тематических смещений: от когнитивной психологии и антропологии к критической теории, далее к исследованиям науки и технологий (STS) и экспериментальному образованию, так и организационных: от работы на стандартных гуманитарных кафедрах российских университетов до участия в проектных исследовательских группах, не ограниченных правилами жизни классической академии и скорее руководствующимися для достижения конкретного результата фейерабендовским принципом «все дозволено». В этом смысле я скорее обитаю в зазоре, чем в рамках какой-либо одной парадигмы или дисциплины. Этот зазор, однако, не пуст: он наполнен наблюдениями за тем, как формируются дисциплинарные системы производства знания, как они выстраивают границы, как эти границы обходятся, нарушаются, временно снимаются или, напротив, с удвоенной силой восстанавливаются в конкретных академических практиках.

Соколовский С.В., Буговская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

В своей реплике я попробую, во-первых, кратко обрисовать конкурирующие концептуализации науки, опишу один из существующих в современной социальной науке вариантов интерпретации отношения теории и эмпирических данных, а затем попробую из собственной позиции проанализировать, как намеченные в эпистемологии дебаты могут быть опознаны через рефлексию собственного исследовательского опыта.

Языки, идеологии и эпистемические культуры

Размышления о парадигмах, теориях и дисциплинарных границах стоит начать с более фундаментального вопроса об определении науки как таковой. На поверхности есть несколько базовых концептуализаций. Классическая философия науки предлагает трактовать ее как совокупность высказываний, которые можно верифицировать либо фальсифицировать с использованием определенных методологических процедур. Если логические позитивисты, вдохновленные успехами естественных наук, полагали, что язык должен быть прозрачным проводником эмпирического опыта, а новые данные могут в любой момент взорвать и опровергнуть любую теорию, то постпозитивисты, в частности представители критического рационализма, указали на невозможность чисто эмпирического опровержения концептуальных построений. Фальсификация, согласно К. Попперу, всегда зависит от системы теоретических посылок (Поппер 1983), а Т. Кун и П. Фейерабенд показали, что смена парадигм носит революционный, а не кумулятивный характер (Кун 1977, Фейерабенд 2008).

Известная метафора смены гештальта с утки на кролика, которую использует Кун, показывает, насколько резкими и всеобъемлющими бывают смены теоретических оптик. Завязанная на языке и референции теория повсюду сеет рознь, раскалывая на части даже некогда единые дисциплины. В гуманитарных науках одномоментное присутствие нескольких различных способов постановки проблем и их решений, т.е. парадигм в терминологии Куна, является скорее нормой, чем аномалией. Там, где одна теория интерпретирует наблюдаемое через призму классовой борьбы, другая может видеть рациональный выбор индивидов, адаптацию к экологической среде или сетевую конфигурацию акторов. Язык теории не только описывает, но и конституирует реальность: он задает каузальные связи, классифицирует объекты и нормализует интерпретации. Этот сдвиг от эмпиризма к лингвистическому конструктивизму обостряет разрыв между онтологией и эпистемологией. Объектами научного анализа становится не «вещи в себе», но удвоенные «ноумены» — феномены, конституируемые вначале в естественном языке, а после в концептах научной теории. В контексте лингвистического конструктивизма истинность определяется через когерентность высказываний и консенсус внутри научного сообщества (Rorty 1979). Теории в антипозитивистской традиции часто представляются как замкнутые семантические пузыри, взаимодействие между которыми осложнено различием фундаментальных оснований.

Хотя теоретически пересечение разных форм жизни и языковых игр в витгенштейнианском смысле слова невозможно, в действительности эти закрытые семиотические системы часто вступают в разного рода взаимодействия. Например, дисциплины предпринимают эпистемические интервенции и экспансии, заходят на чужие предметные поля, заимствуют концептуальные

метафоры друг друга, ассимилируют чужеродные объяснительные модели. Даже классические науки, как показывает П. Галисон на примере физики, не являются внутренне однородными: между теоретиками, экспериментаторами и конструкторами приборов возникают зоны обмена (*trading zones*), где приходится формировать гибридные языки и способы взаимодействия (Галисон 2004). Эти зоны не устраняют различий, но обеспечивают минимально необходимую сонастройку, позволяющую осуществлять кооперацию.

Социальный поворот в эпистемологии, наметившийся в 1970–1980-х годах под влиянием социологии знания и постструктурализма, радикально изменил представление о науке. В рамках этого поворота наука больше не мыслится как автономная система, генерирующая объективное знание независимо от социальных условий. Напротив, научное знание стало рассматриваться как продукт социальных практик, структур власти и культурных контекстов. Одним из ключевых следствий этого поворота стала интерпретация науки как идеологического института, встраивающегося в более широкие поля политических и экономических интересов. В этой перспективе дисциплины понимаются не просто как когнитивные и лингвистические структуры, а как политические акторы, конкурирующие за ресурсы, авторитет и влияние. Как отмечает Томас Гирин, дисциплины выстраивают свои границы (*boundary-work*), используя разные типы риторик по отношению к разным социальным группам и институтам, например, риторику научной объективности, для легитимации собственного статуса, одновременно маргинализируя альтернативные формы знания (Gieryn 1983). Научность здесь не дается раз и навсегда, а постоянно переопределяется в процессе этой борьбы. Показательно, что «естественность» научных границ часто поддерживается не логикой самой науки, а за счет инфраструктурных и институциональных усилий: через систему специализированных журналов, грантов, научных конференций, профессиональных ассоциаций, образовательных стандартов и карьерных траекторий. Стив Фуллер показывает, как властные структуры, нормативные ожидания и социальные запросы влияют на то, какое знание производится, как оно валидируется и кому служит (Fuller 2000). Например, приоритет финансирования прикладных исследований в неолиберальной политике науки ведет к тому, что фундаментальная наука теряет автономию, а критерии научности начинают подстраиваться под внешние (рыночные или управленческие) логики. Само понятие «объективности» в этой ситуации становится исторически и политически изменчивым. Границы дисциплин и даже само их существование зависят от способности адаптироваться к внешним вызовам: от государственного регулирования до гражданских низовых инициатив.

Эмпирический поворот, произошедший в рамках лабораторных и этнографических исследований науки, осуществил очередной сдвиг в концептуализации науки. Работы М. Линча (Lynch 1985), Б. Латура и С. Вулгара (Latour; Woolgar 1986), К. Кнорр-Цетины (Knorr-Cetina 1999) радикализируют представление о науке как локальной и материальной практике, отличающейся от дисциплины к дисциплине. В частности, концепт «эпистемическая культура», предложенный К. Кнорр-Цетиной, показывает, как лаборатории в разных научных полях (например, в молекулярной биологии и физике высоких энергий) формируют специфические формы познания: разные способы сбора данных, интерпретации результатов, взаимодействия с техническими артефактами и управления неопределенностью. Знание здесь — не абстрактное высказывание, а результат сложной организационной и материальной работы.

Соколовский С. В., Бугоевская М. Л., Винокуров Г. Д., Любимова Н. С., Медведева А. Р., Попова Е. В., Сеорин-Чайков Н. В., Филатова А. А., Ямсков А. Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С. В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

Значительное влияние на преодоление лингвистической трактовки понимания науки оказал так называемый материальный поворот. Его основной посыл состоял в том, чтобы преодолеть кантианский разрыв между миром вещей и миром репрезентаций. Б. Латур и К. Барад в этом контексте апеллируют к идее онто-эпистемической запутанности — невозможности разделения между познающим субъектом и объектом познания (Латур 2014; Barad 2007). Барад вводит понятие «агентивного реализма», где познание становится частью материальной практики, трансформирующей сам объект исследования. Наука теперь предстает не просто как система знаков, но сеть, включающая людей, технические устройства, биологические организмы и материальные посредники, обеспечивающие возможность перевода и преобразования знаний. Онтологический беспорядок мира, с которым сталкивается наука, влечет эпистемический беспорядок и отказ от иллюзии единого универсального метода. Как пишет Дж. Ло: «Дело в том, что простые и ясные описания не работают, если описываемое ими неупорядоченно. Сама попытка добиться ясности попросту увеличивает беспорядок» (Ло 2015: 12). Чтобы справиться с текучей реальностью, в которой все переплетено и смешано, приходится искать новые языки, нестандартные метафоры, применять «техники умышленной, осторожной неточности» (Ло 2015: 12).

Разнообразие концептуализаций, в которых наука предстает как система высказываний, идеологический институт и эпистемическая культура, рисует нам сложную картину научного знания как поля с множественными уровнями. С одной стороны — это тексты, утверждающие факты; с другой — это институции, охраняющие границы; с третьей — тела, устройства и практики. По словам П. Галисона: «в науке царствует разобщенность, и именно эта разобщенность, вопреки нашей интуиции, является залогом мощи и стабильности науки» (Галисон 2004: 65). Разобщенность науки вполне сочетается с разнообразием ее описаний, а также разнообразием и нестабильностью опыта, который проживает исследователь.

Эпистемические модусы: как теория встречается с эмпирическими данными

Провозглашенный принцип множественности теорий, методов и практик не снимает с нас задачи попытаться понять, какие модели отношения концептуальных конструкций и опытных данных доминируют в современном социально-гуманитарном пространстве. Дилемма объяснения/понимания, которая проходит через всю современную историю наук об обществе и человеке, продолжает занимать умы теоретиков научного знания. Противостояние позитивизма и множественных вариантов антипозитивизма выстраивается вокруг главных вопросов: может ли дисциплина или конкретная теория претендовать на обнаружение каузальных связей, способны ли эмпирические данные опровергнуть теорию, насколько предлагаемые объяснения зависят от социальной позиции объясняющего, существуют ли факты сами по себе, либо это всегда интерпретации, упакованные в концептуальный язык теории, количественные или качественные методы дают нам более релевантное знание и т. п.

В социальных науках существуют различные представления о том, для чего нужна теория и как она работает. И.А. Рид предлагает выделять три эпистемических модуса в социальных науках: реалистический, нормативный

и интерпретативный (Reed 2011). Модусами он именует способы объединения теории и фактических данных. Они определяют концептуальные методы соотнесения теоретических конструкторов с фактическим материалом, структурируют ожидания относительно познавательных возможностей такого соотнесения и предлагают критерии валидности производимого знания. Эпистемологические режимы не подчиняются напрямую конкретным исследовательским программам, теоретическим традициям или методологическим предписаниям. Вместо этого они формируют относительно автономные способы концептуализации связи между теорией и эмпирической реальностью, определяя рамки допустимого знания, критерии его обоснованности и горизонты интерпретации. Рассмотрим их подробнее.

Реалистический эпистемологический модус. Реализм исходит из представления о том, что социальной реальностью управляют фундаментальные силы и отношения, которые не даны непосредственно в опыте, но поддаются теоретической реконструкции. В данном ключе теория выступает инструментом выявления глубинных причин, лежащих за эмпирическими явлениями: будь то революции, формы взаимодействия, рыночное поведение или культурные феномены. Например, революционные процессы объясняются через анализ фундаментальных противоречий, а культурные феномены интерпретируются через универсальные когнитивные схемы. В этом отношении теоретические конструкции обладают объяснительной силой, поскольку соотносятся с онтологически устойчивыми структурами. Концептуальное ядро реализма — это идея о том, что социальная теория может и должна выполнять роль «лаборатории» в гуманитарном знании, воссоздавая причинно-следственные связи, аналогичные тем, что обнаруживаются в естественных науках. Работы Роя Бхаскара (Bhaskar 2008) в рамках критического реализма представляют собой попытку философски обосновать условия возможности такой реконструкции, адаптируя логику естественнонаучного эксперимента для социальных исследований, при этом признавая специфику социальных объектов — их концептуальную зависимость, идеальную составляющую и нормативную нагрузку.

Нормативный эпистемологический модус. Нормативизм фокусируется на диалогической природе знания, в котором теория выступает медиатором между исследователем и социальной действительностью, насыщенной ценностными суждениями и утопическими проекциями. Этот модус признает, что социальные исследования не могут быть нейтральными: они вовлечены в реконструкцию и критику существующих порядков, в артикуляцию альтернативных миров и потенциальных форм солидарности. Теория здесь не столько объясняет, сколько наделяет эмпирический материал критическим потенциалом: она выявляет скрытые формы власти, нормализованные патологии, подавленные возможности. Нормативные исследования черпают свои идеалы не из логики научной верификации, а из социальных практик, в которых артикулируются альтернативные ценности, будь то демократические инициативы, формы сопротивления или культурные движения. Основной вызов нормативного подхода заключается в вопросе об основании своих притязаний на истину: как осуществлять критику, сохраняя связь с реальностью и избегая произвола утопизма?

Интерпретативный эпистемологический модус. Интерпретативизм ставит в центр анализа смысловые структуры, репрезентации и символические

Соколовский С.В., Бугоевская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

формы, формирующие социальную действительность. Исследователь выступает как интерпретатор, стремящийся реконструировать внутреннюю логику действия, контексты значений и культурные коды, лежащие в основе социальных практик. В отличие от реализма, здесь отсутствует требование к построению целостной репрезентативной теории: знание складывается из сочетаний частных теоретических обобщений и конкретных эмпирических наблюдений. В рамках такого подхода барные драки могут быть прочитаны как ритуализированные формы демонстрации мужественности, а судебные процессы над ведьмами как выражение коллективной тревоги. Интерпретативное знание стремится выйти за пределы поверхностных объяснений, выявляя глубокие слои значений. При этом главная трудность этого подхода состоит в том, чтобы показать: могут ли интерпретации не только реконструировать значения, но и выполнять объяснительную функцию, раскрывая, каким образом символические структуры влияют на социальное действие.

Каждый из трех эпистемологических режимов представляет собой уникальный способ концептуализации социального знания. Вместе они, согласно Риду, формируют метатеоретическое пространство, в котором теория не просто описывает или объясняет, но и участвует в трансформации социальной реальности, задавая горизонты как эмпирического понимания, так и критической интервенции.

Что представляют собой дисциплины, парадигмы и теории на практике

Как я отмечала ранее, мой исследовательский опыт не укладывается в рамки одной академической дисциплины. Он сформировался на пересечении философии, социологии, исследований науки и технологий (STS), экспериментальной педагогики, а также в контексте специфических особенностей российской образовательной и научной практики. Это пограничное положение задает особый ракурс в осмыслении отношений между дисциплинами, парадигмами и теориями как когнитивными и институциональными структурами.

Существующее поле социальных и гуманитарных наук сегодня крайне неоднородно, наполнено внутренними напряжениями и разнообразием эпистемических культур, которые нужно внимательно и пристально изучать. В частности, наблюдается наглядный разрыв между дисциплинарной организацией академии и реальными когнитивными фреймами, в которых осуществляются исследования. Дисциплины во многом редуцированы до институциональных форм, таких как кафедры или факультеты, и уже не обеспечивают когнитивного или методологического единства. Подчас их сложно рассматривать как «мыслительные коллективы» в понимании Л. Флека, разделяющие общий стиль мышления. В отличие от дисциплин, сильные исследовательские программы (в духе И. Лакатоса) могут выступать как реальный драйвер научного мышления. Эти программы опираются на ядро базовых понятий и допущений и способны распространяться на некоторое множество дисциплин. Примером может служить когнитивизм, который формирует основание для целого ряда дисциплин: психологии, лингвистики, нейронаук, антропологии и т. д. При этом взаимодействие между представителями этих направлений часто оказывается продуктивнее, чем внутри их дисциплинарных сообществ. Например, сотрудничество и взаимопонимание между когнитивными лингвистами и нейропсихологами оказывается глубже, чем между лингвистами разных школ.

Сходным образом работают и сильные теории, формирующие вокруг себя интердисциплинарные коалиции. Так, акторно-сетевая теория (ANT), возникшая в рамках исследований науки и технологий (STS), вышла далеко за пределы этой области и тем более социологии как дисциплины. Она активно используется в анализе городской среды, транспортных сетей, образования, цифровых технологий и т.п. Отказ от антропоцентризма и специфическое понимание социальности придали ее языку ту универсальность, которая позволяет описывать гетерогенные сети человеческих и нечеловеческих агентов и отношения внутри них без жесткой привязки к традиционным гуманитарным концептам типа интенциональности, смысла и т.д. Эта теория стала своеобразной эпистемологической точкой сборки для исследователей из разных областей. Похожим примером может служить концепция распределенного познания (*Hutchins* 1995), активно востребованная сегодня в исследованиях организаций, антропологии, исследованиях науки и технологий. Схожую роль играют так называемые «повороты» в общем интеллектуальном пространстве, фиксирующие эпистемологические и тематические сдвиги и концентрирующие вокруг себя важнейшие теоретические дебаты. Материальный поворот, нейроповорот, атмосферный поворот формируют новые исследовательские чувствительности, открывая возможности для переосмысления как традиционных объектов исследования, так и методов их анализа.

Однако роль теории в исследовательской деятельности остается в целом проблемной зоной для отечественных исследователей, о чем можно судить, проведя даже поверхностный анализ публикаций в не самых высокорейтинговых журналах. Часто теория воспринимается как факультативный ресурс, а не как инструмент анализа и осмысления. Можно идентифицировать весьма распространенный тип дискурса, в котором удивительным образом перемешаны концепты различных теорий (порой несовместимых) и элементы естественного языка. Учítывая тот факт, что в социальных науках многие концепты дублируют слова повседневной речи (например, судьба, желание и т.п.), это приобретает критическое значение. Такой всеядный и диффузный «стиль» предельно не чувствителен к строгим различиям, которые по идее должна осуществлять теория. Авторы как будто не замечают методологической несовместимости, противоречивости и непроясненности концептов, которые они нагромождают в текстах. Это не столько сознательный отказ от универсального языка, как в случае с программой Дж. Ло, и не «пиджин» П. Галисона, сколько следствие концептуальной наивности и небрежного отношения к теории в исследовании. Тем более сложно обнаружить какую-либо рефлекссию условий возможности собственного знания, а именно анализа используемых эпистемологических режимов или содержания основообразующих гносеологических концептов, например, причинности, контингентности и т.п.

Отсутствие связи между постулируемой теорией (если она вообще формулируется) и эмпирическими данными остается одной из наиболее острых проблем. В большинстве публикаций эпистемологические модусы трудно уловимы и практически не поддаются реконструкции: зачастую невозможно определить, работает ли исследователь в реалистическом или интерпретативном режиме. Теоретические конструкции оказываются изолированными от эмпирического материала, а результаты анализа оторваны от объяснительного механизма, предлагаемого в рамках базовой концептуализации. Особенно заметны пробелы на уровне операционализации: между теоретическими

Соколовский С.В., Бугоевская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

понятиями и оперантами часто отсутствует какая-либо системная связь. Даже в рамках индуктивной логики, например, при использовании метода обоснованной теории, конечные классификации нередко представляют собой набор разрозненных категорий, которые авторы либо не стремятся, либо не способны преобразовать в связный концептуальный продукт. Отсутствие теории как на входе, так и на выходе исследования становится нормой в практиках академической работы.

Заметным исключением являются небольшие исследовательские сообщества, отличающиеся высокой внутренней согласованностью и строгостью теоретического аппарата. Примерами могут служить группы, работающие в области философии сознания или этнометодологии. Они легко узнаваемы по специфическому языку, характерному стилю аргументации и узкому, но глубоко проработанному кругу проблем. Подобная «сектантская» замкнутость может вызывать скепсис, однако именно она обеспечивает интеллектуальную плотность, теоретическую консистентность и устойчивую идентичность таких мыслительных коллективов.

Работая на пересечении дисциплин, я неизбежно сталкиваюсь с проблематикой междисциплинарности. В современном академическом дискурсе она провозглашается не только как методологическая необходимость, но и как самостоятельная ценность, значимая даже вне зависимости от конкретных практических результатов. Однако между декларацией междисциплинарности и ее реальным осуществлением пролегает существенная дистанция. Симулировать междисциплинарный подход относительно несложно; напротив, проведение подлинного междисциплинарного исследования представляет собой исключительную методологическую и организационную задачу. Приведение языков различных теоретических традиций к хотя бы относительной соразмерности и взаимной переводимости требует значительных когнитивных и коммуникативных усилий. Не менее сложно наладить взаимодействие между представителями различных эпистемических культур. Как правило, расхождения между ними проявляются уже на базовом уровне: в понимании того, что считать данными, какие формы аргументации допустимы и убедительны, какие процедуры верификации знания считаются легитимными и т. д.

Собственная исследовательская практика подсказывает, что наименее конфликтными и наиболее продуктивными стратегиями в таких условиях оказываются эпистемические интервенции и экспансии, осуществляемые через заимствование теоретических концептов и их трансфер на новые предметные области. Так, инструменты когнитивной психологии могут быть успешно применены для анализа деятельности фирм, а акторно-сетевая теория для описания процессов в сфере образования.

Таким образом, исследовательское поле, в котором я действую, предстает как пространство пересечений, гибридных форм и временных коалиций. В условиях методологической и эпистемологической фрагментированности особую значимость приобретает рефлексивное отношение как к основаниям собственного мышления, так и к анализируемым практикам. Лишь через постоянное возвращение к этим основаниям становится возможным осознание собственного положения в этом сложном и динамичном научном ландшафте.

А.Н. Ямсков

О смене научных парадигм в этнологии и этноэкологии

Рукопись статьи С.В. Соколовского и его доклад на Теоретическом семинаре в ИЭА РАН 4.03.2025 г. представляют глубоко проработанную и опирающуюся на обширный обзор литературы систему взглядов, что дает хороший повод для обмена мнениями.

Вначале выскажу несколько замечаний общего характера, обусловленных формулировками С.В. Соколовского и относящихся к этнологии (социально-культурной антропологии) в целом, а потом попытаюсь кратко ответить на ряд вопросов организаторов дискуссии, опираясь на опыт исследований и преподавания в области этнической экологии.

Мое видение обсуждаемых проблем сложилось на основе исследований в сфере этноэкологии, начатых с 1982 г. в аспирантуре Института этнографии АН СССР под руководством профессора В.И. Козлова, а также преподавания по совместительству в 1997–2014 гг. на географическом факультете (с 2010 г. — в Институте естественных наук) Московского городского педагогического университета, где я читал нормативный курс «Социальная экология и этноэкология» и ряд других экологических курсов. Преподавание в вузе, как известно, неминуемо заставляет часто обращаться к теоретическим обобщениям. Стоит отметить и мою естественнонаучную подготовку — в 1974–1980 гг. я учился на географическом факультете МГУ и в 1980–1982 гг. работал там как физико-географ, специализировавшийся на изучении сельскохозяйственных ландшафтов Южной Азии.

Итак, вначале пара замечаний по тексту обсуждаемой статьи (Соколовский 2025б). Во-первых, трудно согласиться с тезисом, что якобы «...единство антропологии как дисциплины обеспечивается исключительно *институциональными усилиями и инерцией* сложившегося разделения труда, поскольку между многими ее специализациями... не остается никаких объединяющих скреп и сходств» (Соколовский 2025б: 6). Это полемическое преувеличение или реакция на реальное «расползание» антропологических субдисциплин в разные стороны в направлении иных наук и свертывание контактов между многими из этих по преимуществу антропологических по происхождению и ведущей тематике специализаций (см., например: Феномен междисциплинарности 2016). Более обоснована иная позиция — социально-культурная антропология, или этнология, демонстрирует свое единство тем, что как отдельная дисциплина (самостоятельная наука) она изучает стихийно возникающие культурные особенности разных сообществ людей, в том числе появление у них культурного своеобразия, и тенденции развития культурных различий с соседними сообществами, процессы осознания указанных культурных отличий их носителями и то, как такое осознание культурного своеобразия своей группы влияет на отношения с людьми внутри и вне данного сообщества. Поэтому любая возникшая в рамках социально-культурной антропологии (этнологии) субдисциплина остается антропологической (этнологической), пока основное внимание уделяет именно культурным характеристикам и в том числе культурным отличиям изучаемой группы людей. По этой причине этноэкология, например, несмотря на свой междисциплинарный характер, остается частью

Соколовский С.В., Бугоевская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

этнологии, ведь ее главный предмет изучения — та часть культуры местного сообщества, которая является механизмом или результатом культурной адаптации к условиям окружающей среды.

Кроме того, при всем оправданно критическом отношении к ставшему проблематичным единству культурно-антропологических (этнологических) знаний, объем которых вырос до огромных масштабов и которые при этом распались на слишком многие не связанные друг с другом области, не стоит переоценивать единство других общепризнанных наук. Вспоминая давние годы учебы и работы на географическом факультете МГУ или профессиональные контакты с коллегами-географами во время преподавания в МГПУ, а также недавнее сотрудничество с географами при подготовке публикаций по традиционному природопользованию народов Севера, топонимии Закавказья или культурно-географическому районированию и культурным ландшафтам, я могу напомнить, что на протяжении уже целого столетия единство географии тоже многими и часто ставилось под сомнение. Но тем не менее география, включающая в себя физическую географию и социально-экономическую географию, каждая из которых в свою очередь распалась на многие практически не связанные друг с другом научные направления или субдисциплины, остается признанной отдельной наукой во всем мире, судя по структуре научных баз данных о публикациях или цитируемости. В физике, например, где одни занимаются элементарными частицами или ядерной физикой, а другие — физикой атмосферы либо гидродинамикой, тоже давно уже нет реального взаимодействия или даже взаимопонимания между специалистами из разных субдисциплин. То же самое можно сказать и о биологии. Так что в этом плане социально-культурная антропология (этнология) вовсе не является ныне наукой, уникально сложной или разнообразной по своим направлениям и методам исследований.

Кстати говоря, отечественная культурология представляется искусственным конструктом, но не вследствие излишнего разнообразия или малой связанности исследуемых тем, а потому, что при изучении традиционной или современной бытовой/повседневной культуры она дублирует социально-культурную антропологию, а при изучении профессиональной культуры — повторяет различные направления искусствоведения.

Во-вторых, не втягиваясь в дискуссию о выбранных С.В. Соколовским оценочных характеристиках бытовавших в этнографии позднего СССР версий «теории этноса» Ю.В. Бромлея как «нечто вроде квазипарадигмы» и Л.Н. Гумилева как «псевдопарадигмы», хочу обратить внимание на как минимум спорность определения этих концепций как тех или иных «почти парадигм», пусть и не вполне соответствующих этому статусу в силу их внутренних недостатков (Соколовский 2025б: 14, 15). Получается, что в случае большей проработанности они могли бы стать парадигмами. Это же утверждение о них как о парадигмах прозвучало и в докладе. Но ведь С.В. Соколовский обоснованно согласился с выданным «искусственным интеллектом» DeepSeek определением в качестве «парадигм» и таких фигурирующих во всех учебниках теоретико-методологических направлений социально-культурной антропологии, как эволюционизм, функционализм, структурализм, постмодернизм и т.п., подчеркнув междисциплинарный характер многих из них (Соколовский 2025б: 8–10).

В связи с этим повторяю заданный мною на семинаре критический вопрос: давайте задумаемся, а разве это соразмерные или одномасштабные явления, теория этноса Ю.В. Бромлея и, например, функционализм или эволюционизм? Как же можно одновременно характеризовать в качестве культурно-антропологической «парадигмы» или «почти парадигмы» столь разномасштабные явления? Конечно, С.В. Соколовский прав, указав на нестрогий и скорее конвенциональный характер понятия «научная парадигма», используемого в исследованиях некоторых ученых-антропологов (Соколовский 2025б: 8), но все же в рамках одной научной работы хотелось бы видеть более выверенный подход к профильной для этого текста терминологии. Впрочем, это пожелание — лишь риторическое выражение, так как С.В. Соколовский в недавней работе убедительно объяснил, что и почему стоит считать «парадигмой» в социально-культурной антропологии, обоснованно приведя в пример явления такого масштаба, как «диффузионизм, эволюционизм, бихевиоризм и прочие подобные подходы...» (Соколовский 2025а: 113).

По своему определению научная парадигма — явление очень высокой степени обобщения. Поэтому в поздней советской этнографии действительно была господствовавшая парадигма, которую можно назвать как «теорией этноса», так и каким-то иным, но схожим образом. Именно она определяла в те годы приоритетную тематику исследований для всех, кто хотел подняться к теоретическим обобщениям от непосредственного сбора и интерпретации этнографических фактов. Именно та парадигма, подразумевавшая, что предмет этнографии — этнос с его культурными особенностями, диктовала необходимость или желательность поиска «этнической составляющей» во всех исследуемых культурных явлениях и процессах, привязку тех или иных наблюдений и выводов о культурных особенностях изучаемого сообщества людей к той или иной «этнической традиции» и вообще интерпретацию практически всех этнографических и исторических данных через дискурс об «этнотесе» и «этническом».

Главная отличительная черта любой научной парадигмы в том, что прежде всего она определяет основную задачу науки на данном этапе ее развития, то есть что или с какой целью следует изучать (например, в этнографии позднего СССР — этносы, для определения их этнического и культурного своеобразия). Но при этом у представителей разных методологических направлений методы исследования могут различаться, так что одна научная парадигма может существовать сразу в нескольких соперничающих вариантах, лишь один из которых в итоге становится приоритетным или который постфактум можно посчитать доминировавшим в указанный период времени. Поэтому я бы обозначил как весьма спорное заключение С.В. Соколовского о том, что такое «мультипарадигмальность» в рамках научной дисциплины и о чем она свидетельствует, ибо он необоснованно принимает разные соперничающие версии одной парадигмы за различные парадигмы (Соколовский 2025б: 10).

Так, различными версиями общей для позднесоветской этнографии, условно говоря, «этнической парадигмы» стали как «теория этноса» Ю.В. Бромлея, в силу своей проработанности и статуса ее основного создателя успешно претендовавшая на относительный теоретический приоритет в науке тех лет, так и альтернативные взгляды на то, что же такое «этнос» и, что главное, как его изучать. Причем к последним относятся не только псевдонаучные

построения Л.Н. Гумилева о природе этноса, но и очень интересная и обоснованная «информационная теория этноса» С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова, своеобразные построения В.В. Пименова с его индивидами-«этнофорами» и «компонентной теорией этноса», и наработки ряда других ученых (подробнее об этом см.: *Алымов 2022*). Стоит упомянуть и методологически важную работу В.П. Алексеева о том, как формировались этнические сообщества (*Алексеев 1986*).

Произошедшая в постсоветский период в отечественной этнологии стихийная отмена этой ведущей парадигмы выразилась в том, что «теория этноса» в различных своих вариациях перестала активно использоваться для интерпретации полученных выводов, оставшись лишь предметом историографических исследований ряда специалистов (С.С. Алымов, Б.Е. Винер, С.В. Соколовский, В.А. Тишков и др.). Правда, к началу нашего века в отечественной этнологии (социально-культурной антропологии) произошла не смена господствующей парадигмы, а скорее отказ от парадигм, но это уже другой разговор. Кстати говоря, в другой публикации С.В. Соколовский недавно справедливо охарактеризовал это состояние нашей дисциплины как «постпарадигматическое» (*Соколовский 2025а: 114*).

Остановимся теперь на некоторых темах, обозначенных в приложении «Вопросы к обсуждению» из письма С.С. Алымова от 21.02.2025 г. о данной дискуссии.

Сохранив нумерацию заданных организаторами тем/вопросов, я позволил себе несколько переформулировать и дать в виде подзаголовков названия обсуждаемых ниже сюжетов, заметно при этом сузив их тематики по сравнению с заявленными в вопроснике.

1. Парадигмы в исследованиях взаимоотношений общества и природы

Этническая экология возникла благодаря усилиям В.И. Козлова и ряда других ведущих ученых Института этнографии АН СССР в начале 1980-х годов (*Козлов 1983*; см. подробнее: *Ямсков 2013*). Она сформировалась в условиях господства экологической, или экосистемной, парадигмы в науках, обращающихся к проблеме взаимодействия общества и географической среды, то есть в географии, экологии, археологии, этнографии, а также истории. Вплоть до середины XX в. в этой сфере господствовала парадигма географического POSSIBILISMA, пришедшего в конце XIX в. на смену первой научной парадигме о взаимоотношениях общества и природы — географическому детерминизму. Американский ученый М. Фрейlich обоснованно приравнял смену указанных парадигм в культурной антропологии к развитию теоретической мысли точно по гегелевской триаде: тезис — геодетерминизм, антитезис — геопOSSIBILISMA, синтез — экологический подход. Но он не применял термин «парадигма», а писал просто о географическом детерминизме, географическом POSSIBILISMA и экологическом подходе (*Freilich 1967: 40*).

Эта эволюция научных взглядов была довольно подробно описана нами ранее, но тоже без использования термина «парадигма» (*Козлов, Ямсков 1989: 90–93*). Однако, начав преподавательскую деятельность, я написал в програм-

ме курса, читавшегося в МГПУ с весны 1997 г.: «Эволюция научных парадигм о взаимоотношениях общества и природы: географический детерминизм, географический поппозитизм и экологическая парадигма <...> отличительные черты исследовательских задач и научных приоритетов в рамках геодетерминизма, геопозитизма, антропоэкологии» (Ямсков 1999: 110). Такие же подход и терминология лежат в основе лекции для аспирантов ИЭА РАН, читаемой мною с 2009 г. по теме «Отечественная этноэкология и аналоги в англоязычной науке: история развития и основные задачи».

Наиболее компактно эта последовательная смена и суть указанных выше научных парадигм были описаны в 2011 г. — вот ниже обширная цитата:

«Географический детерминизм господствовал в XVII — второй половине XIX в. Он был основан на представлениях о том, что природные условия и ресурсы территории предопределяют индивидуальные физические и психологические качества человека, родившегося и выросшего в данной местности, а как следствие — также уровень экономического развития и социально-культурные особенности соответствующего общества. Отказ от геодетерминизма произошел, во-первых, вследствие накопления и осмысления многочисленных фактов того, что в переселенческих колониях резкие различия в образе жизни и хозяйстве между европейскими поселенцами и аборигенами, живущими в одних и тех же физико-географических условиях, сохраняются столетиями. Во-вторых, в середине — второй половине XIX в. в науку пришло понимание того, настолько существенной и давней является антропогенная трансформация «природных ландшафтов» большинства староосвоенных территорий, так что это поставило под вопрос саму «природность» или «естественность» таких ландшафтов.

Географический поппозитизм преобладал в самом конце XIX — середине XX вв. Это был взгляд на природу как на сугубо пассивный фундамент, предоставляющий либо ограничивающий (через действие лимитирующих факторов природной среды) возможности для появления тех или иных явлений культуры, социальных институтов и т. п., реальное существование и облик либо отсутствие которых в конкретном обществе объяснялись уже только действием социально-исторических факторов. Геопозитизм породил веру в то, что по мере развития науки и техники якобы увеличивается господство человека над природой и все более ослабевают зависимость и вообще связи общества с географической средой. Отказ от него произошел в основном из-за накопления сведений о серьезном негативном влиянии на человека и общество химического загрязнения и других форм антропогенной деградации окружающей среды.

Экологическая (экосистемная) парадигма превалирует в мире со второй половины — конца XX в. и представляет собой синтез достижений геодетерминизма и геопозитизма при отказе от односторонности каждой из предшествовавших научных парадигм. Эти современные взгляды означают признание взаимодействия (взаимовлияния) общества и природы и их взаимообусловленного исторического развития (ко-эволюции) как элементов единого системно организованного мира. Именно поэтому в рамках экосистемной парадигмы центральное место занимает понятие «антропоэкосистема» (и производные от нее — «human ecosystem» в экологической антропологии,

Соколовский С.В., Бугорская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

«этноэкосистема» в отечественной этноэкологии) как модель мироустройства и объект исследований. Так, например, именно на представлении о мире как о единой и целостной системе, структуру которой в первом приближении составляют общество (население), природа (географическая среда) и хозяйство (экономика), основана концепция устойчивого развития, превращающаяся ныне в новую идеологию» (Ямсков 2011: 41–42).

2. Науки естественные и социальные и гуманитарные знания

Представленная в вопросе точка зрения, объединяющая социальные науки (в том числе социально-культурную антропологию или этнологию) с гуманитарным знанием (история, философия, культурология и т.п.), кажется мне необоснованной. Рациональнее воспринимать человеческие знания как в том числе совокупность науки (естественных наук и социальных наук) и гуманитарного знания, проводя основное разделение именно таким образом, то есть между науками и гуманитаристикой.

В пользу такого подхода свидетельствует, во-первых, ряд комплексных наук, включающих естественнонаучную и социально-научную составляющие (например, география с ее физико-географической и общественно-географической ветвями, или демография с ее медико-демографическим компонентом). Это доказывает возможность и плодотворность синтеза естественнонаучных и социально-научных методов исследований и фактов. То, что в России обычно называют «экологией», и что стоило бы точнее именовать «науками об окружающей среде» (*environmental sciences*), тоже синтезирует естественнонаучные и социально-научные исследовательские методы и факты.

Во-вторых, данный вывод подтверждает структура ведущей мировой научной базы данных «Web of Science». Вспомним, например, отмеченный мною в 2011 г. казус с ошибочной попыткой тех, кто руководил тогда отечественной этнологией и неправоммерно не разделял социальные науки и гуманитарное знание, попросить коллег найти ссылки на их работы в высланной им сводке «Arts and Humanities» («Искусствоведение и гуманитарные знания», где практически нет журналов по антропологии), а не в сводке «Social Sciences» («социальные науки»), содержащей все основные журналы по антропологии и этнологии (Антропология и социология 2012: 152–153).

3. Теоретические аспекты этноэкологии

В теоретическом основании этнической экологии имплицитно присутствует междисциплинарная экологическая (экосистемная) парадигма, о которой кратко сказано выше, в конце ответа на вопрос № 1.

На собственном субдисциплинарном уровне этнической экологии ее основными теоретическими концепциями являются следующие: культурная адаптация и жизнеобеспечение (последняя концепция отчасти дополняет первую, отчасти тематически ее перекрывает и тем самым соперничает с ней), этноэкосистема и хозяйственно-культурный тип (ХКТ) как обобщенная характеристика множества однотипных этноэкосистем, причем концепция ХКТ является лишь частью общей для всей этнологии объединенной концепции

хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей (Ямсков 2013: 51–54, 56). Все эти концепции отражают, пользуясь языком организаторов дискуссии, постулируемые идеальные феномены, лишь часть важных характеристик или определяющих свойств которых можно, или было можно в прошлом, наблюдать в ходе полевых исследований. Все они, то есть типы или формы культурной адаптации, системы жизнеобеспечения, типы этноэкосистем, ХКТ, могут быть как классифицированы (разделены исследователем на классы и иные обобщающие или подчиненные таксоны по различным существенным признакам), так и типологизированы (соотнесены по своим определяющим признакам с идеальными иерархически организованными типами или моделями, разработанными исследователем).

4. Консенсус в современной этноэкологии

Консенсус в современной этноэкологии распространяется, на мой взгляд, на основные историографические и понятийно-терминологические сюжеты. Например, общепризнаны роль В.И. Козлова как создателя отечественной этнической экологии, вклад В.П. Алексеева в разработку концепции «антропогеоценоза» и И.И. Крупника в ее доработку и превращение в концепцию «этноэкосистемы», решающее значение работ С.А. Арутюнова для разработки проблем культурной адаптации и материального жизнеобеспечения (Ямсков 2013: 52–54). Также принята точка зрения, что американская «экологическая антропология» и «культурная экология» как ее составляющая и первый этап развития с особой методологией являются аналогом отечественной «этнической экологии» по задачам и основным методам исследований (Козлов, Ямсков 1989; Ямсков 2011). Вместе с тем, концепция «жизнеобеспечения» получила минимум три принципиально разные трактовки, восходящих к работам С.А. Арутюнова, В.И. Козлова и И.И. Крупника, причем первые две распространены весьма широко и явно конкурируют друг с другом до сего дня (Ямсков 2009).

5. Научные идеологии и политические идеологии в сфере этноэкологии и в смежных областях

Политико-идеологическая составляющая в этноэкологических или близких по тематике исследованиях невелика, так что обычно не приходится говорить о роли государства или политической власти в этой сфере. Но научные идеологии, в том числе ложные, здесь тоже присутствовали, причем временами в весьма значительной мере.

Например, ошибочные представления, идеализирующие коренные народы как людей, якобы всегда любящих и берегущих природу и всё живое вокруг себя, в начале — середине 1990-х годов довольно массово проникали в этнографические исследования хозяйства и природопользования малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Но их распространяли именно заблуждавшиеся ученые-этнографы или активисты-общественники. Проблема оценки реальной степени «экологичности» традиционных культур коренных народов Сибири и Крайнего Севера и факторов, ее определяющих, получила адекватное освещение в одной из недавних работ (Адаев 2017).

На рубеже 1980-х — 1990-х годов имели место частые попытки привести идеи Л.Н. Гумилева об этносе в этнографические и этноэкологические

Соколовский С.В., Буговская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

исследования проблем взаимодействия общества и географической среды, но потом они, по сути, сошли на нет и в наши дни практически не встречаются. Опять-таки, это была проблема, обусловленная деятельностью ряда поклонников Л.Н. Гумилева из среды научных работников, то есть проявление «научной идеологии», если таковой термин применим к подобным идеям.

С.В. Соколовский

Незримые колледжи и дисциплинарное ядро: о проблемах развития антропологического знания в постантропоцентристской перспективе

Я благодарю своих коллег, поддержавших идею обсуждения особенностей антропологического знания и современной ситуации в антропологии и призвавших свои комментарии. Признаюсь, что на участие в столь рискованном предприятии, как дискуссия о теориях в антропологии, меня подвиг более практичный замысел — давно чаемая, но пока не реализованная попытка картографирования антропологического знания в его персональной, тематической и методологической составляющих как совокупности специализированных и актуальных (в отношении научной новизны) *исследовательских областей* с их лидерами, методами, концепциями и новыми идеями — всем тем, что способно определить развитие антропологии на перспективу в одно—два поколения. По моей оценке, этот амбициозный проект благодаря развитию библиометрических баз и новых методов анализа больших данных сегодня может быть реализован даже сравнительно небольшим коллективом единомышленников. Число антропологических специализаций постоянно растёт, но пока исчисляется десятками, а не сотнями. Ситуации в разных национальных традициях здесь сильно отличаются, как и число университетов, готовящих антропологов, и численность национальных сообществ. В России, например, если ввести критерии успешно институализированной области, где число исследователей и количество публикаций превышает, например, пятьдесят в первом случае и сто пятьдесят во втором, таких направлений окажется на сегодняшний день чуть более двадцати. В случае США, где численность практикующих антропологов двадцатикратно превышает число их российских коллег, ожидаемо больше оказывается и наличных специализаций. Некоторое представление об их количестве можно получить, взглянув на перечень союзов и групп в рамках Американской антропологической ассоциации, а также при анализе политики американских антропологических журналов, число которых тоже кратно превышает число российских журналов, публикующих статьи антропологов. Однако даже в случае столь крупных профессиональных сообществ картография связей и влияний в рамках отдельных направлений, как и обзор в рамках дисциплины в целом, остаются посильными задачами. Если же целью такого обзора становится выявление прорывных направлений и теорий, или точек роста нового знания, то число научных областей и вовлечённых в них исследователей резко сокращается.

Попытки картографирования различных научных областей и специализаций, разумеется, предпринимались и ранее, однако касались они по преимуществу естественных наук. Широко известна, например, книга американского

социолога Дианы Крэйн «Невидимые колледжи» (Crane 1972). Книга была столь популярна среди историков науки, что некоторые ее комментаторы даже приписывали Крэйн авторство термина, однако известно, что она его заимствовала у своего непосредственного предшественника — британского физика и историка науки Дерека де Солла Прайса (Price 1963), которого благодарит во введении к своей книге, а тот, в свою очередь, обязан термином знакомому нам со школьных лет британскому физику и химику Роберту Бойлю (1627–1691), соавтору закона Бойля-Мариотта и члену оксфордского научного общества — предшественника Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (в его оксфордский период известного как *Invisible College*). Популярность исследования Крэйн, однако, вполне обоснованна, поскольку именно ее работа обратила внимание историков науки на неинституциональные связи между учеными и на роль этих связей в развитии научного знания. Сотрудничавший с основателем наукометрии Юджином Гарфилдом (1925–2017) Прайс и опиравшаяся на работы Прайса и достижения тогдашней наукометрии Крэйн уже в тот период использовали для анализа неформальных связей среди исследователей, в дополнение к анкетированию и интервью, статистику цитирований, хотя тогда еще не было столь обширных баз данных, которыми располагает сегодняшний историк науки.

Именно в контексте такого картографического проекта я предложил сотрудничество моим коллегам, инициировав сначала тематический форум (результаты этого опроса опубликованы в выпуске Антропологического форума № 64 см: Форум 2025), а затем и этот опрос (с несколько иным набором тем, обозначенных в разосланных участникам дискуссии вопросах), результаты которого отражены в публикуемых в этом выпуске материалах. Присланные участниками дискуссии ответы, комментарии и размышления представляют собой своего рода коллективный зондаж состояния разных антропологических субдисциплин и направлений и безусловно помогают в реализации задуманного. Руководствуясь соображениями объема этой финальной реплики, я воздержусь от комментирования всех, пусть весьма интересных соображений, ограничившись ответами на замечания и по возможности кратким комментарием к развивающим общую тему обсуждения тезисам моих оппонентов. К этой задаче я теперь и перехожу, представляя мои ответы в том порядке, в котором поступили реплики участников дискуссии.

Начну с того, что я не могу согласиться с некоторыми утверждениями моего уважаемого оппонента **Бориса Винера**, например, с его тезисом, что «пока искусственный интеллект не умеет принимать во внимание существование в языке полисемии, синонимии, метафор и т. п.». Говорить, что ИИ не справляется с полисемией, синонимией и метафорикой (или, как утверждала в устной дискуссии мой другой оппонент — М. Л. Бутовская, что ИИ не может обнаруживать при ответе на запрос об онтологическом повороте тексты, имеющие к теме прямое отношение, но не содержащие данного терминосочетания), значит приравнять ИИ к поисковым алгоритмам обычных браузеров и игнорировать особенности *алгоритмов глубокого обучения*, используемых при тренировке и в работе рекуррентных нейросетей. Эти проблемы успешно решены, а описание решений представлено теперь даже на популярных сайтах типа Википедии столь доходчиво, что нет необходимости приводить его здесь (читателю достаточно самому попробовать сделать несколько запросов на генеративных моделях ИИ типа *DeepSeek*, *ChatGPT 4*, или *OpenAI o1*).

Помимо этого, мой оппонент с избыточным оптимизмом полагает, что «автор статьи опирается на знания, которые в социологии были поставлены под сомнение еще несколько десятков лет назад», и что я основываю свои рассуждения исключительно на работах Куна, игнорируя как наработки социологов более позднего времени, так и состояние дисциплин за рамками антропологии. Это не так, но доклад о структуре знаний в современной антропологии вряд ли предоставляет возможность обзора состояния этих знаний в других науках, или даже сколько-нибудь обстоятельного обзора по историографии философии и истории науки, но я должен уверить моего критика, что стараюсь следить за современной литературой в этих областях и знаком не только с упомянутым им переводом пятого стереотипного издания руководства Джона Ритцера, но и с новым уже десятым дополненным изданием, написанным вместе с Джеффри Степниски, из которого, впрочем, приложение о парадигмах в социологии вполне симптоматично было исключено по той простой причине, что особой ясности или консенсуса относительно содержания понятия парадигма по сравнению с предложенным Куном во втором издании его «Структуры научных революций» ни в социологии, ни в философии науки не возникло (в данном конкретном отношении знания, полученные «в социологии несколько десятков лет назад», пусть и поставленные в ней под сомнение, существенно уточнены все-таки не были, в чем легко убедиться, познакомившись с фундаментальной обзорной работой по наследию Куна: *Devlin, Bokulich* 2015). Винер сам вполне справедливо указывает на терминологическую пестроту и отсутствие консенсуса среди социологов относительно таких понятий как подход, перспектива, макротеория и т. п. Цитируемый им Маттеи Доган тоже не идет дальше воспроизведения утверждения Куна о предпарадигмальном статусе социальных наук с его основным механизмом прогресса — компенсирующим отсутствие консенсуса кумулятивным накоплением знаний и их передачей в черед поколений (*Dogan* 2001: 11025). Кстати, в контексте данной дискуссии значительно больший интерес представляет другая работа этого автора, в которой *дисциплины* противопоставляются *специализациям* (*Dogan* 2010), однако она требует большего внимания, нежели моя реплика на замечание. Что касается позиции Ритцера относительно наличия трех господствующих в социологии парадигм, а именно — парадигмы *социальных фактов*, *социального определения* и *социального поведения* (*Ритцер* 2002: 571–572), то его обоснование наличия именно этих подходов, в особенности в части приписывания им типичных методов (анкетирование, наблюдение и эксперимент соответственно) остается чрезвычайно условным и плохо соответствует реальности, если иметь в виду не социологию времен Дюркгейма, Вебера и Скиннера, а ее современную ситуацию. К тому же понятие *социального*, как продемонстрировал Латур в ряде своих работ (*Латур* 2006: 199–222; 2014: 140–149), одновременно дефицитно и тавтологично. Впрочем, примерно так же используется понятие культуры в антропологии. Нужно отдать должное Ритцеру и его соавтору, которые в обновленном издании «Социологических теорий» признали, что акторно-сетевая теория «является одним из лучших примеров того, как исследования науки привели к переосмыслению социальной теории» и (со ссылкой на Латура) что «наиболее значительной идеей является та, что общество состоит не только из человеческих акторов» (*Ritzer, Stepnisky* 2018: 818). И мой собеседник, вероятно, по оплошности указал, что сотрудники ЦНСИ предпочитали количественные методы — на самом деле они с самого начала своих исследований сотрудничали с антропологами и опирались исключительно на качественные методы, предпочитая длительные полевые исследования.

В реплике **Анатолия Ямскова** содержится утверждение, что «любая возникшая в рамках социально-культурной антропологии (этнологии) субдисциплина остается антропологической (этнологической), пока основное внимание уделяет именно *культурным характеристикам* и в том числе *культурным отличиям* изучаемой группы людей» (курсив добавлен). Должен заметить, что то, что кажется справедливым для этнологии, совершенно неверно для многих направлений (социально-культурной) антропологии, однако даже этнологи отнюдь не всегда изучают культурные отличия как отличия этнические (пример: исследование профессиональных и досуговых субкультур в рамках городской антропологии). Если же говорить об антропологии, то в ней есть значительное число направлений и специализаций, в предметы которых ни этнические, ни культурные различия либо вовсе не попадают, либо не являются в них сколько-нибудь значимыми аспектами исследования, как, например, в классической этнографии лабораторной жизни Бруно Латура и Стивена Вулгара (*Latour, Woolgar* 1979), или в изучении американскими антропологами Стефаном Хельмрайхом работы морских микробиологов (*Helmreich* 2009), Эдвином Хатчинзом работы команды военного судна (*Hutchins* 1995) и Анной Лёвенхаупт Цзин — транснациональных сетей сборщиков и потребителей грибов мацутакэ (*Tsing* 2021). Видимо, уважаемый оппонент, оспаривая мое утверждение, что единство антропологии как дисциплины обеспечивается сегодня исключительно институциональными усилиями и инерцией сложившегося разделения научного труда, имел в виду только случай российской этнологии, забывая о том, что у нас есть и социально-культурная антропология, которая развивается уже более четверти века. Но даже если забыть, например о техноантропологии, или т.н. мультивидовой этнографии, в которых этнокультурные различия оказываются вне исследовательского фокуса, то и в случае *этнологии* нельзя игнорировать хорошо документированное разделение на два больших лагеря, условно говоря — «этнополитологов» и «фольклористов», подтвержденное анализом большого массива статей и цитирований. Представители этих сообществ не цитируют друг друга и во многих случаях не читают работ коллег из соседнего лагеря (подробнее см.: *Соколовский* 2014: 174–175, табл. 6), так что есть все основания говорить о двух дисциплинах под одним институциональным зонтом — как раз та ситуация, на которую я и указывал в докладе. К тому же упрек в «переоценке единства других наук» мною не заслужен: я не только не рассуждал о единстве или его отсутствии в других дисциплинах, но и в данном случае вполне согласен с утверждением моего оппонента, что многие науки (не только география, но и например, социология, или психология) находятся в данном отношении еще в более критичном положении, нежели антропология. Однако вместо отрицания факта раздробленности таких наук на множество дисциплин и направлений при сохранении ими общего наименования, как это, кажется, склонен делать мой оппонент, я указываю на механизм сохранения некоторой связности между ними: функционирование традиционных институтов в сфере образования и науки с их разделением труда, не поспевающим за дифференциацией научного знания.

Что касается другого замечания Ямскова относительно близости к парадигматическим структурам бытовавших в советский период «теорий этноса», то я не стану повторять здесь свои соображения об отличиях парадигм от научных идеологий, поскольку уже излагал их в другой публикации (*Соколовский* 2025a). Замечу лишь, что вряд ли возможно сближать концепции,

Соколовский С.В., Буговская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Скорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

вырастающие на разных онтологических предпосылках, лишь на том основании, что в них использовался общий термин. Обозначаемые этим термином понятия имели совершенно разное содержание (совокупность межпоколенных инфосвязей в одном случае, исторические лингвокультурные общности — в другом и управляемые космическими энергиями квазиорганизмы — в третьем), а если сохранять какое-то содержание за предложенным Куном понятием парадигмы, то теоретические представления ее носителей характеризуется консенсусом, что и позволяет говорить о столкновении парадигм и их борьбе и смене, то есть о научных революциях. Кун, кстати, не пишет о «единстве цели» как характеристике парадигмы (зато он подчеркивает, что «исследование в нормальной науке направлено на разработку тех теорий, существование которых парадигма *заведомо предполагает* — Кун 1977: 46; курсив добавлен). Мой оппонент предлагает собственную трактовку этого понятия, и именно на ее основе оспаривает мой вывод о мультипарадигмальности антропологии. Позволю себе также еще одно небольшое уточнение: я вовсе не безусловно наделяю диффузионизм, эволюционизм, бихевиоризм и прочие аналогичные подходы статусом парадигм, как пишет, ссылаясь на мою недавнюю публикацию, мой оппонент, поскольку я оговариваю, что использую термин *парадигма* применительно к социальным наукам и гуманитарным дисциплинам как не более чем удобную замену выражению «стиль научного мышления», так как вполне разделяю сомнения Куна относительно наличия полноценных парадигм в социальных науках (Соколовский 2025а: 113). Такие образования могут наличествовать (как я уже упоминал во введении к этой дискуссии) в основном только в тех специализациях в антропологии, предмет и методы которых оказываются близкими к естественным наукам, в данном случае — биологии.

В содержательной реплике **Арины Медведевой** мое внимание привлекла пара, с моей точки зрения, интересных наблюдений методологического и методического характера. Я всецело поддерживаю ее замечание относительно важности выявления парадигматических структур, что позволяет группе исследователей «задать параметры разметки данных». Приблизительно такой подход я и намерен реализовывать в задуманном проекте выявления точек роста антропологического знания и прорывных направлений. Другим показавшимся мне интересным моментом является ее наблюдение относительно формализма социогуманитарных дисциплин, приводящего к «герметичному закреплению определенного подхода за конкретным терминологическим аппаратом». «Застревание» в терминологии — действительно распространенная проблема, которая, на мой взгляд, может быть преодолена только за счет знакомства исследователей с основами терминоведения. Я уверен, что число копий, ломаемых по поводу терминов, сразу бы сократилось. Иное дело — споры о содержании понятий, различия между которыми часто камуфлируются за счет использования одного и того же термина.

Случай с (аффективными) атмосферами практически дублирует упомянутый выше случай с термином *этнос*. У Германа Шмица *атмосфера* — это независимая от индивида сила, захватывающая его тело, которое начинает резонировать в унисон с действием ее силового поля; ей можно сопротивляться, но ее дорефлексивный характер затрудняет такое сопротивление. Шмиц, соблюдая принципы феноменологического метода, снимает в этой концепции дихотомию субъекта и объекта. Бёме, о котором пишет Медведева, напротив,

возвращается к дихотомии субъекта и объекта, эклектически сочетая феноменологию с т.н. объективным наблюдением. У него атмосфера складывается из «экстазов вещей» и производится совокупностью ее «генераторов». Это совсем иное понятие, хотя и обозначаемое тем же термином. Наконец третий лидер этого направления — Тонино Гриффери пытается объединить концепции Шмица и Бёме, но, с моей точки зрения, из-за противоречий в онтологиях объединяемых подходов убедительного синтеза у него не получается. Я считаю, что успех Бёме обусловлен довольно очевидными факторами, часть которых выходит за рамки и философии, и науки, а именно тем, что 1) его концепция больше соответствует той доминирующей в европейской философии традиции с которой весьма последовательно боролся Шмиц, то есть Бёме не преодолел как раз тех противоречий в доминирующих подходах, на которые указывал Шмиц; 2) работы Шмица из-за его оппозиции к доминирующей традиции стали переводиться на английский совсем недавно, в то время как уже несколько монографий Бёме были изданы на английском; 3) концепцию Шмица труднее, если не невозможно, инструментализовать и коммерциализовать, превращая атмосферы в нечто проектируемое и управляемое, к чему стремились многие прикладники (архитекторы, музыканты, сценаристы, маркетологи и т.п.). В то же время Бёме, возвращая агентность субъекту и предлагая концепт «генераторов атмосферы» (и извращая при этом глубокие идеи относительно природы этих пространств у Шмица, Телленбаха и других их единомышленников, боровшихся с интроспекционизмом или ментализмом доминирующей традиции) как бы дает в руки «проектировщикам» инструменты управления атмосферами. Остается вопрос — те ли это явления, которые имеет в виду Шмиц (см. подробнее мое интервью с Тонино Гриффери и вводную статью к специальному выпуску по антропологии аффективных атмосфер, опубликованному в журнале «Этнографическое обозрение» — Соколовский 2024 а, б).

Что касается гипотезы относительно проективной роли философии в отношении социогуманитарных дисциплин, то она безусловно заслуживает внимания и проверки. Многие философские идеи действительно существенно влияют на становление парадигм, но вопрос о документировании такого влияния в рамках истории конкретных дисциплин остается открытым, как и вопрос, является ли философия непосредственным и исключительным поставщиком «чертежей будущих парадигм» для социальных наук.

Я, разумеется, согласен с утверждением **Евгении Поповой**, что «любая история науки ... множественна», и вероятнее всего, множественность реконструируемых историками науки путей развития дисциплин и направлений каким-то образом отражается на представлениях о парадигматических характеристиках этих направлений и дисциплин. Однако не только доминирование какой-то парадигмы в рамках конкретной дисциплины сопряжено с консенсусом, но и сам диагноз о доминировании этой парадигмы на определенном этапе развития дисциплины (в реконструкции этого развития историком) должен опираться на консенсус среди историков науки. Иными словами — множественность репрезентаций такого развития у историков науки — это лишь констатация ситуации, а не ее нормативный идеал. Любопытнее было бы сравнить парадигмы и их столкновение у историков науки с парадигмами «большой историографии» или философии истории. Кроме того, очень существенным для обсуждаемой темы остается вопрос, возможен ли прогресс зна-

ний в рамках конкретного направления без наличия консенсуса, характерного (по Куну) для нормальной стадии развития науки как условия приращения знаний.

Я также согласен с тезисом, что «в антропологических исследованиях до сих пор наблюдается тенденция к обособлению технологий от социальной сферы и человеческого опыта», хотя, опираясь на существующие сегодня подходы к концептуализации техники, я бы радикализовал суждение Пфаф-фенбергера об «укорененности социально-технических систем в культуре, ритуалах и мифических нарративах», подчеркнув, что и культура, и ритуалы и мифы сами являются технологиями и техниками и переопределив человека как *техносимбионта* — существо, уже не способное к выживанию вне так понимаемой техносферы. Взгляд на человека как на исконно и сущностно техническое существо требует переосмысления всей антропологии и лучшего понимания *технэ* — умений, навыков, привычек, техник тела, телесных диспозиций, двигательных паттернов, прочно присвоенных и ставших неотъемлемыми частями интегрированных с ближней средой психики и тела человека, определяющих его манеру присутствия в мире.

Я признателен **Николаю Ссориному-Чайкову**, напомнившему читателям об истоках классификации научных дисциплин и подчеркнувшему важность латуровского проекта интеграции знаний, требующего от всех исследователей, включая антропологов, поворота «лицом к Гее». Примером такой работы является написанная антропологами коллективная монография «Искусство выживания на поврежденной планете» (*Tsing et al.* 2017). Я убежден, что интеграция наук неизбежна, что с очевидностью происходит уже сейчас, поскольку кроссдисциплинарные влияния практически во всех социогуманитарных дисциплинах столь сильны, и гибридизация знаний приобрела такой размах, что все прежние дисциплинарные перегородки уже практически уничтожены, хотя не все ученые осознают это обстоятельство, а система университетского образования пока явно не поспевает за этими тектоническими переменами в структуре научного знания. Приведенное мной в открывающий этот номер журнала статье наблюдение Джорджа Маркуса о центробежных тенденциях развития антропологического знания, опустошающих ядро дисциплины и оставляющих ее «без связующих идей относительно места и роли антропологии в современном мире»¹¹, спустя почти двадцатилетие, прошедшее со времени интервью, в котором оно было сделано, не теряет своей актуальности, однако происходящие на наших глазах процессы реконфигурации и кроссдисциплинарной интеграции научных знаний дают надежду на появление нового, теперь уже трансдисциплинарного ядра с собственными методами, нормами и образцами исследования. Постантропоцентристский проект, разворачивающийся сегодня в антропологии, социологии, психологии и некоторых других науках о человеке является отражением, или точнее — взглядом на эту интеграцию из перспективы динамично развивающегося социогуманитарного знания.

Видимо, можно согласиться и с утверждением Н.В. Ссорины-Чайкова, что «парадигматическим тезисом» в политической антропологии XXI в. стал

¹¹ В силу важности данного утверждения для дальнейшего изложения приведу его буквально: «The center is fragmented, and while not empty literally, is indeed empty of coherent ideas about what anthropological research is» (*Marcus* 2008: 4).

тезис о *state di eccezione* Джорджо Агамбена, заимствованный им из шмиттовского *Ausnamezustand*, однако транспонированный на современную политическую культуру западных демократий и превращенный им из принципа восстановления законности за счет введения сувереном *чрезвычайного положения*¹² — в структурную часть современной политической системы, не способной иным способом реализовывать глобальное управление.

Интересные вопросы о соотношении подходов в общей историографии, истории науки и истории антропологии (а также философии истории) позволяет задать комментарий **Наталии Любимовой**. Реализованный Джорджем Стокингом «импорт» из историографии истории в историю антропологии основных положений дискуссии об историзме и презентизме сегодня встречает сопротивление среди некоторых антропологов, полагающих, что *антропология* дисциплинарной истории, то есть взгляд на нее изнутри антропологического цеха и с позиций антропологии профессий может дать более продуктивные и интеллектуально емкие идеи (некоторые материалы с такого рода критикой читатель сможет обнаружить в упомянутой Н. С. Любимовой дискуссии в *Этнографическом обозрении*), нежели работы не являющихся антропологами профессиональных историков науки типа Стокинга.

Что касается противостояния «презентистов» и «историков», то оно хорошо знакомо российским историкам и антропологам, в особенности тем, кто успел еще на студенческой скамье познакомиться с историзмом в версиях Гегеля, Маркса и Конта. То, что могло восприниматься Стокингом в 1965 г. как не утратившая своей новизны и остроты дискуссия в американской историографии¹³, вряд ли могло восприниматься так же свежо по другую сторону Атлантики. Стокинг сам впоследствии практически отказался от этой дихотомии в пользу рефлексивного баланса между презентистским и историцистским подходами, вполне осознавав, что ценности историков определяются их собственным временем, и что презентизм может оказаться полезным в роли стандарта сравнения конкурирующих историцистских реконструкций. (см. подробнее: *Bashkow* 2019).

Я благодарю **Григория Винокурова** за его критическое отношение к отдельным тезисам моей статьи и высказанные им замечания, не во всех

¹² Именно так, мне кажется, следует переводить это понятие Шмитта, ставшее частью тезауруса международного права, вместо использования перевода-кальки как *состояние исключения*, хотя второй вариант перевода поддерживает игру слов и метафорику, на которой строится рассуждения Николая об идеографических дисциплинах. Справедливости ради нужно заметить, что ни Гуантанамо, о котором пишет Агамбен, ни другие ставшие почти нормой «исключения» из действующего законодательства, позволяющие реализовывать нелегитимное насилие, не предполагают сегодня формального введения чрезвычайного положения, так что для таких случаев перевод «состояние исключения» подходит лучше. Он удачнее описывает и связанную с этим термином трактовку данного состояния у Агамбена.

¹³ Он, впрочем, в своей программной статье опирался на книгу старшего коллеги-историка Герберта Баттерфилда, увидевшую свет задолго до появления работы Стокинга — еще в 1931 г.; см. *Stocking* 1965; *Butterfield* 1931). Именно Баттерфилду приписывается авторство термина «презентизм», однако мы помним, что основы противостоящего ему историзма в историографии подробно обсуждались философами и историками еще в XIX в. (хотя сам термин *презентизм* ими не использовался), но за авторством термина не следует видеть авторство идеи или авторство стоящего за этим термином понятия. На позицию Стокинга значительное влияние оказали также идеи Томаса Куна — его коллеги по университету в Беркли (см. подробнее: *Bashkow* 2019).

случаях, впрочем, с моей точки зрения, точные (я имею виду допущенные ошибки прочтения, такие как вчитывание отсутствующих в исходном тексте утверждений, авторские проекции, излишне свободные интерпретации и т.п.). Критических замечаний в присланных комментариях немало, поскольку вся эта реплика построена полемически, что весьма ценно для затеянной дискуссии (отдельная благодарность за привлечение в качестве «союзников» современных антропологов, обращающихся к проблемам теории, что позволяет расширить рамки обсуждения и уточнить некоторые позиции)¹⁴. Я согласен со многими утверждениями Григория; о точках схождения и расхождения наших позиций — ниже.

Реплика открывается с упоминания не использованного в моей статье понятия *иерархии* как классического состояния дисциплины (в данном случае — антропологии). Эта же мысль продолжается в его обсуждении таксономии (тоже не использованного мною понятия, как раз по той причине, что таксономии всегда устроены иерархично). На этих не использованных в моем тексте понятиях строится часть критических замечаний и связанных с ними утверждений. Это я и называю вчитыванием собственных смыслов или проекцией на мой текст каких-то переживаний автора по поводу иных сочинений и авторов. Я, как и Григорий, разделяю критику «иерархий», хотя и не везде и повсюду, а лишь в онтолого-эпистемическом отношении (и притом — лишь в анализе настоящего, актуально происходящего), в том самом смысле, в котором Латур и Стенгерс вводили принцип несводимости и онтологического равенства акторов. В остальных контекстах (например, эволюционном и историческом) понятие иерархии остается рабочим — невозможно описать муравейник, львиный прайд, или феодальное и кастовое общества, игнорируя их иерархические устройства. Однако я согласен с пафосом автора, выступающего против слишком упрощенных схем в реконструкции истории дисциплин, например, линейных генеалогий, поскольку трансфер знаний осуществляется и между парадигмами, и, стало быть, ризоматические модели здесь были бы уместнее.

Парадигмы, в отличие от интерпретации содержания этого понятия автором реплики, не являются чем-то застывшим и не выстраиваются в таксономии — в лучшем случае они образуют темпорально организованные классификации, хотя ценностная оценка производимых в них знаний может оказаться имплицитно иерархичной — мы все-таки пытаемся отличать заведомо ложные или ошибочные и неверные высказывания и объяснительные конструкции от правдоподобных или подтвержденных экспериментом и опытом и оцениваем соответствующие утверждения не одинаково. Отсюда, кстати, мое использование выражений типа *квази-* или *псевдопарадигма*. Завершая комментарий ко введению (рассматриваемая здесь реплика, хотя и не велика, но содержит множество требующих комментариев утверждений), должен сказать, что я, как и Григорий, считаю, что «общее высказывание о состоянии дел в антропологии» вряд ли возможно, или столь же бессмысленно, как измерение общей температуры по больнице (собственно, именно по этой

¹⁴ Я считаю невежливым ограничиться здесь лишь «удобными для возражения» критическими тезисами и игнорировать остальные, поэтому приношу извинения читателю за, быть может, излишне подробные ответы, хотя и не могу не посетовать на цейтнот, в котором я оказался из-за того, что оставшаяся часть участников дискуссии не вписалась в предоставленный им для откликов двухмесячный срок, в силу чего мне приходится отвечать на присланные комментарии в авральном режиме, что может сказаться и на качестве ответных замечаний).

причине я и предлагаю смотреть на состояние дел в отдельных направлениях и областях антропологических исследований, а не в дисциплине в целом).

Содержащееся в моей статье утверждение о натурализме наблюдения уже стало общим местом в критике устройства антропологического поля (здесь достаточно сослаться на работы Хенрики Куклик, весьма выпукло обрисовавшей генеалогию этого метода: Kuklick 1996, 1997, 2011). И дело здесь не столько в окуляроцентризме, критикуемом Йоханнесом Фабианом и развивающей эту критику за счет демонстрации разнообразия «способов видения» Анной Гримшо. Линия преемственности между натуралистами XIX в. и современными антропологами локализована не столько в *иерархии* каналов восприятия (именно с этой точки зрения окуляроцентризм подвергается вполне справедливой критике), сколько в соотношении *статусов наблюдателя и наблюдаемых*, воспроизводящего, вопреки языковому камуфляжу, неравноправность ролей субъекта наблюдения и его объектов. Здесь, несмотря на умножение способов видения и рассмотрения или компоновки их результатов, мало что изменилось со времен Риверса и Малиновского. Лишь автоэтнография или, например (как в экспериментальной визуальной этнографии), передача камеры в руки «туземцев» кардинально меняют ситуацию, однако эти методы выходят за рамки стандартного наблюдения, заменяя его режимом самонаблюдения или феноменологии от первого лица¹⁵.

Считаю также незаслуженным неявный упрек, содержащийся во фразе «„Таксономиям“ из учебника следует противопоставить неочевидные связи и разрывы». Я не привожу никаких учебных таксономий — они в моем примере предлагаются не мною, а алгоритмом *DeepSeek*, выдавшим эту информацию по запросу о наличии парадигм в антропологии. Видимо, я недостаточно подчеркнул мое несогласие с полученным ответом, одновременно и тривиальным, и не вполне верным из-за неразличения собственно парадигматических структур и общенаучных идеологий или подходов (подробнее о таком различии см.: Соколовский 2025a).

¹⁵ На полях замечу, что разнообразие форм «видения», о котором пишет мой критик, вменяя мне их игнорирование, не устраняет родовых пятен натуралистической по своему происхождению и *асимметричной* техники наблюдения, в которой объектами были сначала *животные в их естественной среде*, а затем *туземцы в условиях, минимально затронутых цивилизацией* (этот факт хорошо документирован в уже упомянутых работах Х. Куклик). Отрицать это насилие — значит игнорировать существующую критику метода, не предоставляя аргументов или решений, которые могли бы устранить неравноправие статусов наблюдателя и наблюдаемых. отождествление антропологического наблюдения со *способами видения* (или, например, с «наблюдательностью» обывателя) приводит к агностике. Как заметил один писатель: «Специфика наблюдательности такова, что поглазеешь с полчасу на вооруженное восстание в городе — и спать хочется, а углядишь таракана в туалете Исторического музея — и вдруг нагрянут космические думы о смысле и назначении бытия». Прямой взгляд и среди животных, и в человеческих сообществах неспроста ассоциируется с вторжением в личное пространство, вызовом и агрессией. Перенос любопытствующего взгляда натуралиста с природного неживого объекта на живое существо уже аффективно заряжен, а попытка видеофиксации увиденного без согласия наблюдаемых, если речь идет о людях, сегодня не только этически осуждается, но и запрещается законодательно. Случайно ли это? И является ли множественность техник *смотрения*, о которой пишет Гримшо, заимствующая этот концепт у британского искусствоведа и писателя Джона Бергера, известного, среди прочего, своей критикой «мужского взгляда» в живописи, решением проблемы неравноправности в наблюдении? Еще раз подчеркну, чтобы вполне быть понятым: *формы наблюдения* в полевой этнографии исторически развиваются и меняются, однако *статус наблюдателя* пока не пережил сколько-нибудь заметных трансформаций, вопреки существующей в его адрес критике.

Далее Григорий вновь возвращается к своей идее таксономий и пишет: «Таксономический подход не чувствителен к тому, что обсуждаемая в статье «структура знания» существует в рамках определенной инфраструктуры его производства», игнорируя сразу и факт отсутствия в моей статье «таксономического подхода», и тот факт, что я пишу именно о *производстве* антропологического знания, хотя в своей реплике он сам цитирует этот пассаж («если исходный контекст производства антропологического знания продолжает оказывать влияние на сегодняшние дисциплинарные практики...»). Язык парадигм, по его мнению, не подходит для анализа дисциплинарного знания¹⁶ из-за вменяемых этому языку автором реплики *интеллектуализма* и *статики*.

Здесь мне хотелось бы уточнить, о каком именно интеллектуализме идет речь. Если о том, который противопоставляется антиинтеллектуализму и обскурантизму, нередко встречающимся даже среди ученых (например, при отказе от знакомства с научной литературой соседних направлений или философскими основаниями собственной дисциплины), то я безусловно на стороне такого интеллектуализма. Если же куновские парадигмы здесь объявляются чисто ментальными конструктами, укорененными исключительно в когнитивной схематизации и не содержащими элементов практики, то это — неверная интерпретация, расходящаяся с тем, как Кун их сам определяет. Для него это прежде всего — «модель постановки проблем и решений», а также «практическое применение теорий», включающих также этос конкретных научных сообществ. Все такого рода высказывания, а их в книге Куна много, свидетельствуют о том, что парадигмы у него — скорее эмпирические, нежели исключительно когнитивные структуры, и в этом смысле обвинение в интеллектуализме не попадает в цель.

Я совершенно согласен с моим критиком, что «„парадигмы“, „школы“, „направления“ не формируются в мыслительном вакууме идей...», но ведь Томас Кун как историк науки никогда и не отстаивал столь абсурдную позицию. Кроме того, я, как и мой оппонент, рассматриваю и парадигмы, и теории как «результаты труда», и здесь мы совершенно не расходимся. Однако я все же усматриваю опасность во фрагментарном использовании теоретических концептов, к чему, по всей видимости, склоняется мой оппонент, когда пишет (на примерах известных публикаций) о «Гоббсе в Сибири, Марксе в Карелии или Беньямине в Бурятии». Разумеется, анализ функционирования государства на сибирском Севере, труда сборщиков дикоросов в Карелии, или рассмотрение бурятской кинодокументалистики в контексте визуальной социологии вполне может реализовываться на основе интеллектуальных ресурсов, предлагаемых названными философами и критиками культуры, лишь бы такое использование оправдывалось проблематикой и материалами, в противном случае мы столкнемся с тем самым интеллектуализмом, противником которого вроде бы и является мой критик. Нужно, впрочем, заметить, что весьма пестрая компания привлеченных им союзников (от Витгенштейна и Салинза до Вагнера и Сивера), не совпадающих по своим взглядам и не объединяемых сколько-нибудь единой позицией, скорее свидетельствует о наличии в тексте реплики обличаемого автором интеллектуализма, нежели о его преодолении.

¹⁶ Есть известная ирония в том, что в своей критике парадигм автор реплики опирается на пару работ из серии «Prickly Paradigm Press» — издательского проекта, имеющего некоторое сходство замысла с предлагаемой мной картографией новых направлений в развитии антропологии.

Однако я горячо поддерживаю тезис автора о необходимости обнаружения «линий напряжения, пронизывающих самые разнообразные попытки теоретизирования» (правда, формулирую это по-своему — как поиск точек роста нового знания, инноваций, или т. н. прорывных направлений в антропологии). Я пытаюсь предложить для этого некоторые инструменты, включая эксперименты с искусственным интеллектом, анализ существующих в отдельных направлениях и субдисциплинах парадигмальных структур и (отражающихся в текущих дискуссиях и политике цитирования) столкновений между разделяемыми их носителями концепциями и нормами. Мой оппонент не считает эти инструменты подходящими для такого поиска, но и не выдвигает альтернативных предложений. *Методы* обнаружения «линий напряжения», о которых он упоминает лишь вскользь, остаются не названными, что только укрепляет подозрение в схоластичности призыва, или, если говорить в терминах моего оппонента — в оторванном от практики интеллектуализме.

В весьма содержательной реплике **Аси Филатовой** приводится множество положений, которые я разделяю и готов пропагандировать среди своих коллег и студентов. К ним относятся, например, ее наблюдение о том, как «дисциплины предпринимают эпистемические интервенции и экспансии, заходят на чужие предметные поля, заимствуют концептуальные метафоры друг друга, ассимилируют чужеродные объяснительные модели»; ее привлечение внимания к «риторике научной объективности», используемой дисциплинами «для легитимации собственного статуса»; ее наблюдение об исторической и политической изменчивости понятия «объективность»; ее утверждение, что научные границы «часто поддерживаются не логикой науки, а за счет инфраструктурных и институциональных усилий» и др. Я также вполне согласен с утверждением и пытаюсь в меру сил исправлять фиксируемое в нем положение, в соответствии с которым «наблюдается наглядный разрыв между дисциплинарной организацией академии и реальными когнитивными фреймами, в которых осуществляются исследования».

В кратком тексте этой реплики ее автору (здесь явно сказывается опыт преподавания) удастся выразительно представить фактически вековое развитие философии, социологии и антропологии науки — от логических позитивистов до лидеров материального поворота. Признаюсь, что я тоже примерялся в своем проекте к предложенному Кнорр-Цетиной концепту *эпистемических культур*, но вынужден был от него отказаться, поскольку он настроен на решение несколько иных задач — он помогает выявлять разнообразие практик в дисциплинах с если не с априорно и по умолчанию установленными границами, то все-таки мало друг с другом связанных и в этом отношении — легче противопоставляемых. В конгломерате родственных направлений в рамках антропологии его использование может оказаться неэффективным. Ориентация на сильные программы и сильные теории в прогнозе развития дисциплинарного знания может представляться как более удачная стратегия (собственно в силу этого я пытаюсь следить за «поворотами» и такими концепциями как АСТ, распределенное сознание, аффективные атмосферы и т. д.). У такой ориентации, однако, обнаруживается одно «но» — статус этих программ и теорий определяется апостериорно, после того, как они уже состоялись в качестве сильных. Точки роста нового знания могут не совпадать с областями распространения таких теорий и программ.

Я разделяю сомнения Куна о наличии полноценных парадигм в рамках социогуманитарного знания, и пример Аси, иллюстрирующий «одномоментное присутствие нескольких способов постановки проблем и их решений», позволяет еще острее поставить вопрос о возможности прогресса знания в этих дисциплинах при отсутствии консенсуса. Собственно, именно такое положение позволяет предположить, что прогресс реализуется не за счет развития внутридисциплинарного знания на уровне дисциплины в целом, а в результате его развития в коллективах, использующих близкие концептуализации и подходы, то есть в рамках отдельных направлений и областей исследования. А вот договориться об объемлющей теории и общих образцах решения проблем на уровне дисциплины в целом, кажется, не получается. Зато продуктивные споры вполне возможны как раз в границах специализаций и отдельных областей научного поиска, и именно в них за счет наработки общих концептуальных ресурсов возникают структуры знания, которые я обозначаю терминами «парадигматические структуры», или «квазипарадигмы». Использование приставки «квази-» здесь обусловлено низкими прогностическими возможностями циркулирующих в рамках социогуманитарного знания теорий (в отличие от теорий естественных наук). Конструктивистский тезис относительно создания реальности, кажется, лучше подходит к исследованиям в социальных науках, нежели, например, к астрономии, или физики, однако и в последних существуют области, где его использование оправдано (концепция агентивного реализма Карен Барад как новая итерация конструктивизма здесь особенно убедительна).

Ни в одном из других комментариев в этой дискуссии не проявилось столь ярко различие взглядов и научных идеологий, как в наших соотносительных позициях с моей коллегой **Мариной Бутовской**. Я не согласен с большинством ее тезисов и интерпретаций, что демонстрирует наличие серьезных расхождений парадигмального характера внутри той дисциплины, которую Анучин и Боас хотели видеть единой. Меня интересуют в этой дискуссии в первую очередь траектории развития антропологического знания, поэтому все сюжеты, связанные с публикационной политикой редколлегий журналов, здешних и зарубежных, я предпочитаю оставить за кадром, как имеющие лишь косвенное отношение к поднятым в ней вопросам. Отдавая полный отчет в специфике национальных традиций, я в данном случае действительно ставил вопрос о глобальных тенденциях развития антропологического знания, поэтому патристические призывы к преимущественному вниманию к отечественной науке, сколь справедливыми бы они ни были при прочих обстоятельствах, в рамках данной дискуссии мне представляются второстепенными¹⁷ (впрочем, нужно отметить, что представленный моей коллегой в заключительной части ее комментария краткий обзор достижений биоантропологии тоже не делает акцента именно на российских достижениях, а устроен как обзор состояния этих знаний во всем мире).

¹⁷ Российская антропология не стала здесь главным фокусом рассмотрения не только потому, что относительно ситуации в ней у меня опубликовано уже около полусотни работ, в которых документируются изменения последних 25–30 лет, но и потому, что я действительно не обнаруживаю сегодня на здешней почве прорывных направлений, способных изменить антропологию в глобальном масштабе (достижения и открытия мирового масштаба были, но они — в прошлом, и их перечень я уже представлял вместе с критериями оценки в других своих публикациях).

Мне не слишком симпатичны разделяемые моей коллегой откровенно позитивистские взгляды на научность, характер научного знания и научных данных, на сущность теории и ее роль, и вовсе не симпатично ее отношение к фундаменту научного знания — то есть к его онтологическим основаниям. Собственно, игнорирование этих оснований и обуславливает ее, мягко говоря, методологическую косность. Затянутая дискуссия имеет прямое отношение к истории и философии науки, и отрицать значение поднимаемых этими дисциплинами вопросов в ее рамках мне представляется невозможным. Я не стану комментировать интерпретации моей коллеги в отношении Латура, Брунера и онтологического поворота, считая их основанными на недоразумениях, проистекающих, видимо, от недостаточного знакомства с работами соответствующих авторов. Зато я поддерживаю ее оценку роли технологий в нынешних трансформациях научного знания. Кроме того, представленный в ее реплике краткий перечень актуальных проблем и направлений поиска в различных биоантропологических специализациях, с моей точки зрения, вполне вписывается в задачи картографирования антропологического знания в границах этой крупной антропологической дисциплины и служит хорошим материалом для дальнейших размышлений над поставленными в этой дискуссии вопросами.

* * *

Я должен принести извинения участникам этой дискуссии, поскольку, увлекаясь одними соображениями и сюжетами и неизбежно игнорируя другие, может быть, не менее важные, я не сумел уделить должного внимания всем замечаниям и комментариям. При этом у меня остался еще и долг перед читателями этого финального комментария, поскольку его заглавие обещало больше, чем я успел сообщить в отношении обозначенных в нем тем. Понятно, что я уже не сумею сполна этот долг возместить, но все-таки предложу пару соображений как об опустевшем, по меткому наблюдению Джорджа Маркуса, *ядре дисциплины*, так и о продолжающей интересовать меня поднятой Дианой Крэйн теме *незримых колледжей*. Опустошающие ядро центробежные тенденции, характерные для многих, если не всех социальных наук и интерпретируемые сегодня как нарастающая трансдисциплинарность знания, выражаются в *гибридизации методов, плюрализации тематики и инфляции содержания предмета* этих наук. В антропологии, если говорить о ее предмете, которым с момента ее становления были человек и человечество во всем многообразии их социальных, культурных и поведенческих проявлений, кризис выражается в отчетливой тенденции к постантропоцентристской проблематизации, тенденции, я замечу, вполне соответствующей реальности, которую можно обозначить как *киборгизацию человека*. Современное человечество прошло такое расстояние от *Ното habilis* до техносимбионта и успело делегировать артефактам такой объем двигательных и когнитивных функций, что, как и в антропологии, теряющей свое ядро, человечность и человеческое тоже размываются за счет включения в гибридные коллективности умелых и умных машин, постепенно вытесняющих ремесла и умения, заменяющих счет и память, а теперь и другие интеллектуальные функции — воображение, коммуникативные умения, чтение и письмо. Пока еще только детские психологи да сами разработчики систем искусственного интеллекта начинают бить тревогу относительно грозящего, или — по другим оценкам — уже идущего оглушения челове-

Соколовский С.В., Буговская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Скорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколового «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

чества. Ядро человеческого пустеет, как и ядро дисциплины о человеке. Правда, эту угрозу несколько ранее осознали писатели¹⁸.

Что касается «незримых колледжей», то мне представляется, что когда-то зафиксированные Крэйн действительно влиятельные сообщества-по-переписке сегодня, с вырождением эпистолярного жанра (этой утратой мы обязаны мессенджерам и смс), настолько трансформировались и стали столь эфемерными, что их выявление и поиск утрачивает смысл. Разумеется, остаются единомышленники, иногда выполняющие роль воображаемой аудитории (как однажды сказал мне коллега: «я пишу для одного-двух человек, которым это интересно...»), но влияют ли такие микроколлективы на пути развития дисциплины и формируют ли они точки роста действительно нового знания или «линии напряжения» в их «попытках теоретизирования», остается вопросом. А раз существует такое сомнение, то возникает и стимул искать более эффективные методы оценки состояния дисциплинарного знания.

В завершение вернусь к темам прогноза развития антропологического знания и поиска точек его роста и его новых форм в рамках исследовательских программ в разных областях, специализациях и направлениях, в которые оказываются вовлеченными антропологи¹⁹. Среди известных из истории дисциплины стандартных подходов к описанию развития этого знания преобладали биографии лидеров или история научных институций (научных центров, обществ, профильных министерств и т.п.), в то время как намеченная еще в середине 1960-х годов линия на выявления неформальных механизмов развития научного знания (невидимых колледжей, текущих дискуссий, запросов общества к научным коллективам и т.п.) начала набирать силу лишь в последние десятилетия, главным образом, за счет развития информационных технологий. Тема ядра дисциплинарного знания, опустошаемого в результате процесса дифференциации этого знания и нарастающей специализации и автономизации отпочковывающихся и автономизирующихся исследовательских областей и коллективов, здесь не случайна. Традиционная история науки, описывавшая дифференциацию знания, уделяла большее внимание освещению центробежных тенденций такого развития. Это не означает, что тенденции к синтезу знаний игнорировались, но когда речь шла о синтезе, объектом внимания, как правило, оказывался междисциплинарный трансфер. Внутридисциплинарные факторы интеграции и синтеза оставались в тени. Мне пред-

¹⁸ Вот диагноз одного из них, правда, касающийся лишь здешнего общества примерно пятнадцатилетней давности, когда системы ИИ еще проходили период внутриутробного развития: «...если люди нового времени запросто выбрасывают на помойку «Историю русской философской мысли» в восьми томах, то это какие-то совсем другие, пугательно новые люди, которым нисколько не интересно и не дорого то, что было интересно и дорого в мое время <...> между нами действительно лежит пропасть: нынешние поклоняются голому ритму, дорого одеты и говорят по-матерному, а всего лишь поколение тому назад (<...> когда еще веяло старыми добрыми временами и когда московские дворники еще могли потолковать о влиянии Мендельсона на творчество Губайдуллиной...) говорили все о возвышенном, пели «У дороги чибис» и по десять лет таскали одни штаны...». У меня самого было весьма похожее наблюдение в самом конце 1990-х годов, когда, возвращаясь с работы в трясском автобусе и с неудовольствием разглядывая пожилых молдавских гастарбайтеров, устроившихся на последнем ряду с чесноком и водкой (водку я бы простил, но вот чесночный перегар раздражал), я, прислушавшись к разговарившему среди них спору, вдруг услышал: «Коня у Александра Македонского звали Буцефал, а не Боливар! Боливар — это у О'Генри!», и меня охватила гордость за советскую систему образования.

¹⁹ Весьма предварительный прогноз с перечнем областей, способных в ближайшие десятилетия стать источниками инноваций, представлен мной в: Соколовский 2025а: 115–117.

ставляется, что некоторые тенденции развития антропологического знания в рамках формирующихся сегодня постантропоцентристских его направлений (например, мультивидовой этнографии, онтологической проблематики, исследований экологически распределенных когнитивных и аффективных функций, техноантропологии) дают основания говорить о формировании нового ядра дисциплины вместо практически опустошенного прежнего. Это — светлая сторона происходящего. О его другой «темной» стороне — киборгизации и ее угрозах — уже упоминалось. Однако при любом прогнозе и антропологам, и их коллегам из других дисциплин приходится учитывать векторы развития социогуманитарного, да и в целом научного знания, иначе они рискуют утратить контакт с реальностью, и без того опережающей это развитие. Выражу надежду, что эта дискуссия будет способствовать развитию интереса к затронутым в ней проблемам.

Научная литература

Адаев В. Н. О роли традиционного мировоззрения коренных народов Севера в качестве регулятора режима природопользования // *Этнос и среда обитания: Сборник статей по этнической экологии. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения* / ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2017. С. 137–148.

Алексеев В. П. Этногенез. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.

Алымов С. С. Теория этноса // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-etnosa-542e8d?v=3909963>– Дата публикации: 06.06.2022 г. (Дата обращения: 28.04.2025 г.).

Антропология и социология // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 8–168.

Богатырь Н. В. Ритуал как механизм превращения инновации в традицию в современной материальной культуре: на примере сервиса восстановления данных: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.07. М., 2011.

Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2004. № 1. С. 64–92.

Гириц К. Интерпретация культур. М.: РОСПЭН, 2004.

Дарнелл Р., Алымов С. С., Арзютов Д. В., Гибсон Д. М., Кек Ф., Кузнецов И. В., Лаззари А., Льюис Х. С., Парезо Н., Рибейро Г. Л., Ришар Н., Соколовский С. В. Критическая парадигма для истории антропологии: к характеристикам переносимого знания // *Этнографическое обозрение.* 2023. № 4. С. 108–182.

Добреньков В. И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология,* 2013. № 1. С. 5–32.

Соколовский С. В., Буговская М. Л., Винокуров Г. Д., Любимова Н. С., Медведева А. Р., Попова Е. В., Сеорин-Чайков Н. В., Филатова А. А., Ямсков А. Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С. В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

- Дроздова В. А. Особенности применения массового опроса как метода социологических исследований // Психология, социология и педагогика. 2014. № 6. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/06/3172> (дата обращения: 16.01.2025).
- Звонарева О. И., Контарева А. Ю., Попова Е. В. Новое время, новое поле. СПб: Алетейя, 2021.
- Каныгин Г. В. Нарратив и его эпистемологические особенности // Петербургская социология сегодня. 2024. № 25. С. 5–31. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938>; EDN: PRRVKD
- Касаткина А. К. Субстанции отношений и нарративное разделение труда в дачном домохозяйстве // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 23–40.
- Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 3–16.
- Козлов В. И., Ямсков А. Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде / отв. ред. Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989. С. 86–107.
- Крушанов А. А. Философский анализ научной революции в новом аспекте // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2 (52). С. 99–104.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 312 с. Переизд.: М.: АСТ МОСКВА, 2009.
- Куренной В. А. Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 8–51.
- Латур Б. Где недостающая масса. Социология одной двери // Социология вещей / ред. В. Вахштайн. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 376 с.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 524 с.
- Райт Э. О. Основы неомарксистского классового анализа // Подходы к классовому анализу / ред. Э.О. Райт. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2019. С. 18–55.
- Рахманова Л. Я. Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 45–60.

- Рахманова Л. Я. Дивид на заимке, заимка как дивид: этнография сибирской избушки сквозь призму женского отсутствия // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 41–65.
- Ритцер Д. Современные социологические теории. 5-е изд. М.: Питер, 2002. 686 с.
- Соколовский С. В. Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 143–186.
- Соколовский С. В. Публикационная политика и проблемы развития антропологических исследований в России // Вестник РАН. 2022. Т. 92, № 2. С. 131–139.
- Соколовский С. В. Об атмосферном повороте в социальных науках // Этнографическое обозрение. 2024а. № 4. С. 5–21.
- Соколовский С. В. В поисках атмосфер: направления, методы, перспективы (интервью с Тонино Гриффери) // Этнографическое обозрение. 2024б. № 4. С. 22–38.
- Соколовский С. В. О метанарративах, парадигмах, теориях и концепциях в антропологии // Антропологический форум. 2025а. № 64. С. 111–123.
- Соколовский С. В. Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта. М., 2025б // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 1. С. XXX
- Сорин-Чайков Н. В. Экономика, ойкономия, домострой: заметки об антропологии домохозяйства // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 5–22.
- Терешина Д. В. Семейное управление бизнесом: предприятие как домохозяйство // Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 66–80.
- Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, АСТ МОСКВА, Хранитель, 2008. 413 с.
- Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН. 2016, 458 с.
- Форум: Антропологические теории для XXI века: дорожная карта // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 13–196.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, Книжный дом «Университет», 1998.
- Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Ямсков А. Н. История развития и основные направления эколого-антропологических исследований в науке США // Гуманитарная экология и мир человека: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 27–29 октября 2011 г. Киров: ООО «Коннектика», 2011. С. 39–51.

- Ямсков А. Н.* История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.
- Ямсков А. Н.* Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам. Географический факультет / ред.: В.Т. Дмитриева, А.Н. Воробьев, А.Н. Ямсков. М.: МГПУ, 1999. С. 105–126.
- Ямсков А. Н.* Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Т. 1: Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова / ред.: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73–94.
- Яровая П. Р.* Труд и работа в этике современного православия: восстановление крестьянского дома, монастыря и Святой Руси// Этнографическое обозрение. 2024. № 6. С. 81–96.
- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: The University of Chicago Press, 2001.
- Barad K.* Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 524 p.
- Bashkow I.* On History for the Present: Revisiting George Stocking's Influential Rejection of «Presentism» // American Anthropologist. 2019. Vol. 121, no. 3. P. 1–12.
- Bhaskar R.* A Realist Theory of Science. New York: Verso, 2008. 288 p.
- Bille M., Simonsen K.* Atmospheric practices: On affecting and being affected // Space and Culture. 2021. T. 24. № 2. P. 295–309.
- Böhme G.* Atmosphere as the fundamental concept of a new aesthetics // Thesis eleven. 1993. Vol. 36. № 1. P. 113–126.
- Böhme G.* Atmosphere (sensu Gernot Böhme) // Online Encyclopedia Philosophy of Nature / Kirchhoff, Thomas (ed.); Online Lexikon Naturphilosophie. 2021. doi:10.11588/oepn.2021.1.80607
- Bruner J.* The Culture of Education. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
- Bruun M. H., Wahlberg A.* The anthropology of technology: the formation of a field: introduction // The Palgrave handbook of the anthropology of technology. Singapore: Springer Nature Singapore, 2022. P. 1–33.
- Burrell G., Morgan G.* Sociological Paradigms and Organisational Analysis: Elements of the Sociology of Corporate Life. London: Routledge, 2019.
- Butterfield H.* The Whig Interpretation of History London: G. Bell and Sons, 1931.
- Callon M.* Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed.J. Law. London: Routledge, 1986. P. 196–223.

- Chapman K.* 'An aerial slum': Race, air pollution and the affective atmospheres of urban modernity // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2025. P. 1–22. doi:10.1177/02637758251315228
- Comaroff J. L.* The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/Discipline // *American Anthropologist*. 2010. Vol. 112. P. 524–538. DOI: 10.1111/j.1548-1433.2010.01273.x.
- Crane D.* *Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities*. Chicago: The University of Chicago Press, 1972. 226 p. URL: <https://archive.org/details/invisiblecollege0000cran/>.
- De la Cadena M., Lien M. E., Blaser M., Jensen C. B., Lea T., Morita, A. ... Wiener M.* Anthropology and STS: Generative interfaces, multiple locations // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2015. No. 5(1). P. 437–475.
- Devlin W. J., Bokulich A.* (eds.). *Kuhn's Structure of Scientific Revolutions — 50 Years On*. New York: Springer, 2015. 199 p.
- Dogan M.* Paradigms in the Social Sciences // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2001. P. 11023–11027.
- Eckberg D. L., Hill L., Jr.* The paradigm concept and sociology: a critical review // *American Sociological Review*. 1979. No. 44(6). P. 925–937. <https://doi.org/10.2307/2094717>
- Fabian J.* *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press, 1983. 205 p.
- Fortes M., Evans-Pritchard E.E.* (eds.) *African Political Systems*. London: Oxford University Press, 1940.
- Freilich M.* Ecology and Culture: Environmental Determinism and the Ecological Approach in Anthropology // *Anthropological Quarterly*. 1967. Vol. 40. No. 1. P. 26–43.
- Fuller S.* *The Governance of Science: Ideology and the Future of the Open Society*. Buckingham: Open University Press, 2000. 160 p.
- Geertz C.* *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books, 1973.
- Geertz C.* *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford: Stanford University Press, 1988. 168 p.
- Gell A.* The technology of enchantment and the enchantment of technology // J. Coote & A. Shelton (Eds.). *Anthropology, art, and aesthetics*. Clarendon Press. 1992. P. 40–63.
- Gieryn T. F.* Boundary-work and the demarcation of science from non-science: Strains and interests in professional ideologies of scientists // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 6. P. 781–795.
- Gingrich A.* Ruptures, Schools, and Nontraditions: Reassessing the History of Sociocultural Anthropology in Germany // *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology*. University of Chicago Press, 2004.

Соколовский С.В., Бутовская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

- Graeber D.* Anthropology and the Rise of the Professional-Managerial Class // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2014. Vol. 4, № 3. P. 73–88. DOI: 10.14318/hau4.3.007.
- Gregorians L. et al.* Architectural experience: Clarifying its central components and their relation to core affect with a set of first-person-view videos // Journal of Environmental Psychology. 2022. T. 82. DOI: 10.1016/j.jenvp.2022.101841
- Grimshaw A.* The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 270 p.
- Haraway D. J.* Primate Visions: Gender, Race, and Nature in the World of Modern Science. New York and London: Routledge, 1989.
- Harvey P., Fardon R., Harris O., Marchand T., Nuttall M., Shore C., ... Wilson R.* Knowledge and experimental practice: a dialogue between anthropology and science and technology studies. The Sage handbook of social anthropology. London: Sage, 2012.
- Helmreich S.* Alien Ocean: Anthropological Voyages in Microbial Seas. Berkeley, CA: University of California Press, 2009. 375 p.
- Hutchins E.* Cognition in the Wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 381 p.
- Jiménez A. C.* The form of the relation, or anthropology's enchantment with the algebraic imagination // Cambridge Anthropology. 2014.
- Karasti H., Blomberg J.* Studying infrastructuring ethnographically. Computer Supported Cooperative Work (CSCW). 2018. No. 27. P. 233–265.
- Knorr-Cetina K.* *Tinkering Toward Success: Prelude to a Theory of Scientific Practice.* Theory and Society. 1979. No. 8. P. 347–376.
- Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 332 p.
- Kuklick H.* Islands in the Pacific: Darwinian biogeography and British anthropology // American Ethnologist. 1996. No. 23(3). P. 611–638.
- Kuklick H.* After Ishmael: The Fieldwork Tradition and Its Future // Gupta A., Ferguson J., eds. Anthropological locations: boundaries and grounds of a field science. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 47–65.
- Kuklick H.* Reflections on the History of Fieldwork, with Special Reference to Sociocultural Anthropology // Isis. 2011. Vol. 102, No. 1 (March 2011). P. 1–33.
- Latour B.* We Have Never Been Modern. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993.
- Latour B.* Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Latour B.* Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime. Cambridge: Polity Press, 2018.

- Latour B., Chakrabarty D.* Conflicts of Planetary Proportion—a Conversation // *Journal of the Philosophy of History*. 2020. Vol. 14, no. 3. P. 419–454.
- Latour B., Weibel P.* (eds.). *Critical Zones: The Science and Politics of Landing on Earth*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2020.
- Latour B., Woolgar S.* *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1979. 2nd ed.: Princeton: Princeton University Press, 1986. 296 p.
- Law J., Lien M.* Slippery: Field notes of empirical ontology. *Social Studies of Science*. 2013. No. 43 (3). P. 363–378.
- Lynch M.* *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge, 1985. 230 p.
- Marchand S. L.* *German Orientalism in the Age of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Marcus G., Pizarro M.* The End(s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology's Signature Form of Producing Knowledge in Transition. *Cultural Anthropology*. 2008. No. 23(1). P. 1–14.
- Morgan D. L.* Methodological implications of combining qualitative and quantitative methods // *The Mixed Methods Research* / eds. V.L. Plano Clark, J.W. Creswell. Los Angeles et al.: SAGE Publications, 2008. P. 29–65.
- Morita A.* Spaces of equivocation: Some generative interfaces between anthropology and STS in Japan. *Anthropology and STS: Generative interfaces, multiple locations* // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2015. No. 5 (1). P. 441–445.
- Mullins N.* *Theory and Theory Groups in American Sociology*. New York: Harper & Row, 1973.
- Paidipaty P.* 'Tortoises all the way down': Geertz, cybernetics and 'culture' at the end of the Cold War // *Anthropological Theory*. 2020. Vol. 20, № 1. P. 97–129. DOI: 10.1177/1463499619899747.
- Pandian A.* *A Possible Anthropology: Methods for Uneasy Times*. Durham: Duke University Press, 2019. 280 p.
- Pfaffenberger B.* Social anthropology of technology // *Annual Review of Anthropology*. 1992. No. 21. P. 491–516.
- Platzer D., Allison A.* Academic Precarity in American Anthropology // *Member Voices, Fieldsights*. 2018. 12 February. URL: <https://culanth.org/fieldsights/academic-precarity-in-american-anthropology> (дата обращения: 08.05.2025).
- Price D. S.* *Little Science, Big Science*. New York: Columbia University Press, 1963.
- Reed I. A.* *Interpretation and Social Knowledge: On the Use of Theory in the Human Sciences*. Chicago: University of Chicago Press, 2011. 194 p.

Соколовский С.В., Бугоевская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

- Resch B., Rozas D.* Addressing durability in collaborative organising: Event atmospheres and polyrhythmic affectivity // *Human relations*. 2025. T. 78. No. 1. P. 59–90.
- Ribeiro G. L., Escobar A.* *World Anthropologies. Disciplinary Transformations within Systems of Power*. Oxford: Berg, 2006.
- Ritzer G., Stepnisky J.* *Sociological Theory*. Ed. 10. London: Sage, 2018. 1124 p.
- Rorty R.* *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979. 401 p.
- Sahlins M.* *Waiting for Foucault, Still*. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. 100 p.
- Said E. W.* *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
- Schutt R. K.* *Investigating the Social World: The Process and Practice of Research*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1996.
- Seaver N.* Bastard Algebra // Boellstorff T., Maurer B. (eds.). *Data: Now Bigger and Better!* Chicago: Prickly Paradigm Press, 2015. P. 27–43.
- Stengers I.* Experimenting with refrains: Subjectivity and the challenge of escaping modern dualism // *Subjectivity*. 2008. No. 22. P. 38–59.
- Stocking G. W.* On the limits of ‘presentism’ and ‘historicism’ in the historiography of the behavioral sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1, No. 3. P. 211–218.
- Stocking G. W.* *Victorian anthropology*. New York: Free Press; London: Collier Macmillan, 1987. 429 p.
- Stocking G. W.* Delimiting Anthropology: Historical Reflections on the Boundaries of a Boundless Discipline // *Social Research*. Vol. 62, No. 4, *Defining the Boundaries of Social Inquiry* (Winter 1995). P. 933–966.
- Swanson H. A.* Who’s in the room? The importance of multidisciplinary spaces for anthropology and STS. *Anthropology and STS: Generative interfaces, multiple locations* // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2015. No. 5 (1). P. 445–448.
- Traweek Sh.* *Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics*. Harvard University Press, 1988.
- Tsing A.* *The Mushroom at the End of the World: Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021. 352 p.
- Tsing A., Swanson H., Gan E., Bubandt N.* *Arts of Living on a Damaged Planet. Ghosts of the Anthropocene*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017. 350 p.
- Veblen Th.* *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York: Macmillan, 1899.

- Wald-Fuhrmann M. et al.* Music listening in classical concerts: Theory, literature review, and research program //Frontiers in Psychology. 2021. T. 12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.638783
- Wallace R. A., Wolf A.* Contemporary Sociological Theory: Continuing the Classical Tradition. 4th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1995.
- Waters M.* Modern Sociological Theory. London: Sage Publications, 1994.
- Weinberger A. B. et al.* Psychological responses to buildings and natural landscapes //Journal of Environmental Psychology. 2021. T. 77. DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101676
- Yamashita et al.* The Making of Anthropology in East and Southeast Asia. New York: Berghahn Books, 2004.
- Zimmerman A.* Anthropology and Antihumanism in Imperial Germany. University Of Chicago Press, 2001.

Research article

Sokolovskiy S. V., Butovskaya M. L., Wiener B. E., Vinokurov G. D., Lyubimova N. S., Medvedeva A. R., Popova E. V., Ssorin-Chaikov N. V., Filatova A. A., Yamskov A. N. Paradigmy, podkhody i teorii v sovremennoi antropologii: diskussiiia po stat'e S.V. Sokolovskogo «Struktury sovremennogo antropologicheskogo znaniia s pozicii biologicheskogo razuma i iskusstvennogo intellekta» [Paradigms, approaches, and theories in contemporary anthropology: a discussion on the article by S.V. Sokolovskiy «Structures of modern anthropological knowledge from the perspective of biological intelligence and artificial intelligence» *Anthropologies*, 2025, no 1, pp. 29-121, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-1/29-121>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sokolovskiy S. V. | sokolovskiserg@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Center of Anthropoecology

Butovskaya M. L. | marina.butovskaya@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Center of Cross-Cultural Psychology and Human Ethnology, Head of the Center

Wiener B. E. | wienerras@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9319-0250> | Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS

Vinokurov G. D. | gdvinokurov@edu.hse.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3995-3178> | Faculty of Anthropology, European University in St. Petersburg, Department of History, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Master's Student

Lyubimova N. S. | lyubimova@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0002-1364-0280> | Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Ethnographic Scientific and Educational Center

Соколовский С.В., Бутовская М.Л., Виенер Б.Е., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Ссорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

Medvedeva A.R. | arinamka@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-8911-5100> | Senior Researcher, Department of Media Theory, Chelyabinsk State University.

Popova E.V. | iam.e.popova@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0003-1716-8849> | Head of the Department of Anthropology and Ethnology at the National Research, Tomsk State University

Ssorin-Chaikov N.V. | nssorinchaikov@hse.ru | <https://orcid.org/0000-0001-7521-6912> | Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg

Filatova A.A. | asyafilatova82@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-0497-0018> | 0018 Researcher, TSU School of Advanced Studies; Associate Researcher, Institute of Philosophy RAS

Yamkov A.N. | yamkov@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9995-5883> | Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Center of Anthropoecology

Abstract

The publication is a discussion of the article by S.V. Sokolovskiy «Structures of Contemporary Anthropological Knowledge from the Perspective of Biological Reason and Artificial Intelligence», as well as his report at the Theoretical Seminar of the IEA RAS, held on March 4, 2025. Sokolovsky's opening remarks outline the essence of the issues proposed for discussion: the presence of paradigms in modern anthropology and its subdisciplines, the relationship between theory and empiricism in anthropological research, etc. Nine remarks by the discussants discuss certain aspects of the given agenda: traditions of Russian anthropology (M.L. Butovskaya), the presence of paradigms and the discussion of this concept in sociology (B.E. Viner), the prospects of the «taxonomic» approach to the analysis of anthropological knowledge (G.D. Vinokurov), the presence of paradigms in research on the history of anthropology (N.S. Lyubimova), theoretical development of atmosphere studies (A.R. Medvedeva), the state of research in the anthropology of technology (E.V. Popova), the state of exception as a theoretical basis of anthropological research (N.V. Ssorin-Chaikov), epistemic modes and epistemic cultures (A.A. Filatova), paradigms in ethnoecology (A.N. Yamkov). The publication includes Sokolovskiy's responses to the discussants.

Keywords: anthropological knowledge, anthropological theories, paradigm, subdiscipline, cognitive anthropology, ethnology, ontological turn, DeepSeek (R1), AIOpen DeepResearch

References

- Abbott, A. 2001. *Chaos of Disciplines*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Adaev, V. N. 2017. O roli tradicionnogo mirovozzreniia korennykh narodov Severa v kachestve regulatora rezhima prirodopol'zovaniia [On the role of the traditional worldview of the indigenous peoples of the North as a regulator of the environmental management regime]. *Etnos i sreda obitaniia: Sbornik statei po etnicheskoi ekologii*, 5: Issledovaniia sistem zhizneobespecheniia. Eds. N.I. Grigulevich, N.A. Dubova, A.N. Yamkov. M.: Staryi sad: 137–148.

- Alekseev, V. P. 1986. *Etnogenez* [Ethnogenesis]. M.: Vysshaya shkola.
- Alymov, S.S. Teoriia etnosa [Theory of ethnicity]. *Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya: nauchno-obrazovatel'nyi portal*. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-etnosa-542e8d?v=3909963>.
- Antropologiya i sociologiya [Anthropology and Sociology]. 2012. *Antropologicheskii forum*, 16: 8–168.
- Barad, K. 2007. *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham: Duke University Press.
- Bashkow, I. 2019. On History for the Present: Revisiting George Stocking's Influential Rejection of «Presentism». *American Anthropologist*, 121, 3: 1–12.
- Bhaskar, R. 2008. *A Realist Theory of Science*. New York: Verso.
- Bille, M., Simonsen, K. 2021. Atmospheric practices: On affecting and being affected. *Space and Culture*, 24, 2: 295–309.
- Bogatyr', N. V. 2011. *Ritual kak mekhanizm prevrashcheniya innovatsii v traditsiiu v sovremennoi material'noi kul'ture: na primere servisa vosstanovleniya dannykh* [Ritual as a mechanism for turning innovation into tradition in modern material culture: an example of a data recovery service]: diss. ... PhD: 07.00.07. M.
- Böhme, G. 1993. Atmosphere as the fundamental concept of a new aesthetics. *Thesis eleven*, 36, 1: 113–126.
- Böhme, G. 2021. Atmosphere (sensu Gernot Böhme). Online Encyclopedia Philosophy of Nature. Kirchhoff, Thomas (ed.); *Online Lexikon Naturphilosophie*. doi:10.11588/oeqn.2021.1.80607
- Bruner, J. 1996. *The Culture of Education*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bruun, M. H., Wahlberg, A. 2022. The anthropology of technology: the formation of a field: introduction. *The Palgrave handbook of the anthropology of technology*. Singapore: Springer Nature Singapore: 1–33.
- Burrell, G., Morgan, G. 2019. *Sociological Paradigms and Organisational Analysis: Elements of the Sociology of Corporate Life*. London: Routledge.
- Butterfield, H. 1931. *The Whig Interpretation of History*. London: G. Bell and Sons.
- Callon, M. 1986. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* Ed.J. Law. London: Routledge: 196–223.
- Chapman, K. 2025. 'An aerial slum': Race, air pollution and the affective atmospheres of urban modernity. *Environment and Planning D: Society and Space*: 1–22. doi:10.1177/02637758251315228
- Comaroff, J. L. 2010. The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/Discipline. *American Anthropologist*, 112: 524–538. DOI: 10.1111/j.1548-1433.2010.01273.x.

- Crane, D. 1972. *Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities*. Chicago: The University of Chicago Press. URL: <https://archive.org/details/invisiblecollege0000cran/>.
- Darnell, R., Alymov, S. S., Arziutov, D. V., Gibson, D. M., Kek, F., Kuznecov, I. V., Lazzari, A., Liuis, X. S., Parezo, N., Ribeiro, G. L., Rishar, N., Sokolovskiy, S. V. 2023. Kriticheskaia paradigma dlia istorii antropologii: k kharakteristikam perenosimogo znaniia [A Critical Paradigm for the History of Anthropology: towards the Characteristics of Transferable Knowledge]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 108–182.
- De la Cadena, M., Lien, M.E., Blaser M., Jensen C. B., Lea, T., Morita, A. ... Wiener, M. 2015. Anthropology and STS: Generative interfaces, multiple locations. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 5, 1:437–475.
- Devlin, W. J., Bokulich, A. (eds.). 2015. *Kuhn's Structure of Scientific Revolutions — 50 Years On*. New York: Springer. (Boston Studies in the Philosophy and History of Science, 311).
- Dobrenkov, V. I. 2013. Metodologicheskie i epistemologicheskie problemy formirovaniia teoreticheskogo znaniia v sotsiologii [Methodological and epistemological problems for formation of theoretical knowledge in sociology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 18. Sotsiologiia i politologiia*, 1: 5–32.
- Dogan, M. 2001. Paradigms in the Social Sciences. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*: 11023–11027.
- Drozdova, V. A. 2014. Osobennosti primeneniia massovogo oprosa kak metoda sotsiologicheskikh issledovaniia [Features of the application of mass survey as a method of sociological research]. *Psikhologiia, sotsiologiia i pedagogika*, 6: 21. <https://psychology.snauka.ru/2014/06/3172>.
- Eckberg, D. L., Hill, L., Jr. 1979. The paradigm concept and sociology: a critical review. *American Sociological Review*, 44, 6: 925–937. <https://doi.org/10.2307/2094717>
- Fabian, J. 1983. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press.
- Feierabend, P. 2008. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniia* [Against the method. An essay on the anarchist theory of knowledge]. M.: AST, AST MOSKVA, Khranitel.
- Fortes, M., Evans-Pritchard, E.E. (eds.). 1940. *African Political Systems*. London: Oxford University Press.
- Forum: Antropologicheskie teorii dlia 21 veka: dorozhnaia karta [Forum: Anthropological theories for the 21st century: a roadmap]. 2025. *Antropologicheskii forum*, 64: 13–196.
- Freilich, M. 1967. Ecology and Culture: Environmental Determinism and the Ecological Approach in Anthropology. *Anthropological Quarterly*, 40, 1: 26–43.
- Fuller, S. 2000. *The Governance of Science: Ideology and the Future of the Open Society*. Buckingham: Open University Press.

- Galison, P. 2004. Zona obmena: koordinaciia ubezhdenii i deistvii [Exchange zone: coordination of beliefs and actions]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1: 64–92.
- Geertz, C. 1973. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Geertz, C. 1988. *Works and Lives: The Anthropologist as Author*. Stanford: Stanford University Press, 168 p.
- Geertz, C. 2004. *Interpretaciia kultur* [Interpretation of cultures]. M.: ROSPEN.
- Gell, A. 1992. *The technology of enchantment and the enchantment of technology*. J. Coote & A. Shelton (Eds.). *Anthropology, art, and aesthetics*. Clarendon Press: 40–63.
- Gieryn, T.F. 1983. Boundary-work and the demarcation of science from non-science: Strains and interests in professional ideologies of scientists. *American Sociological Review*, 48, 6: 781–795.
- Gingrich, A. 2004. Ruptures, Schools, and Nontraditions: Reassessing the History of Sociocultural Anthropology in Germany. *One Discipline, Four Ways: British, German, French, and American Anthropology*. University of Chicago Press.
- Graeber, D. 2014. Anthropology and the Rise of The Professional-Managerial Class. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 4, 3: 73–88. DOI: 10.14318/hau4.3.007.
- Gregorians, L. et al. 2022. Architectural experience: Clarifying its central components and their relation to core affect with a set of first-person-view videos. *Journal of Environmental Psychology*, 82. DOI: 10.1016/j.jenvp.2022.101841
- Grimshaw, A. 2001. *The Ethnographer's Eye: Ways of Seeing in Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haraway, D. J. 1989. *Primate Visions: Gender, Race, and Nature in the World of Modern Science*. New York and London: Routledge.
- Harvey, P., Fardon R., Harris O., Marchand T., Nuttall M., Shore C., ... Wilson, R. 2012. *Knowledge and experimental practice: a dialogue between anthropology and science and technology studies. The Sage handbook of social anthropology*. London: Sage.
- Helmreich, S. 2009. *Alien Ocean: Anthropological Voyages in Microbial Seas*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Hutchins, E. 1995. *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Jiménez, A.C. 2014. *The form of the relation, or anthropology's enchantment with the algebraic imagination*. Cambridge Anthropology.
- Kanygin, G. V. 2024. Narrativ i ego epistemologicheskie osobennosti [Narrative and its epistemological features]. *Peterburgskaia sotsiologiya segodnia*, 25: 5–31. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938>; EDN: PRRVKD
- Karasti, H., Blomberg J. 2018. Studying infrastructuring ethnographically. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 27: 233–265.

Соколовский С.В., Бутовская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

- Kasatkina, A. K. 2024. Substancii otnoshenii i narrativnoe razdelenie truda v dachnom domokhoziaistve [The substances of relationships and the narrative division of labor in a suburban household]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 23–40.
- Knorr-Cetina, K. 1979. *Tinkering Toward Success: Prelude to a Theory of Scientific Practice. Theory and Society*, 8: 347–376.
- Knorr-Cetina, K. 1999. *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge: Harvard University Press, 332 p.
- Komarova, G. A. (ed.). 2016. *Fenomen mezhdisciplinarnosti v otechestvennoi etnologii* [The phenomenon of interdisciplinarity in Russian ethnology]. M.: IEA RAN. 458 p.
- Kozlov, V. I. 1983. Osnovnye problemy etnicheskoi ekologii [The main problems of ethnic ecology]. *Sovetskaia etnografiia*, 1: 3–16.
- Kozlov, V. I., Yamskov, A. N. 1989. Etnicheskaiia ekologiia [Ethnic ecology]. *Etnologiia v SShA i Kanade*. Eds. E.A. Veselkin, V.A. Tishkov. M.: Nauka: 86–107.
- Krushanov, A. A. 2020. Filosofskii analiz nauchnoi revoliucii v novom aspekte [Philosophical analysis of the scientific revolution in a new aspect]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2, 52: 99–104.
- Kuklick, H. 1996. Islands in the Pacific: Darwinian biogeography and British anthropology. *American Ethnologist*, 23, 3: 611–638.
- Kuklick, H. 1997. After Ishmael: The Fieldwork Tradition and Its Future. *Anthropological locations: boundaries and grounds of a field science*. Gupta A., Ferguson J., eds. Berkeley: University of California Press: 47–65.
- Kuklick, H. 2011. Reflections on the History of Fieldwork, with Special Reference to Sociocultural Anthropology. *Isis*, 102, 1, March: 1–33.
- Kuhn, T.S. 1977; 2009. *Struktura nauchnykh revolyucii* [The structure of scientific revolutions]. M.: Progress. M.: AST MOSCVA.
- Kurennoi, V. A. 2021. Laboratornaia i polevaia nauka: ontologiia i epistemologiia [Laboratory and field science: ontology and epistemology]. *Sociologiia vlasti*, 33, 3: 8–51.
- Latour, B. 1993. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Latour, B. 2006. Gde nedostaiushhaia massa. Sociologiia odnoi dveri [Where is the missing mass. The Sociology of One Door]. *Sociologiia veshhei*. Ed.V. Vakhshain. M.: Territoria budushhego: 199–222.
- Latour, B. 2013. *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers within society]. SPb.: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta.
- Latour, B. 2014. *Peresborka socialnogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory]. M.: Izd. Vysshei shkoly ekonomiki.

- Latour, B. 2017. *Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.
- Latour, B. 2018. *Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.
- Latour, B., Chakrabarty, D. 2020. Conflicts of Planetary Proportion—a Conversation. *Journal of the Philosophy of History*, 14, 3: 419–454.
- Latour B., Weibel, P.(eds.). 2020. *Critical Zones: The Science and Politics of Landing on Earth*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Latour B., Woolgar, S. 1979. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton Univ. Press. 2nd ed.: Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Law, J., Lien, M. 2013. Slippery: Field notes of empirical ontology. *Social Studies of Science*, 43, 3: 363–378.
- Law, J. 2015. *Posle metoda: besporiadok i socialnaia nauka* [After the Method: Disorder and Social Science]. M.: Izd-vo In-ta Gaidara.
- Lynch, M. 1985. *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge, 230 p.
- Marchand, S. L. 2009. *German orientalism in the age of empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marcus, G., Pizarro, M. 2008. The End(s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology's Signature Form of Producing Knowledge in Transition. *Cultural Anthropology*, 23, 1: 1–14.
- Merton, R. K. 2006. *Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia structura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: Khranitel'.
- Morgan, D. L. 2008. Methodological implications of combining qualitative and quantitative methods. *The Mixed Methods Research*, ed. V.L. Plano Clark, J.W. Creswell: 29–65. Los Angeles et al.: SAGE Publications.
- Morita, A. 2015. Spaces of equivocation: Some generative interfaces between anthropology and STS in Japan. *Anthropology and STS: Generative interfaces, multiple locations. HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 5, 1: 441–445.
- Mullins, N. 1973. *Theory and Theory Groups in American Sociology*. New York Harper & Row.
- Paidipaty, P. 2020. 'Tortoises all the way down': Geertz, cybernetics and 'culture' at the end of the Cold War. *Anthropological Theory*, 20, 1: 97–129. DOI: 10.1177/1463499619899747.
- Pandian, A. 2019. *A Possible Anthropology: Methods for Uneasy Times*. Durham: Duke University Press.

Соколовский С.В., Бутовская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

- Pfaffenberger, B. 1992. Social anthropology of technology. *Annual Review of Anthropology*, 21: 491–516.
- Platzer, D., Allison, A. 2018. Academic Precarity in American Anthropology. *Member Voices, Fieldsights*, 12 February. URL: <https://culanth.org/fieldsights/academic-precarity-in-american-anthropology>.
- Popper, K. 1983. *Logika i rost nauchnogo znaniia* [Logic and the growth of scientific knowledge]. M.: Progress.
- Price, D. S. 1963. *Little Science, Big Science*. New York: Columbia University Press.
- Rakhmanova, L. Ya. 2019. Rybaki i kontroliruyushhie instancii na Obi: pravoprimenenie v teni lokalnykh pravil igry [Fishermen and controlling authorities on the Ob River: law enforcement in the shadow of local rules of the game]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 45–60.
- Rakhmanova, L. Ya. 2024. Divid na zaimke, zaimka kak divid: etnografiia sibirskoi izbushki skvoz' prizmu zhenskogo otsutstviia [Divid on zaimka, zaimka as divid: ethnography of a Siberian hut through the prism of female absence]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 41–65.
- Reed, I. A. 2011. *Interpretation and Social Knowledge: On the Use of Theory in the Human Sciences*. Chicago: University of Chicago Press.
- Resch, B., Rozas, D. 2025. Addressing durability in collaborative organising: Event atmospheres and polyrhythmic affectivity. *Human relations*, 78, 1: 59–90.
- Ribeiro, G. L., Escobar A. 2006. *World Anthropologies. Disciplinary Transformations within Systems of Power*. Oxford: Berg.
- Ritzer, D. 2002. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. M.: Piter.
- Ritzer, G., Stepnisky, J. 2018. *Sociological Theory*. Ed. 10. London: Sage.
- Rorty, R. 1979. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press.
- Sahlins, M. 2002. *Waiting for Foucault, Still*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Said, E. W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
- Schutt, R. K. 1996. *Investigating the Social World: The Process and Practice of Research*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Seaver, N. 2015. Bastard Algebra. *Data: Now Bigger and Better!* Boellstorff T., Maurer B. (eds.). Chicago: Prickly Paradigm Press: 27–43.
- Sokolovskiy, S. V. 2014. Zerkala i otrazheniia, ili eshhe raz o situacii v rossiiskoi antropologii [Mirrors and reflections, or once again about the situation in Russian anthropology]. *Antropologicheskii forum*, 20: 143–186.

- Sokolovskiy, S.V. 2022. Publikacionnaia politika i problemy razvitiia antropologicheskikh issledovaniy v Rossii [Publication policy and problems of development of anthropological research in Russia]. *Vestnik RAN*, 92, 2: 131–139.
- Sokolovskiy, S. V. 2024a. Ob atmosfernom povorote v socialnykh naukakh [About the atmospheric turn in the social sciences]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 5–21.
- Sokolovskiy, S.V. 2024b. V poiskakh atmosfer: napravleniia, metody, perspektivy (interviu s Tonino Griffero) [In search of atmospheres: directions, methods, perspectives (interview with Tonino Griffero)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 22–38.
- Sokolovskiy, S. V. 2025a. O metanarrativakh, paradigmakh, teoriiakh i koncepciiah v antropologii [About metanarratives, paradigms, theories and concepts in anthropology]. *Antropologicheskii forum*, 64: 111–123.
- Sokolovskiy, S. V. 2025b. *Struktury sovremennogo antropologicheskogo znaniia s pozicii biologicheskogo razuma i iskusstvennogo intellekta* [The structures of modern anthropological knowledge from the standpoint of biological intelligence and artificial intelligence]. M., 18 p. (writing).
- Ssorin-Chaikov, N. V. 2024. Ekonomika, oikonomiia, domostroi: zametki ob antropologii domokhoziaistva [Economics, oikonomy, domostroy: notes on the anthropology of the household]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 5–22.
- Stengers, I. 2008. Experimenting with refrains: Subjectivity and the challenge of escaping modern dualism. *Subjectivity*, 22: 38–59.
- Stocking, G. W. 1965. On the limits of ‘presentism’ and ‘historicism’ in the historio-graphy of the behavioral sciences. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1, 3: 211–218.
- Stocking, G. W. 1987. *Victorian anthropology*. New York: Free Press; London: Collier Macmillan, 429 p.
- Stocking, G. W. 1995. Delimiting Anthropology: Historical Reflections on the Boundaries of a Boundless Discipline. *Social Research*, 62, 4, Defining the Boundaries of Social Inquiry, Winter: 933–966.
- Swanson, H. A. 2015. Who’s in the room? The importance of multidisciplinary spaces for anthropology and STS. *Anthropology and STS: Generative interfaces, multiple locations. HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 5, 1: 445–448.
- Tereshina, D. V. 2024. Semeinoe upravlenie biznesom: predpriatie kak domokhoziaistvo [Family Business management: an enterprise as a household]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 66–80.
- Traweek, Sh. 1988. *Beamtimes and Lifetimes: The World of High Energy Physics*. Harvard University Press.
- Tsing, A. 2021. *The Mushroom at the End of the World: Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Соколовский С.В., Буговская М.Д., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Ссорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

- Tsing, A., Swanson, H., Gan, E., Bubandt, N. 2017. *Arts of Living on a Damaged Planet. Ghosts of the Anthropocene*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Veblen, Th. 1899. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study in the Evolution of Institutions*. New York.: Macmillan.
- Wald-Fuhrmann, M. et al. 2021. Music listening in classical concerts: Theory, literature review, and research program. *Frontiers in Psychology*, 12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.638783
- Wallace, R. A., Wolf, A. 1995. *Contemporary Sociological Theory: Continuing the Classical Tradition*. 4th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Waters, M. 1994. *Modern Sociological Theory*. London: Sage Publications.
- Weinberger, A. B. et al. 2021. Psychological responses to buildings and natural landscapes. *Journal of Environmental Psychology*, 77. DOI: 10.1016/j.jenvp.2021.101676
- Wright, E. O. 2019. Osnovy neomarksistskogo klassovogo analiza [Foundations of neo-marxist class analysis]. *Podkhody k klassovomu analizu*, ed. E.O. Wright: 18–55. Kyiv: Institut sotsiologii NAN Ukrainy.
- Yadov, V. A. 1998. *Strategiia sotsiologicheskogo issledovaniia: opisanie, obiasnenie, ponimanie sotsial'noi real'nosti* [Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality]. Moscow: «Dobrosvet», «Knizhnyi dom «Universitet»».
- Yadov, V. A. 2009. *Sovremennaia teoreticheskaia sotsiologiia kak kontseptual'naia baza issledovaniia rossiiskikh transformatsii* [Modern theoretical sociology as a conceptual basis for studying Russian transformations]. 2th ed. St. Petersburg: Intersotsis.
- Yamashita, et al. 2004. *The Making of Anthropology in East and Southeast Asia*. New York: Berghahn Books.
- Yamskov, A. N. 1999. Socialnaia ekologiia i etnoekologiia [Social ecology and ethnoecology]. *Programmy po ekologicheskim disciplinam. Geograficheskii fakultet*. Eds.: V.T. Dmitrieva, A.N. Vorobiev, A.N. Yamskov. M.: MGPU: 105–126.
- Yamskov, A. N. 2009. Traktovki poniatii «zhizneobespechenie» v etnicheskoi ekologii i vozmozhnyi podkhod k izucheniiu kulturnoi adaptatsii [Interpretations of the concept of «life support» in ethnic ecology and a possible approach to the study of cultural adaptation]. *Etnos i sreda obitaniia*, 1. Eds.: N.I. Grigulevich, N.A. Dubova, A.N. Yamskov. M.: Staryi sad: 73–94.
- Yamskov, A. N. 2011. Istoriia razvitiia i osnovnye napravleniia ekologo-antropologicheskikh issledovaniy v nauke SShA [The history of development and main directions of ecological and anthropological research in the USA]. *Gumanitarnaia ekologiya i mir cheloveka: materialy Vserossijskoj nauchnoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, 27–29 okt. 2011 g. Kirov: OOO «Konnektika»: 39–51.
- Yamskov, A. N. 2013. Istoriia stanovleniia i razvitiia otechestvennoi etnoekologii [The history of the formation and development of Russian ethnoecology]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 49–64.

- Yarovaya, P. R. 2024. Trud i rabota v etike sovremennogo pravoslaviia: vosstanovlenie krestianskogo doma, monastyrja i Sviatoi Rusi [Labor and Work in the Ethics of Modern Orthodoxy: the Restoration of a Peasant House, Monastery and Holy Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 81–96.
- Zimmerman, A. 2001. *Anthropology and Antihumanism in Imperial Germany*. University Of Chicago Press.
- Zvonareva, O. I., Kontareva, A. Yu., Popova, E. V. 2021. *Novoe vremia, novoe pole* [A new time, a new field]. SPb: Aleteia.

Соколовский С.В., Бутовская М.Л., Винокуров Г.Д., Любимова Н.С., Медведева А.Р., Попова Е.В., Сеорин-Чайков Н.В., Филатова А.А., Ямсков А.Н. Парадигмы, подходы, теории в современной антропологии: дискуссия по статье С.В. Соколовского «Структуры современного антропологического знания с позиций биологического разума и искусственного интеллекта»

